ISSN 0130–8009

ПИОНЕР

9'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

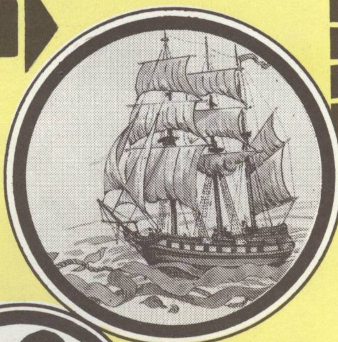
Москва, 1990
Издательство «Правда»

9

ЧИТАЙ В СЕНТЯБРЕ

На обложке: рисунок М. Масляевой.

«Это ты, Джон Сильвер?..» С. 5.



Мне лично жить негде... С. 36.

С. 46.

Все — сначала!

Прекрасные наши, здравствуйте! Прежние читатели и новые тоже! Постоянные, верные и те, кто осмелился, любопытствуя, подписаться на «Пионер» в этом году и теперь уже обязательно подпишется на следующий, 1991 год!

Ребята! Вы никогда не замечали, что 1 сентября пахнет Новым годом — морозным светом, серебряным месяцем, добрым праздником и новыми надеждами? Есть что-то, а? Ведь с 1 сентября тоже начинается новый год — учебный.

И вы, оказавшись на школьном дворе, в водоворотах ярких букетов, под сенью медленно осыпающихся деревьев, слушая бравурную музыку из репродукторов и перезвон колокольчика с крепким ушком, крутыми медными боками — символа школьного звонка,— ВДРУГ ощущаете, что ураган будущих перемен и надежд охватывает вас мягко, настойчиво и несет, несет, кружит, дух захватывает.

Кажется, что ты оказался в фиолетовых сумерках гигантской сцены, где-то вдали шевелятся и мерцают серебряные огоньки, скрипки медовыми голосами поют совсем рядом. Ты — в сказке. Ты — в начале круговорота удивительных событий. Тебя ждут встречи с добром и злом, печалью и радостью, вопросами и ответами. Со страхом — от глухого, кажется, необоримого нашествия темных сил. И с великолепным триумфом — всеохватывающим сознанием, что ДОБРО ВСЕГДА ПОБЕДИТ; с танцами, цветами, волшебными, нетающими снежинками, с короной на голове и бриллиантовой мыслью: «Как я счастлив! Как я счастлива! Я прекрасен! Я прекрасна!»

Ну, как похожа эта картина на сказку-балет Петра Ильича Чайковского «Щелкунчик»? Да. Похожи ты, он, они на сердечную, трепетную, верную девочку Машу и несчастного Щелкунчика: вначале — убогую, смешную куклу, в конце — мужественного человека, принца, героя? Конечно же.

Сказки тем и хороши, что они — волшебное зеркало реальной жизни.

Кстати, 1990 год объявлен ООН годом Петра Ильича Чайковского — великого чародея-композитора и сказочника.

Вот со всеми этими событиями, совпадениями, ощущениями мы вас, прекрасные наши ребята, поздравляем! И уверенно говорим вам: ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО В ЖИЗНИ. Нужны только время, труд и терпение.

Все будет по Чайковскому.

Сегодня разминку проводит учительница одной из московских гимназий Ирина Юрьевна МИРОНОВА.

РЕБЯТА!

Как и положено 1 сентября, наша разминка пройдет в школьном классе. Правда, уроки будут вести не обычные учителя, а... Впрочем, увидите сами. Итак, звонок!

1-й урок. МАТЕМАТИКА. Ведет А. П. Чехов.

В одном из рассказов Чехова «учитель» предложил мальчику Пете решить задачу: «Купец купил 138 арш. черного и синего сукна за 540 руб. Спрашивается, сколько аршин купил он того и другого, если синее стоило 5 руб. за аршин, а черное 3 руб.?»

Как называется рассказ? Кто справился с задачей и каков правильный ответ? Решите задачу самостоятельно и покажите, как она решается. И потом, сколько это — аршин?

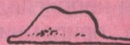
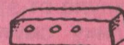
2-й урок. ГЕОГРАФИЯ. Ведет А. С. Пушкин.

«Есть в России город Луга...» Кроме Луги, в произведениях Пушкина можно найти названия множества российских деревень, больших и малых городов и городков. Кто вспомнит наибольшее их число, а еще лучше — кто составит наиболее подробную карту «пушкинской» России?

3-й урок. ХИМИЯ.

Cu, Eu, Na, Dy, Er, La, Es, Eu, W.

Что означают эти формулы? Правильно ответив на вопрос, вы сможете прочитать фамилию «учителя химии» на нашей разминке. Какое отношение имеет он ко всем этим — и остальным — условным обозначениям?

4-й урок. РИСОВАНИЕ.  

Перед вами два рисунка, сделанных одним и тем же художником. Что на них изображено? Кто нарисовал все это? И по чьей просьбе?

Вот и все. Можно записать задание и отдыхать. Но при этом помните: домашнее задание должно быть выполнено до 15 октября.

Желаем удачи!

Фотография М. КУЗЬМИНСКОГО.

С горькой иронией назвал автор свою повесть: «Песни задрипанного ДПР». В детский приемник-распределитель — так это можно расшифровать — попадали в послевоенные годы не только сироты или потерявшиеся дети. Попадали туда и ребята, чьи родители стали жертвами сталинских репрессий, беспричинно арестованы, а дети брошены на произвол судьбы. Сам **Илья ПОЛЯК**, писатель, прошел через это в детстве, а сейчас рассказал про все просто и жестко. В детприемнике, в голоде и жестокости ждали дети, пока их направят куда-нибудь в детский дом. В отрывке, который мы сегодня печатаем, рассказана одна из невеселых историй, с которой начинался путь в «задрипанный ДПР»... Полностью повесть можно прочитать в журнале «Октябрь» № 1 за 1990 год.

ТОЛИК

Телячьи нежности в ДПР были не в чести. Даже нечаянно оброненное умильное словечко о маме или папе грозило осмеянием и оскорблением. К тому же голод и страх притупили чуткость к чужим переживаниям и интерес к чужим судьбам. Наши заботы не простирались дальше собственной пайки да желанных путевок в детдом. Но однажды Толик разоткровенничался и поведал о своей судьбе...

...Толик боднул подушку, не в силах совладать с предутренним сном. Но Юлька зудела назойливо и упорно. Уймется она наконец? «Мамы нет дома»,— понял Толик и решил проснуться. Протирая глаза, зашлепал к маленькой кроватке.

В комнате царил форменный разгром. Распахнутый платяной шкаф зиял пустотой. Одежда, книги, фотокарточки в беспорядке валялись на полу; в изножье маминой кровати серел обезображенный вспоротый ватный матрас. Чем-то безотчетно-зловещим пахнуло от этой неприглядной картины. Неожиданно Толику смутно припомнилось пробуждение среди ночи. Растормошившая его мама пыталась с ним объясниться, кажется, поручала какое-то дело. В комнате белели чужие лица. Толик старался восстановить в памяти разговор с мамой, но он уплыл, как сновидение. Мальчик поплелся в коридор, подергал входную дверь: заперта, ключа в замке нет. В полдень Юлька проглотила несколько ложек вчерашней каши, но ныть не прекратила.

Толик вытянулся на носочках и выглянул в окно. С высоты шестого этажа открывалось хаотическое скопление крыш с чердачными окнами, печных труб, каменных обрывов. Нет, через окно не выбраться, об этом и думать нечего! Он глянул в замочную скважину на лестницу. Напротив виднелась обшарпанная темно-коричневая дверь в соседнюю квартиру, где жила Клавдия Степановна с мужем, обожженным танкистом. Нужно караулить здесь и позвать на помощь, как только послышатся шаги, решил Толик.

...Смеркалось. Толик осветил квартиру всеми лампочками, даже настольную включил. Разгромленное родное гнездо выглядело удручающе неприятно и чуждо. И страх налетел новым порывом. Как долго придется сидеть одним взаперти? Умрут, никто и не спохватится. Выжил в блокаду, так сейчас непременно загнется... Если с мамой случилась беда, выручать некому.

Одно было ясно: от двери отходить нельзя. Юлька ревмя ревела, и Толику казалось, что он скоро свихнется. Снова из его глаз полились слезы обиды, и он, не сдерживаясь, забарабанил кулаками и ногами в закрытую дверь, закричал оглушительно и отчаянно: — Мама! Мама! Помогите!

Он отупел, одичал и лепил удар за ударом так, что, когда совсем рядом раздался приглушенный голос Клавдии Степановны, он обмер и чуть не рухнул на пол от неожиданности.

— Замок сломался?

— Не... Нас одних заперли. Мамы нет второй день. Помогите!

— Где же мама?

— Не знаю. Вчера проснулись — ее нет.

— Да вы же опечатаны! Ну дела! — В ее голосе звучало искреннее изумление.— Детишек одних запечатали... Что за ирод такое удумал?

— Ночью какие-то люди приходили к маме, я спал... Выпустите нас!

— Без разрешения вашу дверь трогать нельзя... И ключа все равно нет.— Она помолчала в раздумье.

— Не оставляйте нас!

— Успокойся, не оставлю... Недоумки, прости господи, начудили... По всему выходит — в милицию топать надо.

Клавдия Степановна тяжело затопала вниз, а Толик продолжал тихо скулить от радости, надежды и страха перед необходимостью еще сколько-то времени томиться в одиночестве.

...Чуткое ухо поймало приближающиеся голоса и шарканье ног за дверью.

— Сейчас вызволим,— раздался голос Клавдии Степановны.— Милицию привела.

— Кто вас запер? — раздался хрипловатый басок.

— Не знаю. Вчера проснулись, никого нет.

— Гм... Вскрывать таку печать не имею права.

— Ты что, старшина? Дети одни! А случись что?

— Доложу по начальству.

— Дети не поены, не кормлены второй день!

— В блокаду не тако бывало. Обождут малость.

— Быстрей, дяденька! Юлька кричит!

...Разговор был скоротечен и обескураживающ. После него на душе осталась муть.

...Толик поджидал возвращения соседки, а мрачные предчувствия сжирали последние надежды на благополучный исход. Подспудно он опасался, что случившееся с мамой настолько страшно и непоправимо, что никто не окажется в состоянии помочь им.

Выходила причитающая Клавдия Степановна, успокаивала и мальчика, и себя.

— Доложили куда следует,— осторожно заговорила она.— Ответа ждут. Что ваша матка могла натворить?.. Арестовали ее.

Толику почудилось, что его хватили чем-то тяжелым по голове.

— Не могу, не могу больше! Юлька умрет скоро!

Клавдия Степановна всхлипнула за дощатой две-

рью, вставшей между ними неприступной гранитной стеной. Толик испытывал страшную опустошенность. Движения его стали медлительны и вялы. Одно прояснилось: с мамой стряслась огромная беда, хуже не бывает. Уже не обойдется, не образуется, не станет как прежде. Тьма надвинулась на него, и последнее, что он помнил, было желание лечь на полу у входа, чтобы не прозевать вызволения.

...Третье утро без мамы. То ли со сна, то ли с голодухи, но, взяв на руки сестренку, Толик ощутил предательское подрагивание коленей. Что делать? Об их беде всем известно, но никто не бьет тревоги, не спешит с вызволением. Чем они провинились... Мир внезапно изменился, стал безжалостен и недоступен пониманию. Толик снова засел за плиту, плотно прикрыв обе двери. Черпанул ложку песку, запил водой. Промытый желудок потребовал чего-нибудь посущественнее. Набросился на манную крупу. Глотал поспешно, пока не ощутил тяжелого, неприятного насыщения.

Яростная трескотня звонка взорвала тишину злосчастной квартиры.

— Толя, как вы там? — спросила Клавдия Степановна.

— С Юлькой совсем плохо.

— Не плачь. Плачем не поможешь!.. Была в милиции, сказали — ждать.

Снова стояли они по разные стороны закрытых дверей и переговаривались, как жители разных миров.

...За войну Клавдия Степановна надолбала ломом, намахалась киркой и лопатой. Ходила на окопы, разбирала завалы, вскапывала здесь, во дворе, выковыривая булыжники, свой малюсенький огородишко. На такую дверь приналечь, она распахнется, как игрушечная. Но печать завораживала. Печать — не замок, не сорвешь, не сломаешь. Этой бумажной полоски с круглым, бледно-сиреневым оттиском женщина панически боялась... Прошел не один час, прежде чем она решилась действовать.

Дети канючили в два голоса... Оставлять их одних в квартире еще на одну ночь нельзя. Если случится несчастье, она никогда себе этого не простит. С ненавистью глянула женщина на печать и поняла, что не отступится. Зачем тянуть?

— Толь, ты чем громыхал, когда я впервой подошла?

— Молотком,— оживился изнемогший мальчик.

— Топор у вас где, знаешь?

— Ага...

— Тащи его... Принес? Руби филенку внизу... Так, сильнее... Потрескивает, чуешь?

Толик чуял одно: его немощные потуги ничтожны, топор отскакивает от доски, как от камня.

— Отойди-кось. Пособлю чуток.

Сильный удар потряс дверь. Сперва треснула одна дощечка, потом соседняя, и не успел Толик опомниться, как в двери зияло квадратное отверстие. Все произошло так быстро и просто, что Толику не верилось в долгожданное спасение.

Женщина грузно присела, и они оказались носом к носу. Суровым, дрожащим от напряжения и страха голосом она шепнула в самое ухо мальчика:

— Скажешь, что сам порубал! Что пособляла, молчи! Я ж чуток приложилась... Тебе ничего не будет, ты маленький.

— Ладно,— обрадованно бормотал заплаканный Толик, высовывая наружу нос и глубоко, всей грудью вдыхая сыроватую прохладу.

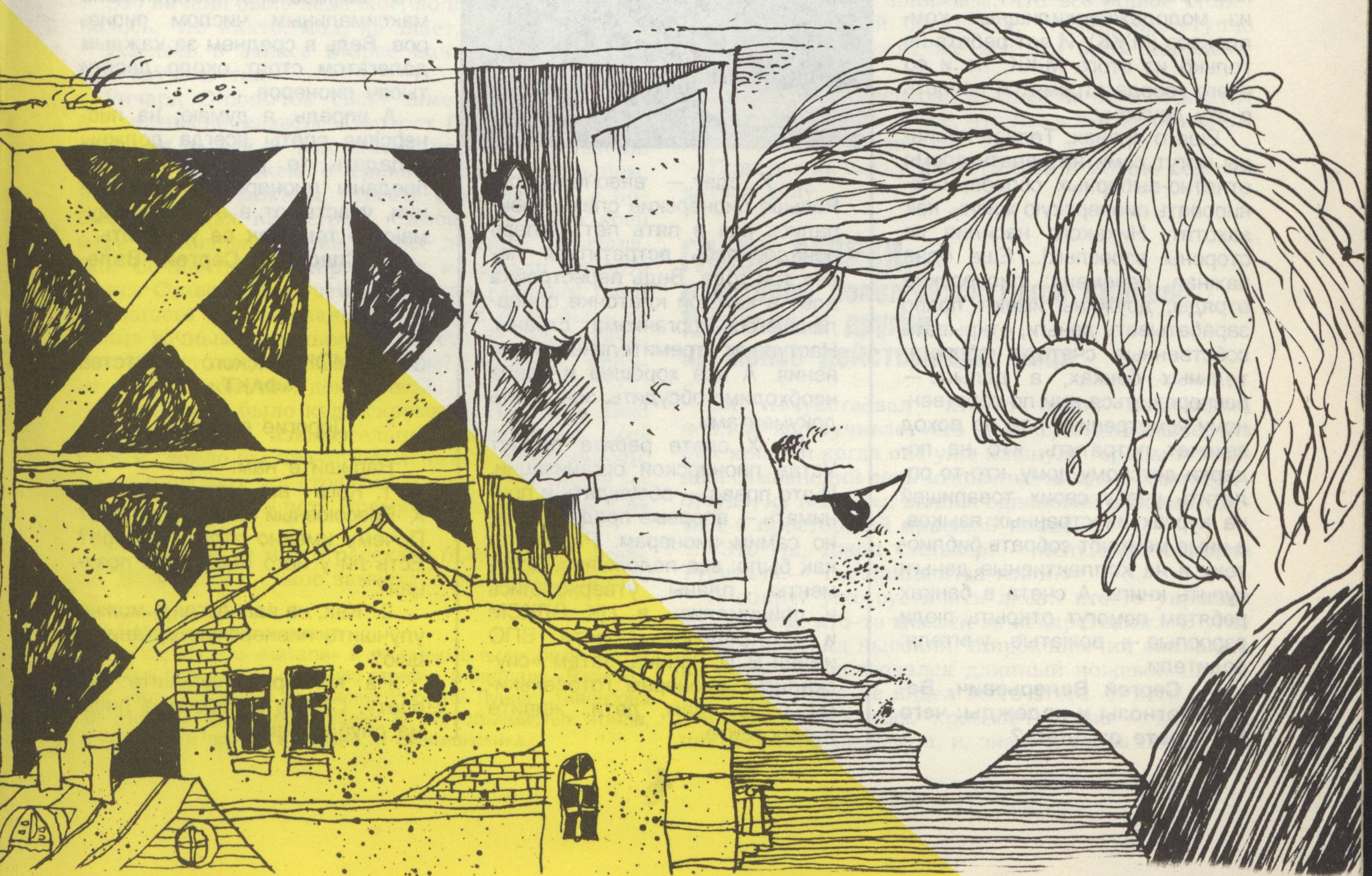
— Тащи Юльку!

Часа через два, накормленные и притихшие, они покинули квартиру соседки. В полусотне шагов от милиции, в темной подворотне Клавдия Степановна бережно передала Толику укутанную, сипло сопящую девочку.

— Смотри, проговоришься, будет у меня беда.

— Не проговорюсь. Я сам дверь рубал.

Клавдия Степановна дождалась, пока за Толиком и Юлькой захлопнулись тяжелые двери.



Ждем жарких споров

Двадцать пятого сентября начинает работу X Всесоюзный слет пионеров. С **заместителем председателя ЦС ВПО имени В. И Ленина Сергеем Валерьевичем ЦЫГАНОВЫМ** беседует наш корреспондент Ирина Анатольева.

— Сергей Валерьевич, после IX слета пионеров прошло три года. Накануне X слета хотелось бы узнать, что нового в пионерской жизни?

— Нового немало. И все это «новое» можно объединить одним: пионерам предоставлены большие права и возможности. Теперь уже не на уровне разговоров, а в жизни. Ребята сами могут решать, что и как делать: никто, даже директор школы, не должен вмешиваться в пионерские дела... Могут ребята идти в любой понравившийся им отряд — разновозрастный, спортивный, туристский. Никто не может заставить пионера, как раньше, быть прикованным к отряду, образованному в классе...

— Назовите, пожалуйста, адреса таких вот внешкольных отрядов.

— Есть они уже в Свердловской области, Ставропольском крае. В Свердловске появилась пионерская дружина при одном из молодежно-жилищных комплексов (МЖК). И вот ребята не только из этого МЖК, но и со всего города стремятся попасть в эту дружину...

Еще о правах. Теперь пионеры могут сами назначать время отчетно-выборных сборов, планировать пионерскую жизнь, как захотят. Никакого насилия со стороны взрослых!.. Еще одна важная перемена: пионерские отряды, дружины имеют право зарабатывать деньги, открывать собственные счета в сберегательных банках, а дальше — распоряжаться ими по собственному усмотрению. Кто на поход захочет потратить, кто на подарки детскому дому, кто-то оплатить учебу своих товарищей на курсах иностранных языков, а иные мечтают собрать библиотеку и на коллективные деньги купить книги. А счета в банках ребятам помогут открыть люди взрослые — вожатые, учителя, родители.

— Сергей Валерьевич, Ваши прогнозы и надежды: чего Вы ждете от слета?

— X слет — внеочередной. Раньше пионерские слеты собирались раз в пять лет. Теперь понадобилось встретиться через три года. Ведь перестройка идет в каждой клеточке обновляющегося организма страны. Наступают стремительные изменения. А все хорошее и новое необходимо обсудить, закрепить документами.

На X слете ребята примут Устав пионерской организации. И это право — обсуждать и принимать — впервые предоставлено самим пионерам. Раньше-то как было: все положения, документы, планы утверждались и принимались в ЦК ВЛКСМ и Центральном Совете ВПО имени В. И. Ленина, затем «спускались» пионерам готовенькими — вот вам, дети, живите и работайте...

Поэтому от X слета ждем жарких споров. Мы их не боимся и — подчеркиваю — ждем с нетерпением.

— По какому принципу отобраны ребята-делегаты на X слет? Не секрет, что в недалеком прошлом этот вопрос решали взрослые дяди в кабинетах райкомов, горкомов и обкомов...

— Каких-то принципов по отбору ребят ЦС ВПО не определял. Кому быть делегатом слета, должны были решить сами ребята на местах. Об этом и довольно большая почта Центрального Совета. Я, например, получил письмо от одного мальчика из города Элисты. Он рассказал, как выбирались ребята-делегаты на прошлый слет. И просил, чтобы взрослые не диктовали. Именно поэтому прежде и оказывались случайные ребята на слетах.

Впервые на слет приедут также взрослые с разных концов страны — 300 делегатов. И 1 700 пионеров. Чтобы поработать друг с другом на равных.

Итак, мы надеемся, что главные решения: кому ехать в «Артек», на X слет, приняли ребята на местах. А делегаты-ребята приедут с наказами от каждого края, от каждой области. С тем, что выработано коллективно максимальным числом пионеров. Ведь в среднем за каждым делегатом стоят около десяти тысяч пионеров.

А впредь, я думаю, на пионерские слеты всегда должны попадать те ребята, которые преданы пионерской организации, участвуют в ее делах, думают о том, как ее улучшить.

— Спасибо, Сергей Валерьевич.

От «ПИОНЕР»ского агентства «ФАКТ»

Дорогие пионеры!

Напишите нам:

1. Кого вы отправили на X Всесоюзный слет пионеров? Почему именно этого пионера? Есть ли у него (нее) своя позиция?

2. Как, на ваш взгляд, можно улучшить пионерскую организацию?

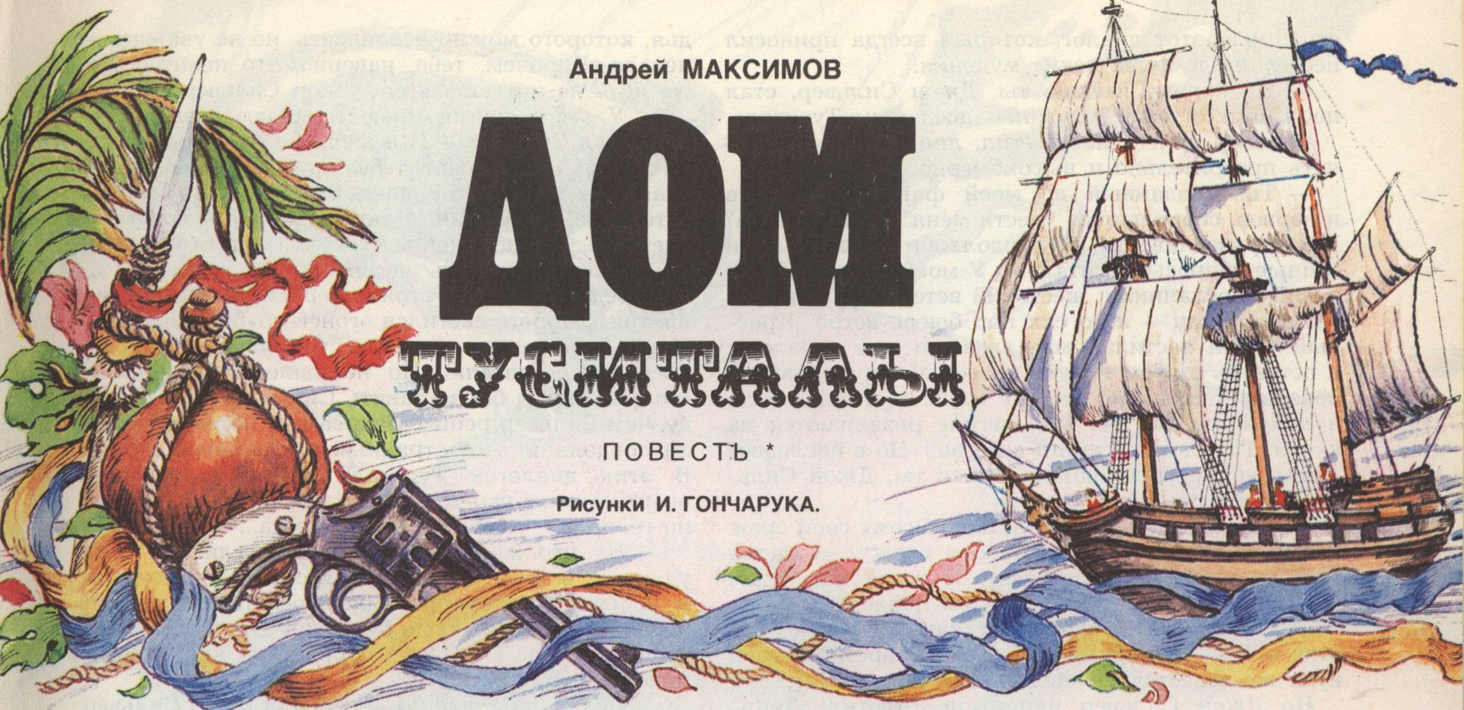
На конверте напишите: «X слет». Самые интересные письма опубликуем.

Андрей МАКСИМОВ

ДОМ ТУСИТАЛЫ

ПОВЕСТЬ *

Рисунки И. ГОНЧАРУКА.



ГЛАВА ПЕРВАЯ (начало),
в которой автор пишет три первых фразы

Как известно, самое трудное: написать первую фразу. Поэтому на всякий случай я заготовил три начала.

Первое было такое.

Роберт Луис Стивенсон принадлежит к тем писателям, о которых слышали все, читали ** — немногие и почти никто ничего не знает.

Это начало было неплохое, но нескромное: получалось, что никто, мол, не знает, а я знаю.

Имелось в запасе второе начало для повести. Оно звучало так.

Ричард Олдингтон свою замечательную книгу о Стивенсоне назвал «Портрет бунтаря». Прочитайте ее, в ней — вся жизнь великого писателя. Мы же расскажем о сравнительно небольшом, хотя и очень важном, отрезке его жизни — о последних годах на острове Самоа. Это ни в коей мере не жизнеописание, скорее легенда. Туситала, или Сочинитель Историй (так называли Роберта Луиса Стивенсона туземцы), станет главным героем нашего повествования. Впрочем, если быть до конца точным, главным героем станет дом Туситалы. Может ли дом быть героем? По-моему, вполне... Если, конечно, дом живой...

Это начало было куда скромней. Но в нем явно сквозило нечто извинительно-объясняющее. Может, и стоило бы что-то объяснить в этой повести, но не с первых же страниц! Зачем объяснения по поводу того, чего нет? Время объяснений пока не наступило.

И, наконец, у моего рассказа было третье начало. Безусловно, самое замечательное, ибо принадлежит не мне, а моему герою. Если автор возымел наглость взять прототипом главного героя историческое лицо,— тут уж никак не обойтись без эпиграфа. Пусть эпиграф и будет началом.

«Какие трагедии непонимания и несовершенства разыгрываются в мире людей: здесь властвуют возведенная в систему несправедливость, трусливое насилие, предательские злодеяния и нестерпимая слабость. Человек обречен на поражение своих попыток быть нравственным, и все же попытки эти продолжаются, трогая нас своей неутомимостью... Пусть для веры нашей будет довольно, если мы понимаем, что все живое стонет в смертной своей бренности, стойко, неотступно борется — не может же все это быть напрасно. 1888 год».

Эти слова Стивенсона лучшее начало. И хватит для первой главы. А все, что мы в ней не объяснили, объясним позже.

Пока же начало у повести есть и можно переходить к делу.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
в которой появляются Джон Сильвер, Туситала и другие, не менее действующие лица

Он почувствовал: кто-то очень настырный и злой выкручивает его легкие, выдавливает из них кровь и когда она уже хлынула горлом и зеленый самоанский день мгновенно канул в темноту — оттуда, из темноты, вышел одноногий человек, одетый в просторный красный плащ.

«Это ты, Джон Сильвер? — испуганно спросил Туситала.— Ты пришел за мной?»

А вокруг уже суетились люди: кто-то укрывал его пледом, кто-то мчался за лекарствами... В углу комнаты стоял высокий, широкоплечий самоанец, на его щеке красовался длинный ножевой шрам.

Но Туситала не видел всего этого. У него перед глазами колыхалось красное марево — красный плащ Джона Сильвера, и, значит, снова предстоял

* Журнальный вариант.

** Под словом «читали» я не имею в виду, разумеется, «Остров сокровищ», «Черную стрелу» и балладу «Вересковый мед». Собрание сочинений Роберта Луиса Стивенсона на русском языке составляет 6 (!!!) объемистых томов, в которых и проза, и поэзия, и публицистика.

страшный этот диалог, который всегда приносил нестерпимые физические мучения.

— Но почему именно ты, Джон Сильвер, стал посланником моей болезни? — выдохнул Туситала.

Сильвер ничего не ответил, лишь улыбнулся — чуть презрительно и высокомерно.

— Ты, созданный из моей фантазии, чувств и нервов, собираешься увести меня из этого мира? Где справедливость? — продолжал задавать свои вечные вопросы Туситала.— У моей болезни были разные посланники: жестокий ветер хотел выдуть из меня душу — я до сих пор боюсь ветра. Красный туман застилал мне глаза, и мне казалось: я останусь в этом тумане навсегда. Страшные человечки танцевали передо мной жуткий танец, и я чувствовал, как мои легкие раздираются на куски. Так было с самого детства... Но в последнее время ко мне приходишь только ты, Джон Сильвер. И я хочу знать: почему?

— Всему свой срок, создатель. Всему свой срок. Когда-нибудь я приду к тебе и скажу: «Сдается мне, твое время кончилось». И тогда мы уйдем вместе. Ты понимаешь, куда мы пойдем?

— Нет, Джон Сильвер, расскажи. Сколько помню себя — все время болею и все время думаю: куда же девается человек, когда умирает?

Но Джон Сильвер ничего не ответил. Лишь, скрипя костылем, шагнул из темноты, протянув свободную руку к Туситале. Туситала непроизвольно отшатнулся.

Фэнни, увидев, как муж дернулся на кровати, положила руку ему на лоб.

Фэнни — невысокая смуглая женщина, прекрасная той спокойной и величественной красотой, которая не лезет настойчиво в глаза и потому не вызывает случайных слов восхищения, но если уж пленяет — навсегда.

— Как странно,— обратилась Фэнни к своему сыну, молодому и чрезвычайно энергичному человеку.— Почему, когда кровотечение из горла у него чуть останавливается, он шевелит губами, будто разговаривает с кем-то?

Ллойд ничего не ответил. Он слишком хорошо знал свою мать и понимал, когда она говорит для того, чтобы получить ответ, а когда — лишь потому, что не в силах сама справиться со своими размышлениями. Фэнни хотела знать о своем муже все, даже его мысли. Впрочем, мысли — прежде всего: кто, если не она, защитит Луиса от плохих дум? Ллойд понимал: то, что во время приступов Туситала уходит от нее, то, что творится с ним необъяснимое, приносило Фэнни настоящие страдания.

Туситала вскрикнул, губы его раскрылись, Фэнни наклонилась, почти касаясь ухом его губ, но ничего не смогла услышать, кроме стона.

— Так ты не забираешь меня пока? Не уведешь, добрый Сильвер? — Туситала попытался рассмеяться, но вместо смеха раздался стон.— Я не боюсь тебя, Сильвер, не боюсь смерти, но я не хочу уходить именно сейчас. Подожди немного, и я закончу его! Я создам! «Уир Гермистон» будет лучшей моей книгой! Брэксфильд *, скажу тебе честно, будет помельче моего лорда Гермистона. У меня получается настоящий шотландский судья, которого можно ненавидеть, но не уважать — нельзя. Впрочем, тебе, наверно, это неинтересно, ты ведь не читаешь книг, Джон Сильвер?

— У меня другая профессия, создатель,— усмехнулся Сильвер.— И я желаю тебе удачи в твоем деле. Да поможет тебе бог или дьявол — не знаю уж, кому ты поклоняешься. Но помни: у тебя мало времени, а ты непростительно отвлекаешься. Когда ведешь корабль, нельзя одновременно пересчитывать звезды.

Перед его глазами стояло черное, густое марево, внутри которого светился огонек трубки Сильвера. И чем больше говорил пират, тем больнее становилось его создателю. Но не было в мире силы, которая могла бы заставить Сильвера уйти прежде, чем Сильвер решит уйти сам. И потому Туситала продолжил этот странный и страшный диалог. В этих диалогах Туситала всегда высказывал очень важное, что-то такое, о чем не то что никому не говорил — писал и то не всегда...

— Ну что же делать, Сильвер, если эти люди удумали войну? — спросил Туситала.— Неужели я не сумею отговорить их? Представляешь, они перевели «Дьявольскую бутылку» * и теперь зачитываются ею. Так вот, я придумал, как с помощью этой бутылки...

— Делай, как знаешь,— перебил Джон Сильвер, которому было совершенно неинтересно, как отговаривают людей от войны.— Только сдается мне: здесь твоя последняя пристань.

Настала ночь: время борьбы звездного света с бездонной темнотой густых чащ. Свет падал в темноту леса и тонул в ней, но стоило ему прорваться, дотронуться звездными лучами до какой-нибудь одинокой поляны или дороги, как та сразу озарялась почти дневным светом. Звезды то и дело срывались с небесного купола: поглядеть, что же там, в земной темноте, и можно было бы загадывать множество желаний, но в усадьбе Ваилима ** все в эту ночь были заняты другими делами.

На лестнице раздались легкие шаги — если бы снежинки имели ноги, у них была бы такая походка,— и на пороге комнаты, где лежал Туситала, появилась молодая служанка Фаума. Всем своим видом она показывала, что жизнь ее, в сущности, еще только начинается и очень приходится ей по душе. Одета Фаума, как всегда, была в яркую лавалаву ***, на шее красовалась гирлянда из красных душистых ягод и желтых листьев. Поняв, что ее одеяние смотрится чужим в пропахшей болезнью комнате, она застыла на пороге, испуганно посмотрела на Туситалу и прошептала:

— Любовь! **** Господин воюет со злыми духами? С каких небес берет он силы, чтобы жить?

Фэнни внимательно посмотрела на служанку.

— Иногда мне кажется, что болезнь родилась раньше мужа. Она стояла наготове и, как только Луис родился, бросилась на него и начала пить соки.

Черное марево перед глазами густело, превращаясь в сплошную непроглядную стену. Сильвер казался частью этой стены — красным барелье-

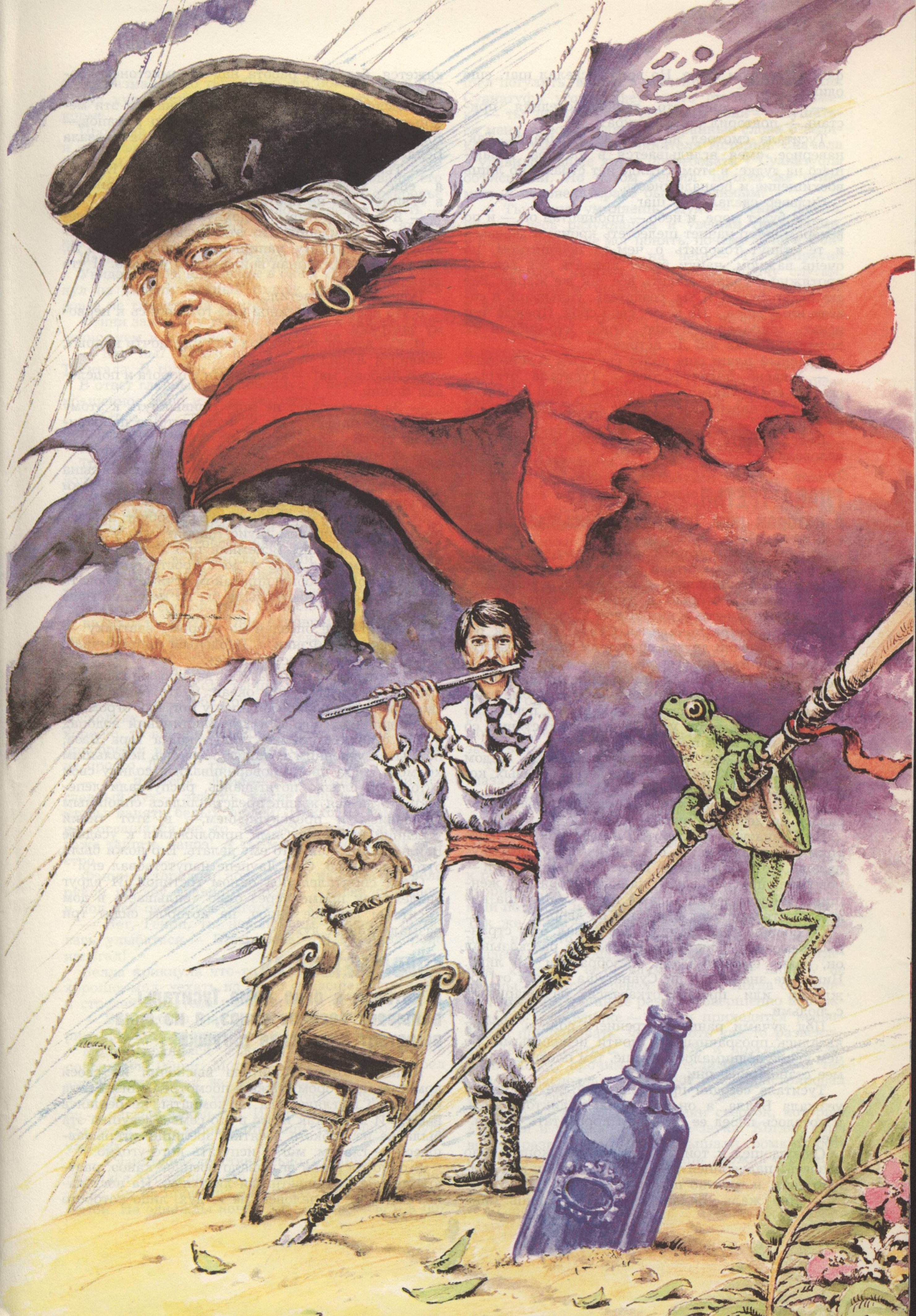
* Судья Роберт Мак-Куин, лорд Брэксфильд, явился прототипом героя последнего романа Стивенсона — «Уир Гермистон». Более подробно об этом можно прочесть в книге Н. Дьяконовой «Стивенсон и английская литература XIX века» (Л., 1984, с. 142). Несмотря на сугубо научное название, книга, я думаю, прочтется с интересом всеми маломальски любопытными людьми.

* Новелла «Дьявольская бутылка» — первое художественное произведение, переведенное на самоанский язык. Ее публикация сильно подняла авторитет и популярность Стивенсона среди самоанцев.

** Усадьба Стивенсонов на острове Самоа.

*** Кусок материи, обертываемый вокруг тела, основная одежда самоанцев.

**** Традиционное самоанское приветствие.



фом на черном фоне. Но вот он сделал шаг, еще один...

— Сдается мне, это твоя последняя пристань,— повторил старый пират.

Туситала смотрел на него не отрываясь. Так, наверное, змея вглядывается в факира, играющего на дудке: в этом взгляде нет страха, но лишь восхищение и безнадежность.

Сильвер сделал еще шаг.

— И будет море, и небо,— прошептал он,— и по вечерам ветер начнет шелестеть кронами деревьев и те станут говорить о чем-то непонятном, но очень важном, чайки будут кричать все так же протяжно и солнце палить все так же жарко. Все это будет, будет! А ты, создатель, уплывешь в совсем иные моря... Но всему свой срок. Прежде чем искать сокровища, нужно, чтобы кто-нибудь их потерял, не так ли? До встречи!

Красный плащ еще долго светился в темноте...

— Ужасно болит голова.— Туситала открыл глаза и сразу увидел улыбающееся лицо Фэнни.— Фэнни, ты, наверное, совсем не спала. Измучилась со мной, да?

Вместо ответа Фэнни наклонилась к нему и поцеловала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
в которой дом Туситалы просыпается

Это был дом, который не отгораживал себя от мира, а старался слиться с ним, стать продолжением этого бескрайнего — лесного, морского, земного — мира, который в этот час просыпался. Просыпался вместе с ним и дом Туситалы.

Первым всегда появлялся Суанатуфа. Как бы рано ни вставали другие обитатели дома, Суанатуфа уже работал на огороде.

Огромный, как скала, широкоплечий самоанец, чью грудь никогда не украшало ничто, кроме ожерелья из черных листьев, чью щеку пересекал ножевой шрам, в это утро шел через гостиную со своей вечной мотыгой через плечо.

Но сегодня его уже ждали. Наверху, рядом с дверью, над которой висела ветка розовых кораллов, стояла Фаума.

— Любовь, Суанатуфа! — крикнула она и бросилась по лестнице вниз.

Но Суанатуфа не обратил на ее крик никакого внимания. Даже когда она подбежала и дотронулась до его плеча своими невесомыми пальцами — поверьте, прикосновение пальцев любящей женщины многого стоит,— даже тогда Суанатуфа никак не отреагировал и вышел во двор.

Он вообще никогда не разговаривал, этот странный самоанец. Никогда и никому не рассказывал он, какие сражения так обезобразили его лицо. Никто не знал, был ли Суанатуфа немым от рождения или просто отказался разговаривать с людьми.

Под лучами раннего утреннего солнца листья казались прозрачными и почти невидимыми, но чем выше поднималось солнце, тем плотнее и зримее становились они.

Туситала сегодня проснулся раньше обычного: уезжала Белла, а он так привык диктовать ей, и хотелось перед ее отъездом поработать побольше.

Он подошел к той, кого по всем законам надо назвать «падчерицей», но кого он любил, как родную дочь, и грустно произнес:

— Мне жаль, Белла, что ты уезжаешь. Мне кажется, без тебя работа над «Гермистоном» застопорится.

— Если не будешь отвлекаться на все эти местные распри, ты напишешь еще сто романов,— тоном учительницы начальных классов сказала Белла.

— Ты права,— вздохнул Туситала.— Кстати, я еще хотел сегодня продиктовать письмо в «Таймс». Ты не против?

— Я-то не против,— вздохнула Белла.— Но неужели ты думаешь, что эти письма хоть чему-нибудь помогут? Ну, напишешь ты письмо про то, что братоубийственная война — это ужасно. И что дальше?

Туситала не ответил...

В это время в гостиной уже готовились к первому завтраку.

И, как всегда, когда стол был уже почти накрыт, появился Ллойд.

— Любовь, ма! — крикнул он с порога и поцеловал Фэнни.

— За столько лет не могу привыкнуть к этому странному приветствию.— Фэнни что-то поправила на столе.— Любовь, сын!

— А мне нравится: любовь — и все дела!

Фэнни внимательно посмотрела на своего сына и в который раз поразилась: какой же он все-таки мальчишка! В его возрасте другие молодые люди уже делают себе карьеру, а этот... Пробует, правда, писать, но... Впрочем, Луис говорит, что у мальчишки есть талант. Вспомнив про Луиса, Фэнни подумала: можно ведь и до старости оставаться мальчишкой и вообще при таком отчиме требовать от Ллойда серьезности было бы по меньшей мере несерьезно.

— Кстати, не опоздай ко второму завтраку! — грозно сказала Фэнни.— И оденься поприличней, все-таки вождь в гости придет.

...В этот утренний час, когда просыпался дом Туситалы, когда Тихий океан, будто оправдывая свое название, робко стелился у ног, как огромная нашкодившая собака, когда Ваилимский водопад и тот старался шуметь тише, когда гора Ваэа, покрытая утренним туманом, казалась небольшим холмом, когда цветы поворачивали к солнцу свои бутоны и, словно потягиваясь, распускали лепестки, когда вся жизнь представлялась сплошным ожиданием и предвкушением,— в этот тихий утренний час воин Сими приближался к усадьбе Ваилима. Он знал, что ему делать. Его ножи были отточены остро. Сам Лаупепе напутствовал его.

Сими спрятался под окном гостиной. И вдруг увидел, как прямо через окно «вплывает» в дом Туситалы военное каноэ, на котором сидят три размалеванных духа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
в которой в окно дома Туситалы вплывает военное каноэ, а из окна вылетает древесная лягушка

Услышав шум, Туситала выскочил из своей комнаты на втором этаже и посмотрел вниз. Белла испуганно выглядывала из комнаты, не решаясь выйти. И хотя, как и все в его семье, девушка эта была не из робкого десятка, зрелище, открывавшееся ее глазам, могло испугать кого угодно.

В окно гостиной вплывало военное каноэ, разукрашенное разноцветными листьями. На носу каноэ сидел не то человек, не то дух, лицо которого

было размалевано так, будто его обмакнули в палитру художника. Еще двое духов восседали на корме.

Проплыв по воздуху, каноэ ударилось о шкаф и остановилось. Тот, что был на корме — видимо, главный дух,— вскинул вверх руку и заорал нечто нечленораздельное. Двое других последовали его примеру. Тогда главный сорвал с груди ожерелье из ягод — всего на нем висело ожерелий десять — и, не выходя из каноэ, начал рассыпать ягоды вокруг лодки.

На крик прибежали Фэнни и Суанатуфа.

Увидев каноэ, вплывшее в окно, Суанатуфа рухнул на колени, закрыл голову руками, стараясь вовсе не глядеть на пришельцев.

Фэнни замерла у дверей комнаты и скорее удивленно, чем испуганно посмотрела на Туситалу.

— Кто вы? И что все это значит? — спросил Туситала. В голосе его не было и тени страха.

В ответ главный дух повернул к нему свое разукрашенное лицо и дико захохотал.

— Отец, не спускайся к ним,— прошептала Белла,— мало ли кто это и чего они хотят.

Но Туситала уже начал спускаться.

Тогда главный дух три раза ударил веслом о дно лодки, и каноэ чуть «отплыло» назад. Это заставило Туситалу остановиться.

Духи одновременно подняли свои копья и навели их на Туситалу. Туситала сделал шаг — одно из копий оказалось совсем рядом с его сердцем.

— Луис! — вскрикнула Фэнни.

— Все в порядке.— Неожиданно для всех Туситала сел на диван и спокойно развернул газету.

Подобное спокойствие удивило Фэнни и Беллу и возмутило духов. Они одновременно подняли свои копья: казалось, еще секунда — и копья полетят в Туситалу.

— Генри,— сказал хозяин дома, не поднимая глаз от газеты.— Если ты швырнешь копье и попадешь в диван — тебе придется покупать новый. Но поскольку ты никогда и ничего не умел делать хорошо, то вполне можешь попасть в меня. А вот приобрести нового Туситалу, боюсь, будет совсем не просто. Даже с твоими деньгами.

— Да ну тебя, Луис,— расстроенно произнес главный дух,— знаешь, какие деньги я потратил, чтобы нанять белых людей? Никто из самоанцев не соглашался не то что духов изображать, но даже тащить каноэ! А ты меня расколол так быстро.

Фэнни осторожно подошла к каноэ и провела рукой по лбу главного «духа». Краска стерлась, и под ней оказалась загорелая кожа.

— Нет, Генри, ты неисправим.— Фэнни пыталась улыбаться.— Признаюсь: ты меня здорово напугал!

Белла крикнула что-то по поводу того, что как хорошо, мол, уехать из этого сумасшедшего дома, и стрелой вылетела из гостиной.

— Все, ребята, нас раскололи,— вздохнул Генри.— Можете увозить каноэ.

Молча поднялся с колен Суанатуфа. Молча подошел к Генри. Молча — в упор — посмотрел ему в глаза и так же молча вышел.

— Не нравится мне этот слуга,— сказал Генри,— наглый какой-то... И шрам этот бандитский. Ты меня еще вспомнишь: они тебе чего-нибудь устроят.

— Суанатуфа действительно странноват,— согласился Туситала.— За то время, что он работает у нас, он не произнес ни слова. Я раньше думал: немой. Но однажды ночью мне не спалось, и я пошел погулять, вошел в конюшню и услышал, как Суанатуфа уговаривает моего строптивого Джека — ты знаешь этого бешеного коня — слушаться меня, говорит какие-то странные слова о великом счастье возить Сочинителя Историй. Сначала я удивился, даже хотел потребовать у Суанатуфы объяснений. Но потом решил: нельзя же отнимать у человека право быть странным?

— Ты меня умиляешь, Луис.— Генри забыл, что он весь разукрашен и увешан гирляндами, и потому никак не мог понять, почему Луис и Фэнни улыбаются, глядя на него.— Ты напрасно улыбаешься, напрасно, я хорошо плачу слугам, не бью, кормлю нормально. Но позволить, чтобы у какого-то там слуги была от меня тайна? Это уж — простите... Фэнни, разве я не прав?

— По-моему, прав Луис,— как всегда спокойно и весомо ответила Фэнни.

Генри Моор не так давно приехал на Самоа и не знал, что в доме Сочинителя Историй был неписаный, но свято соблюдаемый закон: если рядом не было посторонних, домашние могли спорить и даже ссориться друг с другом, но во всех спорах и разногласиях с пришлыми людьми они стояли горой друг за друга.

— Как знаете,— ухмыльнулся Генри,— только я вплыл в ваш дом по спине какого-то туземца с красной повязкой по самые глаза. Он сидел под окном гостиной и явно кого-то выслеживал.

— Туземцы любят меня и не сделают мне зла.— Туситала снова принялся разглядывать газету.

В это время распахнулась дверь и на пороге появился Ллойд.

— Уплыло каноэ, да? Обидно! Как всегда, самое интересное пропустил. Уже вся Ваилима кричит про боевое каноэ, плывущее по воздуху, и армию духов на нем. Говорят, это к войне.

— Слухи на земном шаре везде распространяются с одинаковой скоростью,— рассмеялся Генри.— Скучно у вас, ребята, невыносимо. Магазин мой в Апии* работает сам по себе. И чем мне заняться?

Тут Генри поднял свои подведенные краской глаза к потолку, начал философствовать: как все торговцы, он очень любил философствовать.

— Ты знаешь, Луис, на Самоа я еще раз убедился в простой истине: мы в этой жизни всего только наблюдатели, и не более. Вот плывет лист, гонимый ручьем, и как бы ни относился лист к ручью — пусть он его хоть ненавидит, хоть боготворит,— листик все одно несет, мчится он, влекомый потоком, и поделать ничего не может. Ничего! Так же и мы — осенние желтые листья, которые несет в болото забвения, и все, что нам остается,— глядеть по сторонам, впихивать в себя впечатления, которые, если вдуматься, тоже никому не нужны.— Генри перевел дыхание. Когда он начинал говорить длинные речи — совершенно не нуждался в собеседнике.— Вот и приходится розыгрыши придумывать, чтобы хоть как-то развеяться. Деньги платить, чтоб себя и других развлекать. Между прочим, Луис, если бы ты меня так рано не распознал, я бы тебе продемонстрировал еще один сюрприз.

Генри достал из своей сумки сверток, который дергался и издавал странные звуки. Когда Генри все же развернул его, все услышали громкий, резкий звук пилы. В руках Генри держал огромную древесную лягушку.

---

* Столица Самоа.

— Какова тварь, а? — Генри всеми силами старался удержать лягушку в руках.— Я мечтал, как эффектно достану ее и вы все обалдеете от этого звука, а ты...

— Генри, можно подержать? — попросил Ллойд.

— Стой! Не делай этого! — истошно закричал Туситала, отбрасывая газету.— Генри, признайся, неужели это древесная лягушка?

Вопрос был явно лишним: громкий звук пилящей пилы говорил сам за себя.

— Выброси ее,— взмолилась Фэнни,— ненавижу этот звук. Зашвырни куда-нибудь подальше.

Генри размахнулся, и лягушка вылетела в окно.

— Тут уж выбрасывай не выбрасывай...— вздохнул Туситала.— Да, Генри, беда пришла...

Генри пытался понять: в шутку говорит Туситала или всерьез. Ему хотелось понимающе улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Да, Генри, сразу видно, что ты здесь живешь недавно,— печально произнес Туситала.

— А что? — Голос Генри предательски дрожал.

— Он еще спрашивает: а что? Знаешь ли ты, что каждая, даже безобидная тварь в этом мире обороняется. Любой жучок имеет что-нибудь такое, что помогает ему биться с врагами.

— Может, не надо мне читать лекции по биологии? — взорвался Генри.

— Как знаешь. Только хочу сказать, вдруг тебе это будет интересно: древесной лягушке помогает бороться с врагами ее кожа. Ядовитая кожа. Посмотри, руки еще не гниют? Пожалуй, гниение начнется чуть позже, к вечеру. Извини, Генри, мне искренне жаль...

— Ты меня разыгрываешь, да? Разыгрываешь? — с надеждой спросил Генри.

— Можешь не верить.— Туситала снова принялся за газету.— Сначала у тебя начнет гнить кожа на руках, потом на ногах, потом вылезут волосы, потом ты перестанешь есть, пить и будешь медленно-медленно высыхать. Правда, есть один способ, если я не ошибаюсь.

— Какой?

— Козлиный помет.— Туситала выдержал паузу.— Если как следует вымазать руки козлиным навозом — тогда можно спастись.

— А может, лучше к доктору пойти? — уже совершенно серьезно спросил Генри.

— Делай, как знаешь,— вступила в разговор Фэнни.— Только помни, что время сейчас твой самый злейший враг.

— Слушайте, ребята,— уже не просил — умолял Генри.— У вас ведь есть коза? Даже две. Дайте навозу, ну, пожалуйста.

— Мы вообще собирались завтракать,— еле сдерживая смех, сказал Ллойд.

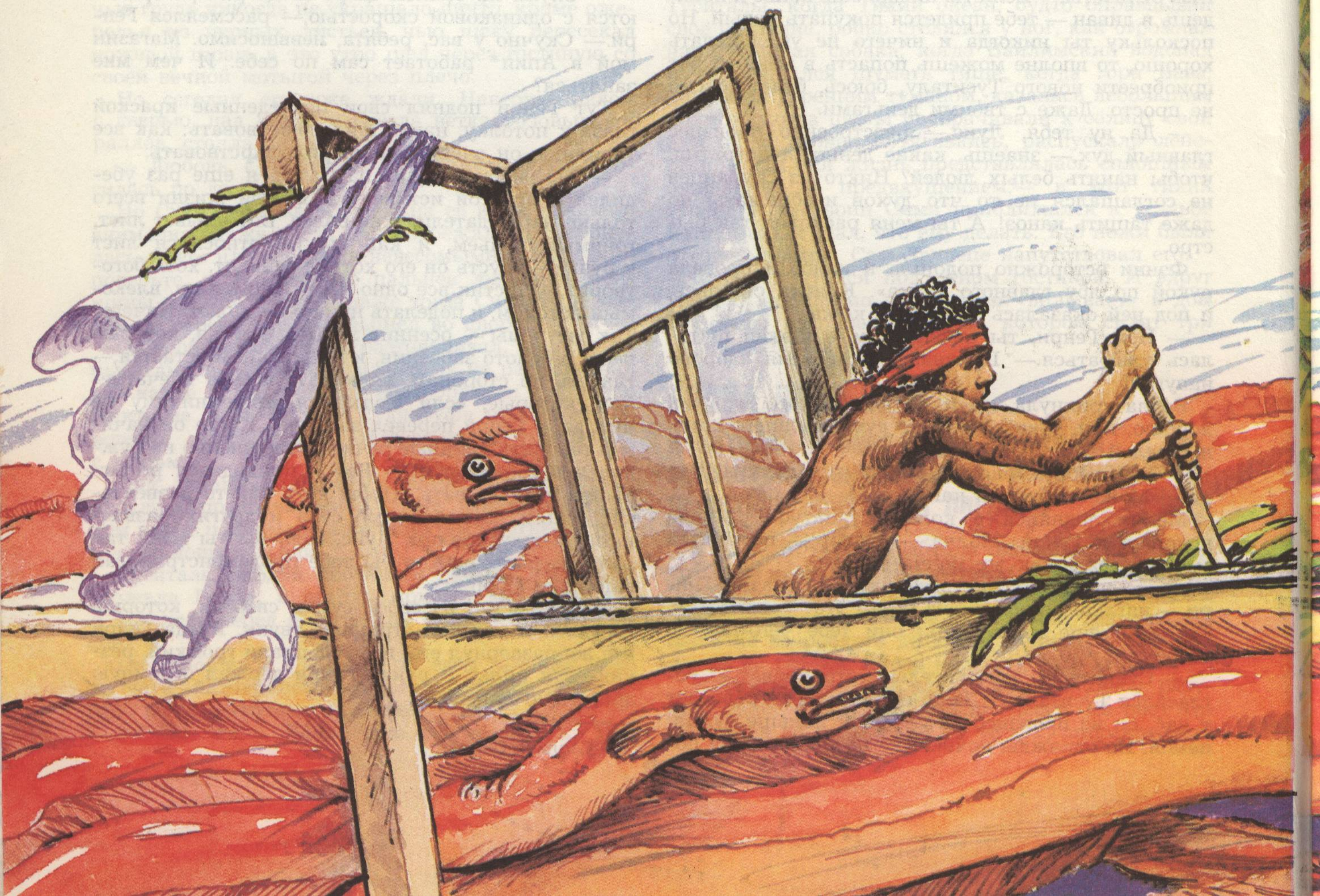
— Но если ты, Генри, пойдешь к Суанатуфе,— Туситала усмехнулся,— то он, возможно, выделит тебе необходимую порцию.

Генри выскочил из комнаты куда быстрее обычного.

Ллойд зашелся от смеха.

— Мы садимся завтракать или нет? — Туситала был совершенно спокоен.— Пусть еще скажет спасибо, что я денег за навоз не взял. Не появилось еще на свете человека, который мог бы безнаказанно разыграть Сочинителя Историй!

В окно было видно, как Генри что-то говорит Суанатуфе. Суанатуфа долго не может его понять, но потом лопатой кидает ему навоз на руки. При этом вечно хмурое лицо Суанатуфы озаряется детским восторгом.



ГЛАВА ПЯТАЯ,

в начале которой Сими проникает в дом Туситалы, чтобы в конце убежать из него

Сими был воин — он ничего не боялся. Сими знал: нет на свете ничего такого, что нельзя было бы уничтожить. Ничего, кроме духов. С ними невозможно воевать, даже думать об этом страшно.

И когда по его спине в дом Туситалы вплыло каноэ с тремя духами, Сими испугался так, как не пугался еще ни разу в жизни. Он спрятал голову в колени и, хотя повязка мешала дышать, сидел скрючившись довольно долго.

Но Сими был молод. А когда человек молод, то, если в нем начинают бороться любопытство и страх, любопытство всегда берет верх. Сими поднял глаза и робко заглянул в дом...

Когда Сими увидел, что Туситала остается спокойно сидеть на диване, не обращая ни малейшего внимания на копья, нацеленные ему в грудь,— он понял: этот человек — бог. Он сильнее бога — он не боится духов. Когда Сими увидел, как Фэнни подошла к главному духу и дотронулась до его лица,— он опустил глаза. Сими знал: сейчас ударит молния или земля разверзнется. Но ничего этого не случилось, более того: каноэ уплыло, а главный дух остался в плену у Туситалы.

«В этом доме живут боги,— решил Сими, — Сочинитель Историй, покоряющий духов,— это даже больше, чем бог. Хотя что может быть больше, могущественней, чем дух? Если Сими осквернит дом Туситалы убийством, злые духи навечно возьмут его в плен, и Сими вечность будет мучиться. А вечность — это так страшно, что даже представить себе нельзя».

Сими настолько увлекся своими мыслями, что не заметил, как из окна дома вылетела древесная лягушка и, разрывая окрестности дикими звуками, упала недалеко от него. Впрочем, если бы он даже и обратил на это внимание, вряд ли бы удивился. Кто знает, что должно вылетать из дома, где живет бог? И почему бы из этого дома не вылетать древесным лягушкам?

Сими размышлял. Теперь он знал точно, что идет на смерть. Даже больше чем на смерть — на смерть без конца, на вечные мучения шел он, воин Сими. Отступить? Убежать? Но с первых шагов по этой зеленой земле внушали ему: единственная правда для воина — приказ. Изменить этой правде значило изменить себе, значило потерять себя, то есть умереть. Выбора у него не было.

Когда завтрак в доме окончился и все разошлись по своим делам, Сими легко впрыгнул в окошко и скрылся за занавеской.

Едва он затаился, раздался голос Туситалы. Голос лился откуда-то сверху, будто с небес. Слова были как будто знакомые, но смысл их Сими почему-то понимал очень плохо.

«Умереть? А что это, собственно, значит? — диктовал Туситала.— Я хотел бы превратиться в облако и вновь возникнуть в виде травы или цветов; быть все той же удивительной, пульсирующей, чувствующей материей... Сознание, нервные узлы и прочее в этом роде в конце концов всего лишь фикция...»*

В гостиную вошла Фаума. Начала убирать со стола. Сими чуть отодвинул занавеску... Нож лежал на его ладони, как приклеенный. Сими поставил руку почти вертикально — нож не упал. Спина Фаумы была совсем рядом, казалось, до нее можно дотянуться...

Вошел Суанатуфа, Фаума радостно улыбнулась и быстро-быстро заговорила:

— Все вокруг только и делают, что твердят о войне. Говорят, рыбаки поймали рыбу без хвоста — это к войне. Суанатуфа знает, что такое война? — Фаума попыталась погладить шрам на щеке самоанца, но тот отдернул голову.— Ну почему, почему ты ни с кем не разговариваешь? Будто у тебя язык ветер вырвал, Фауме совсем не с кем говорить, и она...

* Цитата из Стивенсона.

Но договорить Фаума не успела...

Тревожно повел Суанатуфа глазами. Ноздри его раздулись, как у зверя, почуявшего добычу. Молнией бросился он к занавеске. Удар! От которого у Сими перехватило дыхание. Суанатуфа выволок его, скрюченного бросил на пол.

— Что это?! — закричала Фаума.— Скорее все сюда!

На крик вышли Туситала и Белла.

Увидев двух самоанцев, один из которых, с красной повязкой на лице, валялся на полу, а второй — Суанатуфа — крепко держал его, Белла вернулась в комнату. Ей захотелось уехать отсюда и как можно скорей.

— Кто ты? Что тебе надо в моем доме? — спросил Туситала.

Воин молчал.

Туситала сдернул повязку с его лица. Перед ним был очень молодой воин, мальчишка.

— Отпусти его,— сказал Туситала.— Нет ничего унизительней, чем воин, стоящий на коленях.

Суанатуфа еще сильнее вывернул руку Сими.

— Сими не нужен скальп Туситалы,— заговорил Сими.— Сими нужно верить. Он не сделает Туситале зла.

Туситала посмотрел на солнце — оно жарило вовсю — и понял, что сегодня поработать вряд ли удастся.

— Тебя зовут Сими? Любовь, Сими!

— Любовь, Туситала!

Услышав приветствие, Суанатуфа отпустил Сими.

— Я же говорил: он пришел с любовью,— улыбнулся Туситала.— Благодарю тебя, Суанатуфа. Ты пришел, как всегда, вовремя. Теперь ты свободен.

Не ответив и даже не кивнув, Суанатуфа вышел. Фаума выскочила вслед за ним.

— Ну и зачем же пришел ко мне Сими? И зачем прятался за занавеской? Дом Туситалы открыт для всех.

Сими никогда не разговаривал с богами и совершенно не знал, как это делается. И потому молчал.

— Может быть, Сими пришел посмотреть «бутылку дьявола» — ту самую, что выполняет любые желания?

Сими решил: вот он, конец. С дьявольской бутылкой он точно не справится.

Но Туситала расценил его реакцию по-своему:

— Я угадал? Чего ж было прятаться? Я показываю ее всем.

Что-то зловещее послышалось Сими в этих словах.

— Нет,— задрожал он.— Сими недостоин. Нет!

Но Туситала уже подошел к шкафу, порылся в нем и достал таинственную бутылку из синего, полупрозрачного стекла. Внутри бутылки шевелилось что-то черное. Сколько ночей потратил Туситала, использовал все свои немногочисленные инженерные знания*, чтобы добиться эффекта почти живого существа от обычных черных чернил.

— Тот, кто сидит внутри бутылки, может выполнять любые мои желания,— торжественно произнес Туситала.— Я пожелал, чтобы не было войны между Лаупепе и Матаафой! Войны не будет!

Не отрываясь, словно загипнотизированный, следил Сими за тем, как внутри синей бутылки переворачивался, крутился, дышал черный дух.

Долго не мог Сими произнести ни слова, наконец, потупившись, сказал:

— Злой дух — дух твоей страны, Туситала. У вас свой дьявол, и он не имеет власти над нами. У нас свои духи. Так говорит Лаупепе, Сими верит ему. Будет война. Лаупепе победит Матаафу, потому что вместе с Лаупепе идут белые братья.

— Неужели Сими не боится погибнуть? — спросил Туситала, поднося бутылку близко-близко к лицу Сими.— Если Сими пойдет против моего духа, это может плохо кончиться для воина.

— Сими не знает, что такое страх. Сими знает, что такое позор. И он не хочет испытать позора.

Туситала поставил бутылку в шкаф.

— И будет небо, и деревья станут шелестеть о чем-то непонятном, но очень важном,— вдруг сказал он.— Протяжные птичьи крики разольются в тишине, лес будет все так же ярок и многозвучен, а ты рухнешь где-нибудь под деревьями, и в твою голову будут лезть противные черные муравьи.

С Сими никто так не разговаривал. Он почувствовал в себе готовность подчиниться этим словам, а главное, этой интонации — абсолютно искренней и абсолютно дружеской. Но воин подчиняется только приказам, даже если душа его противится этому.

Туситала молчал. Сими понял, что Сочинитель Историй знает, что с ним сейчас происходит. Они молча смотрели друг на друга, пока Туситала не заговорил снова — на этот раз как-то странно — мелодично и очень красиво:

К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру.
Я радостно жил и легко умру,
И вам завещаю одно —
Написать на моей плите гробовой:
Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно.*

Туситала кончил читать, сел на диван, а Сими все глядел в потолок, беззвучно шевеля губами.

— Эту историю сочинил Туситала? — наконец произнес он.

— Это мое завещание. Знаешь, что такое завещание?

— Сими думает: завещание — это очень красивая история. Как песня. Да?

Тяжело и печально вздохнул Туситала.

Решительной походкой в гостиную вошел Суанатуфа. Следом за ним, куда более робко, шла Фаума.

Суанатуфа молча протянул Туситале открытую ладонь. На ней лежал, переливаясь в лучах щедрого дневного солнца, абсолютно красный угорь.

— Что это значит? — спросил Туситала.

Но Суанатуфа, как всегда, ничего не ответил, лишь провел угрем по лицу Сими.

— Кровь течет по нашим рекам! — крикнул Сими и упал на колени.— По кровавым рекам духи ведут войну в наш дом!

— Господин говорит с нехорошим человеком,— вздохнула Фаума.— Хороший человек не станет прятаться в чужом доме.

---

* Отец и дед Стивенсона были строителями маяков, и по семейной традиции Стивенсон поступил в Эдинбургский университет на инженерный факультет. Но проучился недолго, тяга к литературному труду, к счастью для нас, перевесила.

* Отрывок из завещания Р. Л. Стивенсона в переводе А. Сергеева.

Увидев красного угря, Сими вспомнил, зачем он, собственно, пришел в Ваилиму.

«Сочинитель Историй, побеждающий духов, хотел меня околдовать,— подумал Сими.— Но околдовать воина не так просто».

...Если бы Сими вскочил на ноги, Суанатуфа, конечно, сумел бы его остановить, и тогда не было бы впереди тех драматических событий, которые ожидали дом Туситалы и юного воина по имени Сими.

Но Сими прямо с колен прыгнул в окно, и через секунду его уже невозможно было отыскать в густых зарослях Ваилимы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой происходит покушение

Туситала стоял посреди комнаты и играл на флейте: то ли отдыхая от бурных событий сегодняшнего дня (не зная, сколько волнений его еще ожидает), то ли размышляя над будущими страницами «Уира Гермистона»... Все в доме привыкли к этим легким, будто из самого воздуха рождающимся звукам — они означали, что в доме все хорошо и спокойно.

В окне гостиной появилась смуглая рука с топориком. Топорик полетел в дом, ударился о занавеску. Следом прыгнул Суанатуфа. На всякий случай заглянул за занавеску и, никого там не обнаружив, вышел.

На Туситалу это появление не произвело ни малейшего впечатления. Лишь мелодия, которую он играл, стала еще более лиричной.

Через мгновение Суанатуфа появился снова — шел он спиной, постоянно кланяясь кому-то, кого из-за двери видно не было. Но вот появился пожилой седеющий самоанец с лицом столь открытым и мудрым, что, глядя на него, невольно думаешь: наверное, этого человека очень любят внуки.

В Ваилиму пришел вождь Матаафа. Туситала отложил флейту и, улыбаясь, сказал:

— Любовь! Приветствую великого вождя в моем доме!

— Любовь! В этом доме один великий вождь — Сочинитель Историй.— Матаафа покосился на Суанатуфу, который, поднявшись с колен, жался около стены.— Думаю, в доме Туситалы Матаафа не нуждается в защите? Мои воины остались по ту сторону дома. Воин Туситалы тоже может удалиться.

Продолжая кланяться и, не отрывая взгляда от глаз Матаафы, Суанатуфа вышел.

— Польщен, что в трудную минуту вождь пришел ко мне за советом.

— Матаафа пришел к Туситале с той единственной целью, с какой один друг приходит к другому: отразиться в его глазах.

— Всегда рад Матаафе, великому вождю великого народа.

— Разве есть народ, который Туситала мог бы назвать не великим? — спросил Матаафа и после паузы продолжил: — Злые духи жаждут, чтобы люди убивали друг друга, тогда они смогут увести к себе как можно больше рабов. Матаафа знает, Туситала не хочет войны, но вот о чем хотел спросить Матаафа...

Появилась Фаума, поклонилась Матаафе, поставила перед ним еду, еще раз поклонилась и убежала.

Матаафа встал и произнес торжественно:

— Матаафа благодарит Туситалу за то, что он никогда не был едящим отдельно*.— Матаафа не был голоден, но отказываться от еды, предложенной другом, считал оскорбительными и для себя, и для Туситалы. Так вот что меня беспокоит: сейчас на нашей стороне перевес и нам выгодно начинать прямо сегодня, мое войско готово биться за свободу Самоа... Но Матаафа не хочет войны.

За окном зашевелились кусты. Но, увлеченные разговором, ни Туситала, ни Матаафа не заметили этого.

— Я плохой полководец,— вздохнул Туситала,— я могу выигрывать сражения только на бумаге. Но если есть хотя бы один шанс не начинать это пиршество злых духов — разве можно его не использовать?

Сими снова стоял возле дома Туситалы и слушал голос человека, за скальпом которого он пришел.

После разговора с Туситалой Сими неожиданно для самого себя вдруг понял, что ему совершенно не хочется выполнять приказ Лаупепе. Ему не хотелось убивать (признаться, он не убил еще никого в жизни), но он знал: если не убьет — не станет настоящим воином. Сими легко перемахнул подоконник и спрятался за занавеску.

Когда Туситала и Фэнни еще только приехали на Самоа, Фэнни отгородила довольно большой угол комнаты вместе с одной из дверей. В эту дверь приносили неразобранные сумки, чемоданы и складывали за занавеской. Теперь весь скарб убрали, а занавеска осталась.

Но Матаафа был истинный самоанец. Ему не надо было видеть врага, чтобы знать о его присутствии.

— Повеяло недобрым ветром,— сказал он, повернувшись в сторону занавешенного угла.

— Великий вождь устал,— улыбнулся Туситала.— Для Матаафы в моем доме нет недобрых ветров.

Матаафа больше верил своему чутью, чем словам кого бы то ни было, но разве мог он оскорбить недоверием дом друга?

Сими видел коричневую спину Матаафы, родинку под левой лопаткой, в эту родинку он и хотел ударить. Промахнуться было невозможно. Нож, как приклеенный, вертикально стоял на ладони. Достаточно было прыгнуть и вонзиться в спину Матаафы...

Распахнулась дверь — в гостиную вбежал Ллойд. Увы — а может быть, к счастью? — он вошел через ту дверь, рядом с которой стоял Сими.

Мгновение — Сими содрал с лица повязку и засунул ее в рот Ллойду, вместо кляпа.

Мгновение — Ллойд связанный лежит в углу комнаты.

Ллойд понял: в следующее мгновение он потеряет сознание.

— Я плохо знаю твой народ,— сказал Туситала.— Но, мне кажется, это добрые и честные люди. Они не должны убивать друг друга.

— Народ — океан,— вздохнул Матаафа.— А волны в океане, как известно Туситале, бывают и маленькие и большие.

Сими обернулся на связанного Ллойда и отчетливо понял, на кого поднял руку. Тогда он решил немного повременить с убийством и шепотом, чтобы услышал только Ллойд, сказал:

— Да простит меня Лоиа, сын Туситалы. Сими очень виноват перед ним. Но Сими должен помочь

* Едящий отдельно — серьезное оскорбление на Самоа.

Туситале избавиться от злого друга. Туситала побеждает духов, но не умеет выбирать друзей. Когда Сими сделает то, что поручил ему всемогущий Лаупепе — он будет просить у Лоиа прощения до самого заката солнца. Если, конечно, Сими доживет до заката солнца.

— Я понимаю Матаафу.— Туситала поднялся с дивана. Теперь он стоял между Матаафой и Сими. Как раз между вождем и воином оказалась его высокая, чуть сутулая спина, словно щит, закрывающий Матаафу.— Пусть вождь сам решает: начинать ли кровавый пир духов. Но пусть Матаафа верит: что бы ни случилось, он всегда найдет в этом доме поддержку и помощь. Самоа должны оставаться свободной страной, нельзя, чтобы их поделили на части три великие державы. Этот карлик Лаупепе будет куклой в их руках.

Сими, помолившийся уже всем духам и готовый бросить нож, опустил руку. Туситала закрывал собой Матаафу. Сими мог бы, конечно, рискнуть кинуть через голову Туситалы, но если бы он задел ножом бога? Нет, это было даже страшно себе представить.

— Я рад, что Туситала понимает меня.— Матаафа отошел к окну и повернулся к Сими. Воин видел вождя. Его глаза, в которые старался не смотреть. Он замахнулся для броска.

Ллойд сумел подползти к Сими и ударил его. Нож выпал, но Сими каким-то немыслимым движением успел подхватить его. Ллойд еще раз ударил Сими связанными ногами. Тогда Сими помолился в последний раз всем духам и богам, каких знал, поднял руку с ножом и... почувствовал сильный удар, рухнул на пол и очнулся под ногами Матаафы и Туситалы.

Суанатуфа, который на этот раз чуть не опоздал, уже развязывал Ллойда.

— Матаафа жив? — первый вопрос, который задал Ллойд.

— Я жив, Лоиа. На земле Самоа для Матаафы не осталось безопасных мест.

Туситала поднял Сими и яростно начал трясти его. Голова Сими качалась из стороны в сторону, как недозревший плод на ветке.

— Ты хотел убить гостя моего дома?! — кричал Туситала.— Но ведь я поверил тебе! Ты, подлец, хотел убить Матаафу! Я тебя собственными руками, я...

Ллойд собрал остатки сил и буквально вырвал съежившегося Сими из рук хозяина дома.

Мирно беседуя, в гостиную вошли Фэнни и Генри Моор. Они смолкли на пороге, силясь понять, что здесь происходит.

Приступ ярости у Туситалы прошел. Он рухнул на диван и прошептал, обращаясь к Сими:

— Кто научил тебя убивать из-за угла? Кто научил тебя этому?

Но пришло время Фэнни задавать свои вопросы. И она не преминула это сделать, с властностью и требовательностью в голосе, которые, если верить книжкам, столь свойственны истинным английским хозяйкам.

— Итак, что здесь происходит, я вас спрашиваю? Ллойд, почему у тебя красные полосы на руках, опять занимался какой-нибудь дурью? Почему ты такой запыхавшийся? Почему Луис такой бледный? И, наконец, что здесь делает этот человек и почему его лицо разукрашено черной краской?

Фэнни села в кресло, всем своим видом показывая, что ждет исчерпывающих и немедленных ответов.

Но понадобились всего две короткие фразы, которые произнес Ллойд, чтобы все стало абсолютно ясно:

— Этот идиот связал меня. Он хотел убить Матаафу.

Генри Моор ухмыльнулся:

— Всегда говорил: черномазым верить нельзя.— Тут он заметил Матаафу и добавил: — К вождям это, разумеется, не относится.

Матаафа подошел к Сими, взял его за подбородок, посмотрел прямо в глаза:

— Ты достоин казни и будешь казнен! А твой скальп отдадут на съедение муравьям!

— Может, лучше повесить? — радостно спросил Генри.— Мне кажется, Фэнни, в твоем саду неплохо будет смотреться человек, покачивающийся на дереве. Эдакий маятник, отсчитывающий последние мгновения своей жизни.

— Заткнись, пожалуйста,— не очень вежливо, но по сути ответила Фэнни.

Между тем Сими начал постепенно приходить в себя. Все эти разговоры его почти не пугали. Почти... Если Лаупепе говорит, что «погибнуть на войне — это счастье», если белокожий Роуз считает так же, чего ж бояться? Нет, о другом думал Сими. В суматохе его забыли обыскать, за поясом болтался еще один нож, рука сама тянулась к рукоятке. Но приходилось выжидать момент, чтобы ударить наверняка.

— Слушай, парень,— обратился к Сими Туситала.— Тебе, наверное, забыли объяснить, что убить человека — не то же самое, что съесть яблоко.

«Я должен прыгнуть на Матаафу и вонзить нож ему в самое сердце. Я должен быть быстр и страшен, как стрела»,— подумал Сими, а вслух сказал:

— Убить врага на войне — исполнить наказ небес. Так говорит Лаупепе, и Сими верит ему.

Заметив, что Матаафа задумчиво глядит в окно, Сими выхватил из-за пояса нож и бросился на вождя.

Но Матаафа был воин, а значит, умел чувствовать куда лучше, чем видеть. За мгновение до удара вождь сделал шаг в сторону, Сими проскочил мимо, едва не выбив оконное стекло. Матаафа мог ударить его, даже убить, но он поступил по-другому.

Вождь схватил нож за лезвие — из ладони хлынула кровь. Своей кровью Матаафа умыл лицо Сими, и только после этого сильным ударом заставил воина упасть на пол.

— Завтра с тебя снимут скальп.— Матаафа отвернулся.

Фэнни бросилась к нему:

— У вас может быть заражение крови. Надо немедленно смазать вашу рану и перебинтовать.

— Рану? — удивился Матаафа.— О чем говорит Аолеле*? — И он показал ей свою совершенно чистую ладонь, с едва заметными признаками крови.

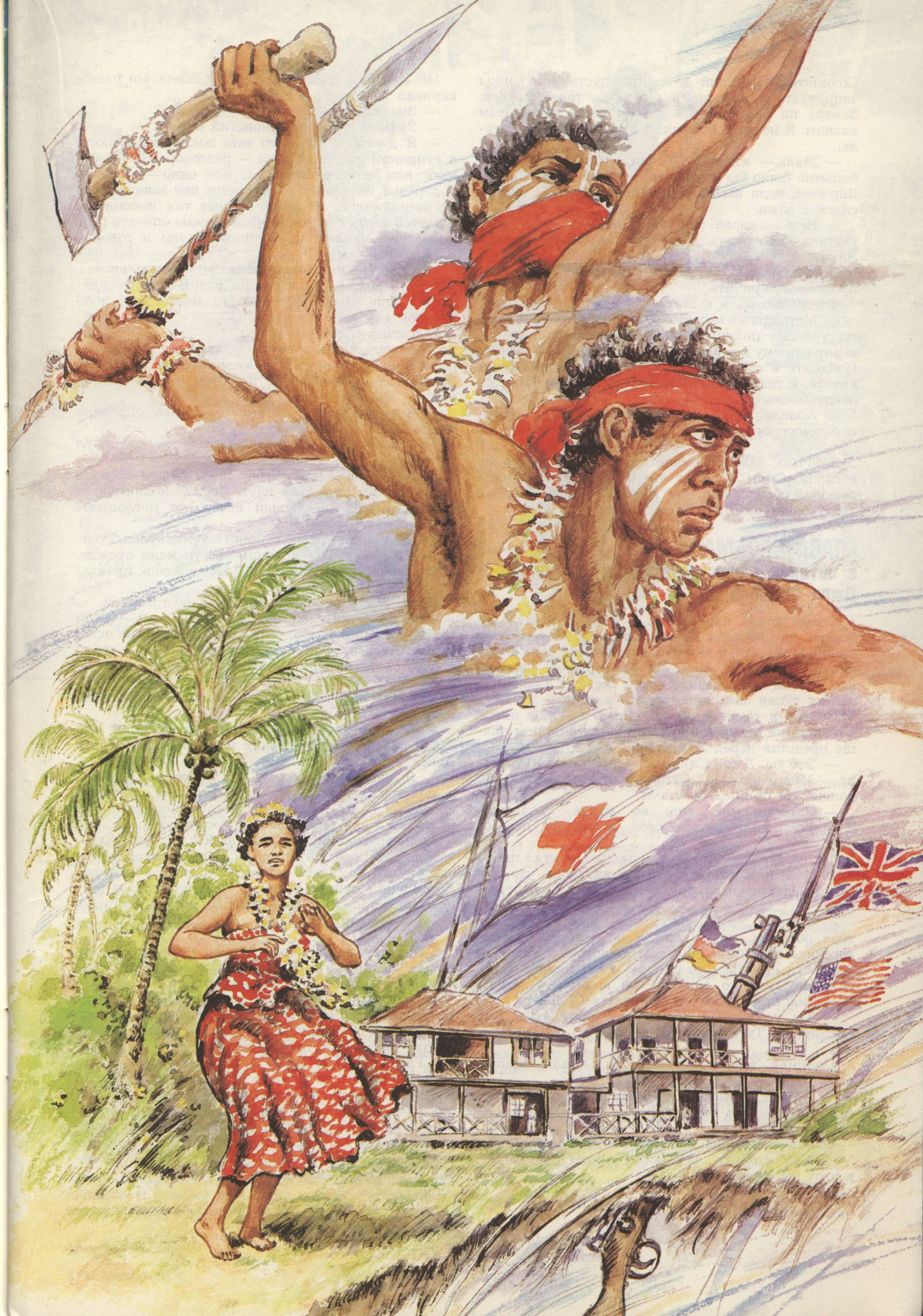
— Заколдованный дом! — закричал Сими.— У великого Сочинителя Историй и такой несчастный дом! Ничего не получается! Ничего!

Туситала встал и поклонился Матаафе:

— Прошу простить великого вождя, что в моем доме...

— Позволю себе перебить Сочинителя Историй,— вздохнул Матаафа,— твои слова продиктованы доброй душой, но они не истинны. Туситала ни в чем не виноват. Мой народ стал очень злым.— Матаафа снова подошел к окну.— Хочу просить

* Аолеле (Летящее облако) — так называли Фэнни Осборн туземцы.



Сочинителя Историй об одном: пусть мои воины запрут этого выродка в одном из твоих сараев. Завтра на рассвете мы уведем его в лес и там казним. Я не могу осквернять казнью дом Туситалы.

— Жаль,— вздохнул Генри,— признаться, любопытно было бы поглазеть, как казнят на Самоа. Впрочем, если вы пойдете недалеко, я бы напросился с вами.

— Нет! — снова закричал Сими.— Я не могу умереть, не сделав того, что приказал великий Лаупепе!

Пока воины Матаафы тащили Сими в сарай, он продолжал кричать.

Фэнни подошла к Матаафе, взяла его за руку:

— Матаафа не может сейчас уйти, правда? Если ты уйдешь, получится, что Матаафа больше не верит нашему дому. А наш дом этого не заслужил. Пойдемте в сад, там все накрыто. Мы пообедаем вместе, и тогда уход Матаафы не будет похож на обиду.

— Аолеле мудра. У Туситалы мудрая жена, и я повинуюсь.

...Ночью, заманив одного из воинов Матаафы в сарай, Сими оглушил его выдранной из стены доской и убежал из плена. Искать его в самоанских лесах было занятием бессмысленным.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой вновь появляется Джон Сильвер

Снова кто-то настырный и злой выжимал его легкие, выдавливал из них кровь, и вот она уже хлынула горлом, и зеленый самоанский день снова канул в темноту. Приступ затягивался. Сплошная черная стена стояла перед глазами Туситалы, долгая тупая боль властвовала над ним.

Но вот в темноте обозначилось красное пятно и одноногий человек в просторном пурпурном плаще предстал перед Туситалой.

— Это ты, Джон Сильвер? — прохрипел Туситала.— Мне было так больно в этот раз. Скажи, это конец? Ты пришел за мной?

— Сдается мне, еще не время, создатель. Я пришел напомнить о себе. Я пришел поговорить.

Фэнни увидела, что Луис наконец-то стал шевелить губами, и успокоилась. Ей казалось, что, когда он ведет эти неслышные разговоры, боль отступает.

— Сильвер, мне кажется, я уже спрашивал тебя об этом, но ты так и не ответил, почему вестником болезни, человеком, который ведет со мной эти кровавые разговоры, стал именно ты?

— Неужели до сих пор не понял, создатель? Я — твое проклятие,— усмехнулся Сильвер.

— Ты, созданный мной,— мое проклятие? Как смешно...— Туситале показалось, что он засмеялся.

Стоящие вокруг кровати услышали слабый стон.

— Аолеле, Туситала шевелит губами и стонет, Аолеле, помогите ему! — Фаума была готова разрыдаться.

Фэнни оставалась совершенно спокойной.

— Мы столько пережили приступов, Луис, и этот переживем, правда?

Но Туситала ничего не ответил жене. Он разговаривал не с ней.

— Знаешь, о чем я думаю, Сильвер?

— Знаю,— ответил одноногий моряк.

— Я думаю о том, что всю жизнь занимаюсь, в сущности, только одним — разговорами. На бумаге или воздух сотрясая, все одно — говорю. А деревья, между прочим, растут вне зависимости от наших слов. И океан шумит так непонятно. Думаешь, есть слово, которым можно описать разноцветный закат над океаном? Зачем я говорю, Сильвер? Зачем?

— Сдается мне, твое ремесло строительное,— ответил моряк.— Ты строишь дом. В нем поселятся без тебя, и обживут его без тебя... Твое дело построить...

В гостиную вбежал Генри.

— Вы слышали новость? — крикнул он с порога.— Война началась! — Посмотрев на Туситалу, Генри добавил почему-то шепотом: — Улучшений нет?

— Значит, война? — вместо ответа спросила Фэнни.

— Ты красиво говоришь, Сильвер,— вздохнул Туситала.

— А еще я скажу тебе, создатель: ты снова отвлекаешься, а время идет. Солнце поднимается каждое утро, но каждый вечер его поглощают воды океана.

— Этот факт мне известен,— усмехнулся Туситала. Только ты не можешь увести меня прежде, чем я закончу «Гермистона»? Не можешь, правда? Скажи, Сильвер...

Генри Моор нервно вышагивал по гостиной.

— Я предупреждал Луиса,— сказал он.— Если люди решили воевать — их никто и ничто не остановит. Кстати, Фэнни, я как раз хотел с тобой посоветоваться: какие товары самые ходовые во времена битв?

Минуту, наверное, Фэнни молча смотрела на Генри, потом сказала:

— Я прошу тебя об одном: не сообщай ему сразу обо всем этом. Такая новость может убить Луиса...

— Я напомнил о себе — я ухожу.— Как бы в подтверждение своих слов Сильвер скрипнул костылем.— Но помни, создатель, скоро склянки на твоем корабле пробьют в последний раз.

Сильвер усмехнулся. Красный плащ его развевался, казалось, он стоит на палубе корабля. Он отвернулся от своего создателя и ушел в темноту. Долго еще в тишине скрипел его костыль, а в темноте светилось красное пятно. Но вот оно погасло, и Туситала открыл глаза.

...Как только началась война, Стивенсоны открыли госпиталь для туземцев, и почти все свое свободное время Фэнни проводила там.

А в усадьбе Ваилима появился новый житель — мистер Роуз. Это был невысокий человек, чья фигура напоминала пивную бочку, на которую сверху поставлена пивная кружка с двумя ручками. Глаза мистера Роуза постоянно бегали, будто он хотел видеть всех и вся. Этот человек ни у кого в доме не вызывал симпатий, особенно после того как начал приставать к Фауме. Но он был приставлен следить за Туситалой — те, кто хотел прибрать к рукам остров, боялись писателя — и обитатели Ваилимы вынуждены были терпеть соглядатая в собственном доме.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ВОТ И ЛЕТО ПРОШЛО

ДАВАЙТЕ ВСПОМНИМ, КАК?..

«Прочитала в вашем журнале страшную повесть Э. Успенского. Спасибо, что предупредили. Никогда в жизни больше не поеду в пионерский лагерь. Уж лучше в городе все лето просижу...»

Неужели так страшно, что даже удалось убедить маму с папой не покупать путевку в пионерлагерь?

Да и лучше ли в городе? Во-первых, лагерь лагерю рознь, и не в каждом захотят появиться Черная Простыня и Зеленые Пальцы. Ну, а во-вторых, эта повесть, по сути, собрание ваших же страшилок, которыми вы сами себя пугаете, когда вожатые спят. (Уж я-то знаю, сама рассказывала подругам!)

Надеюсь, нынешнее лето вы еще долго будете вспоминать. Вам понравилось? Нет?! Поделитесь своими впечатлениями и с нами. Где вы больше любите отдыхать: дома или в пионерском лагере, в турпоходе или лагере труда и отдыха? А может, лучше поработать в колхозе? И многие ли из вас могут выбирать?

У меня, например, было так: купила мама путевку, собрала чемодан, налепила на него табличку с фамилией и номером отряда и помахала ручкой, крича вслед уходящему автобусу последние ЦУ. **А у вас?**

Потом было все по заведенному распорядку. Мучительно по полчаса стоять под палящим солнцем на линейке. И каждый день одно и то же: командиры отрядов вереницей бегут сдавать рапорт, туго ползет в небо флаг, и так далее. Никакого разнообразия. **А у вас?**

Еще помню смотр строя и песни. Проходил он быстро, всего час-два. Зато сколько нас готовили к нему! Так надо наказывать провинившихся пионеров. Я слышала, во многих лагерях теперь не «смотрят» ни строй, ни песню. **А у вас?**

Но самым неприятным мы считали уборку территории. Это тогда называлось «зоной пионерского действия». Сколько хлопот доставляла нам ежедневная борьба с бесконечным дождем пожелтевших листьев. Ты веником — раз, два! А на дорожке снова — три, четыре, пять! Да и фантики от конфет тоже, наверное, с неба сыпались. Зато отряд, у которого самая чистая «зона» и корпус, получал три банки сока. **А у вас?**

...Это было в моем детстве. Говорят, с этого года в пионерских лагерях все по-другому. Дескать, и линейками и сборами ребят не мучают, и свободы больше, и мероприятий «для галочки» не проводят. А у вас изменилось что-нибудь? Или только слухи?

Напишите нам. Свою фамилию можно сохранить в тайне. Хотелось бы только знать название вашего пионерского лагеря или того места, где вы отдыхали. Было бы здорово узнать о ваших мечтах и планах на будущее лето. На конверте пометьте: «Каникулы».

Г. СМИРНОВА

Фотография А. БЕЛЯСОВА.

Владимир ОРЛОВ

Малые речки

Мимо разных дворов и крылечек,
Где-то рядышком и вдалеке
Вьется множество маленьких речек,
Чтобы слиться в огромной реке.

Вьются речки, свиваясь в колечки,
Путь-дорога у них нелегка.
Если высохнут малые речки,
Обмелеет большая река.

Морские камешки

В глубине или на краешке,
Помня каждого и всякого,
Все свои цветные камешки
Море любит одинаково.

Любит черные и светлые,
Любит желтые и синие.
Хоть они и разноцветные,
Все по-своему красивые.

В глубине или на краешке,
Помня каждого и всякого,
То оно рычит на камешки,
То ласкает одинаково.

Дымовой

В трубе и летом, и зимой
Живет мохнатый дымовой.
Он много лет в трубе живет,
Оберегая дымоход.
Трубой доволен старичок:
Тут жарким летом сквознячок.
Зимой поет он сам себе
И дымом греется в трубе.

Он ежедневно перед сном
Глядит в трубу, как астроном:
Следит за тем, чтоб в небесах
Стояли звезды на местах.
А днем следит, чтоб грела печь,
Чтоб можно было хлеб испечь,
Чтоб в доме, холоду назло,
Всем было сытно и тепло.

Утренние кавалеристы

На рассветном небосклоне
Месяц тает золотой.
Мчатся розовые кони
Над прохладною землей.
А на них — кавалеристы
Первых утренних полков...
Гаснут звезды, будто искры
От серебряных подков.

Зернышко и дождинка

Ветер еле дышит над землею,
Духоту не в силах превозмочь.
И мечтает зернышко сухое
О своей дождинке день и ночь.
Ждет, когда придет счастливый случай,
Чтобы влагой пропитаться всласть.
А дождинка созревает в туче
И пока еще не родилась.

Будущая капля в небе кружит
И во мраке прячется густом.
Но созреет вскорости и тут же
Загрустит о зернышке своем.
Заклубится туча дождевая,
Затрепещет молния во мгле,
И помчится капелька живая
К зернышку, что ждет его в земле.

Осенняя земля

Лежит земля,
В лучах последних нежась,
Лежит, ни в чем природу не виня.
Весеннюю свою
Былую свежесть
В румяном, крепком яблоке
Храня.

Улетает лето

На далекой остановке,
За речной протокой,
Наши песни и речевки
Бродят одиноко.
Разноцветные тропинки
Загрустили где-то...
На осенней паутинке
Улетает лето.

Забор

Недавно из окна
Река была видна.
За ней —
Степной простор,
Над ним —
Вершины гор.
И этим всем владел
Кто из окна глядел.
Но вот перед окном
Пилой и молотком
Построили забор
И оградили двор.
И тот, кто всем владел,
Внезапно обеднел.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

Я знаю, что анализировать этого нельзя,
но это чувствуется и усваивается.
Лев Толстой.

Эти страницы мы отдаем разбору о д н о г о стихотворения из сокровищницы русской и мировой поэзии, которое мы печатаем тут же.

Мы знаем, что делаем трудный шаг. Есть вопросы, на которые нет ответов. Ими-то и занимается поэзия, что вовсе не значит: она их решает. Она просто посвящена им. Она поет и плачет перед сфинксами с их неразрешимыми загадками. И как же тут комментировать? Крайнюю точку зрения на эти трудности выразил Лев Толстой: «...Другие искусства можно еще как-нибудь разъяснить, музыку же уж никак нельзя... о музыке — почти то же и о лирических стихотворениях — нельзя рассуждать, нельзя сказать, почему это хорошо или нехорошо». В словах, которые стали эпиграфом к нашим страницам, Толстой чуть оптимистичней.

Мы рискуем, не желая того, опубликовать подчас неточные, а может, и неверные суждения, мнения, которые покажутся кому-то неточными, неверными. Претендовать на безошибочность здесь никак невозможно.

И все же, все же... Мы говорим о поэзии. С теми, кто ее любит. С теми, кто готов ее полюбить.

Александр БЛОК

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям,— и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

«ТЫ ПОМНИШЬ? В НАШЕЙ БУХТЕ СОННОЙ...»

Я эти стихи с давних времен знаю. Наизусть. Выписал себе в тетрадку (конечно, заветную) в пятом классе, в тринадцать лет. Не выучивал, а запомнил. Повторял про себя.

Рос, менялся. И стихи со мной тоже как будто менялись. Так со стихами бывает. В школе знать их не требовалось.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем.

Это о Блоке в поздние свои годы сказал Пастернак. С любовью к Блоку, с отвращением к «программе», к охотникам подчинять, навязывать. К охотникам, отчасти напоминающим карателей.

Биографические и другие сведения найдутся в справочнике. Блок — великий лирик XX века. Спутник жизни человеческой. Без него людям одиноко. Почему он близок им? Как ответить?

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Музыка проникает в самое сердце. Сияние. Магия. Тайна.

...Мне долго казалось (Боже, как я был наивен), что «Ты помнишь?..» Блок написал в детстве, где-то у моря, еще холодного. Суда в сонной бухте. Военные, хотя войны нет. Но что-то происходит. Или это воображение, мечта. Мечта о путешествии, подвиге, войне как почве для подвига (не нынешней, напичканной чудовищным оружием, а старинной, почти вымышленной, из Дюма, войне как Промысле Божьем). И вот «пылинка дальних стран» на карманном ноже. Эта воображаемая пылинка — источник двойной радости. Вслушайтесь: «Ведь сердце радоваться радо». Радо, что радо. А матросы и пылинка заставляют вспомнить гумилевских «Капитанов» (1909).

Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь.

Хотя влияния тут не обнаружишь.

Начато доверительно: «Ты помнишь?» Обращение это к кому? Может быть, к товарищу! «И вопросы нас волновали». «Нам было видно». «Нам, детям».

«И вновь обычным стало море». Когда-то мне, выросшему не у моря, хотелось оспорить эпитет «обычное». Мол, «Приедается все. Лишь тебе не дано примелькаться». Но у Блока эпитет на месте.

Сегодня-то я знаю: не мальчишкой, а зрелым поэтом написал эти стихи Блок. В июле 1911 г. он отправился в путешествие и вскоре поселился (вместе с женой) во Франции, в Абервраке, на Бретонском побережье Атлантики. В гостинице с видом на море. Он писал матери 12 августа: «На днях вошли в порт большой миноносец и четыре миноноски, здороваясь сигналами друг с другом и с берегом, кильватерной колонной — все как следует. Так как я в этот день скучал особенно и так как, как раз в этот день, газеты держали в секрете совещание французского посла в Берлине с Киндерлэн-Вехтером (немецкий министр иностранных дел), то я решил, что пахнет войной... Стал... с уважением смотреть на довольно корявого командира миноноски, который проходил военной походкой по набережной. Думаю, что все аберрваковские чеховцы были одних мыслей со мной, так что, когда миноносцы... снялись с якоря... наступило всеобщее разочарование. Всем, собственно, скучно до последней степени, и все втайне хотят, чтобы что-нибудь стряслось».

Вот так. Безо всякой романтики. Аберврак, Киндерлэн-Вехтер, корявый командир... Вы спросите: почему чеховцы? Вспоминаю юную Сашу из пьесы Чехова «Иванов»: когда «воздух застыл от тоски», Саша призывает молодых мужчин собрать силы и разом совершить «что-нибудь маленькое, чуть заметное, но хоть немножко похожее на подвиг, чтобы барышни хоть раз в жизни... могли сказать: «Ах!» Она изнывает от мертвящего однообразия. Характерно для чеховских персонажей.

В сонном Абервраке Блок изнывающий набросал заключительное четверостишие: «Случайно на ноже...» Целиком стихи написаны 6 февраля 1914 г., незадолго до первой мировой войны, которая вряд ли стала почвой для геройства... В начале войны Гумилев вздохнул о судьбе Блока: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это все равно, что жарить соловьев...» Но прав и Пастернак, так завершивший свои «Четыре отрывка о Блоке» (1956):

Блок ждал этой бури и встряски.
Ее огневые штрихи
Боязнью и жаждой развязки
Легли в его жизнь и стихи.

Боязнь и жажда... Стало ли для нас стихотворение милей и значительней, когда мы узнали обстоятельства его написания и даже получили нечастую возможность сопоставить стихи и прозу — один и тот же эпизод у одного и того же автора? Из стихов не случайно ушло то, что привязывало их к текущему. Знать эти сведения необязательно. Но чувства поэта стали нашими, наложились на нашу жизнь, слились с нею. Мы произносим: «Ты помнишь?» (у Блока, очевидно, обращение к жене, свидетелю события) от своего «я».

Впрочем, знание лишним не бывает. Публикуя стихи, Блок указал, где написаны, когда. Просто игнорировать это нельзя. Интересно также, что задолго до поездки в Бретань «четыре — серых» жили уже в воображении Блока, он робко пробовал их изобразить.

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.
(«Корабли пришли», 1904)

«Океан дремал» — «спала вода», «показались корабли» — «вошли суда»... Как похоже!

И скоро исчезли в дали беспредельной
Их станы, их мачты и их вымпела.
И в ночь маяки озаряли бесцельно
Спокойную гладь водяного стекла.
(«И снова на юг...», набросок 1905 г.)

«Исчезли в дали» — «уплыли прочь, зарылись в океан и в ночь»; «маяки озаряли бесцельно» — «маяк уныло замигал»...— как близко!

Что же в «Ты помнишь?..» главное? Здесь есть и нота тревоги, и — главное — радость мимолетной, иллюзорной надежды на обновление мира, близкая всем и всегда. Знаешь, что иллюзия, а все равно радуешься; хочется поверить. Таков человек. Такова поэзия, открывающая нам человека.

И вот вывод совпадает с тем, что говорил Блок молодым читателям, продолжая мотив двойной радости: «Мне радостно, что вы в моих стихах читаете радость; это и есть лучшее, что я могу дать... Если будете сильны и чисты, жизнь вам откроется...» И — в предисловии к сборнику «Нечаянная Радость»: «Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли».

Цену этим стихам Блок знал.

Владимир ПРИХОДЬКО.

«ЧУГУННОЕ КРУЖЕВО». ЗАЙЦЕВА Вика, 14 лет.

«ЛЕНИНГРАД». ФЕРЕНЦИ Линда, 10 лет.

Майя
ГУЛЯНСКАЯ
живет
в Харькове,
учится
в школе № 27.
Недавно Майе
исполнилось
12 лет.

Праздник

Вот расцветает улица знамен,
Шары, цветы, плакаты, транспаранты...
На площади — парад больших колонн,
На Спасской башне будут бить куранты!

Осень в лесопарке

Мы гуляли по ковру,
По ковру из листьев,
Собирали мы листву,
Желтую и красную,
Вся она прекрасная!
Вдруг навстречу нам бегут
Белочки-двойняшки,
Что-то шепчут и поют
И играют в прятки.
Шум раздался непонятный,
Поезд едет, там ребята,
За рулем сидит вожатый,
А в вагонах — малышата.
Стало холодно в лесу.
Снег пошел, и я дрожу,
Побежали мы гурьбой,
Прибежали мы домой!

Загадки

Шел по улице, дышал,
Глазки щурил, хвост поджал.
С виду весь большой, мохнатый,
А зовется он... (собакой)

Он летит из края в край,
Вверх и вниз он прыгает,
Ты возьми с ним поиграй,
Это... (мяч)... резиновый.

Лена
МАКУХИНА,
северянка,
живет она
в Коми АССР,
в городе Печора.
Ленс 13 лет,
учится она
в школе № 10,
в 8-м «А» классе.
Лена — один из
редакторов
ежемесячной
газеты «Вестник
школы», где
нередко
появляются ее
новые стихи.

В розовой стране

Куда, скажи, уходишь, лето,
Одевшись в лиственный огонь?
Тебя несет куда-то ветер,
Как колесницу — серый конь,

Туда, где речки звон хрустальный
Наполнил яблоневый сад,
Где птицы громким щебетаньем
Весть о рассвете огласят.

Сверкнет лучами в небе солнце,
Раскроет венчик василек,
Позвонит ландыш колокольцем,
Проснется яркий ноготок...

Цветущий сад, где вечно лето,
Есть в дальней розовой стране;
Туда уходит лето с ветром,
Как легкий всадник на коне.

Ночной снегопад

Сквозь тучи льется свет луны
И серебрит верхушки леса.
Среди безмолвья, тишины
Летит на землю снег белесый.

Летит... А мутный лунный свет
Деревья тихо усыпляет,
А на поляну мягкий снег
Свои перины настилает.

Мифическое небо

Ночное небо звездами полно.
Ты встретишь в нем мифических героев,
И сказку, будто книгу, там откроют
Юпитер, Марс, Эрот, Гермес, Ио...

Загадочно мерцают огоньки,
На Землю льет неверный свет Селена,
Нептун встает из океанской пены,
К нему идет за помощью Акид...

Летит вперед божественный Пегас,
Пересекая сказочное небо...
День настает. Пред колесницей Феба
Мир звезд, тускнея, медленно угас...

Легко ли быть королевой?

Что мы знаем о жизни королей? Всегда на виду, под пристальным вниманием прессы и публики, этикет опять-таки соблюдать надо... (Это ведь только у Алана Милна король мог съехать по перилам, жуя бутерброд...) Что же на самом деле происходит в королевских чертогах?

Корреспондент нашего журнала Н. Ламм передал вопросы королеве Нидерландов Беатрикс. Поскольку королева Беатрикс очень-очень занята, она поручила записать ответы на них господину Х. ван Бентему из отдела печати и информации Государственной службы информации Нидерландов, а он прислал их в «Пионер». Итак, несколько тайн нидерландского двора...

— Где учатся принцессы?

— В самой обыкновенной школе, вместе с другими ребятами, вовсе не «королевских кровей». После начальной школы, как и большинство голландцев, Беатрикс училась в гимназии. А потом изучала право в университете города Лейдена. Особенно ее интересовали социология, экономика, история парламента. Чтобы быть хорошей королевой, надо все это досконально изучить. В дипломе у королевы написано: «юрист».

— Как складывается рабочий день королевы? Вообще разве королеве необходимо работать?

— Обязательно! У королевы очень много обязанностей. Почти каждый день ей приходится сидеть допоздна в рабочем кабинете.

— Значит, королева не восседает на троне?

— У королевы современный рабочий кабинет, ибо ей необходимо быть в курсе всех правительственных дел, просматривать и подписывать ежедневно десятки документов. Ежедневно она получает информацию от министров, государственных секретарей и специалистов в различных областях о происходящих в мире событиях.

Принцип королевы Беатрикс — знать, чем и как живут обычные голландцы. Поэтому она регулярно бывает в муниципалитетах, разных провинциях Голландии, школах, больницах, музеях...

Очень много королеве приходится работать во время государственных визитов глав других стран и во время собственных визитов. Хорошо только, что государственные визиты обычно длятся не больше нескольких дней.

— А помогает ли кто-нибудь королеве справляться с обязанностями?

— Конечно. В штате королевы есть секретарша, управляющий, главная придворная дама. Вы, конечно, понимаете, что королева сама не может оплачивать все расходы по их содержанию. Поэтому ежегодно ей выделяется на это значительная сумма из государственной казны.

— Монархи часто расставались со своим троном не по своей воле. Не опасается ли королева Беатрикс революции в Нидерландах?

— Нет. В настоящий момент страх перед революцией ничуть не беспокоит ее. Большинство голландцев, как показывает опрос общественного мнения, довольно монархическим строем в стране. И, конечно, они любят свою королеву.

— Чем занимаются королевские дети, принцы?

— Принцы, так же как и сама королева, окончили обыкновенную школу, а сейчас все трое учатся в университете. Старший, принц Виллем-Александер, изучает историю. Средний, Йохан-Фризо, занимается авиационной и космической техникой. Младший, Константайн, увлекся юридическими науками.

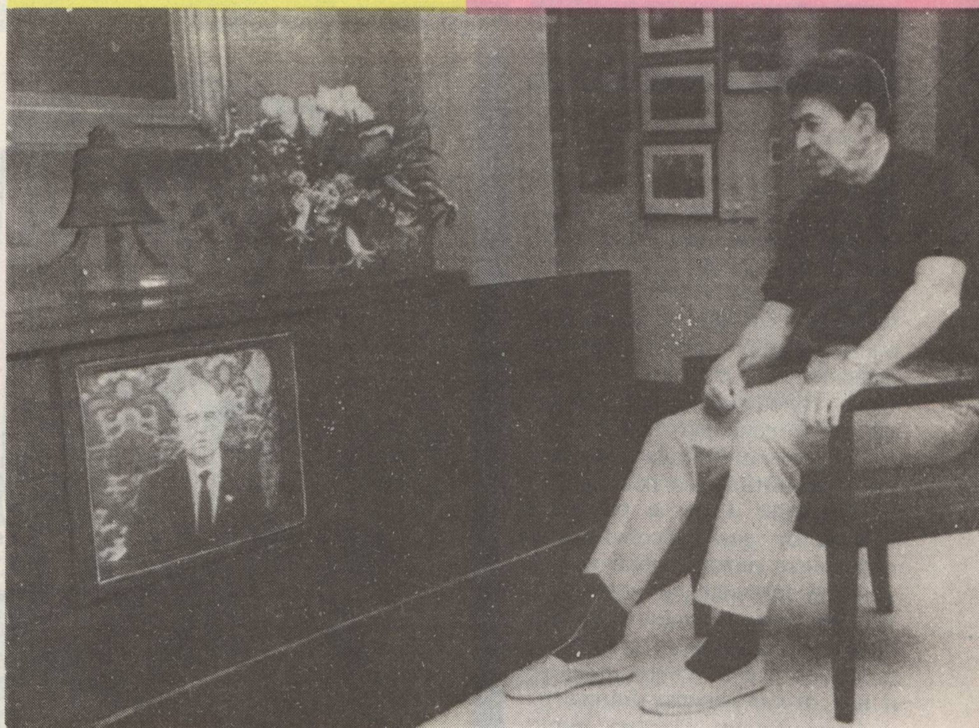
— Что королева Беатрикс делает в свободное от государственной службы время?

— Королева — талантливый скульптор и всегда выкраивает время для ваяния. Она прекрасно ездит на лошади. Также она опытный яхтсмен, очень любит парусный спорт. Королева и ее супруг, принц Клаус, бывают на всех премьерах драматических и балетных спектаклей.

Вся королевская семья постоянно занимается спортом. Один из принцев даже сетовал, что во время каникул мама поднимала их всех слишком рано, чтобы сыграть партию в теннис.

Королева любит путешествовать, особенно когда поездка не является государственным официальным визитом. Будучи еще принцессой, она побывала и в Советском Союзе — в Москве, Ленинграде, Ташкенте и на Байкале.

Чем занимаются политики в отставке



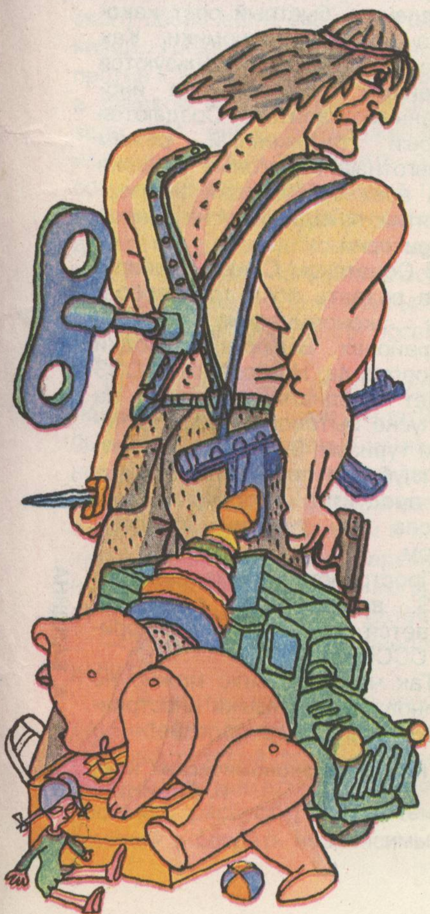
Самый последний экс-президент США Рональд Рейган в молодости был популярным актером кино. После ухода на заслуженный отдых его одолевают предложениями о съемках. Рейган все решительно отвергал, до тех пор пока не познакомился с киносценарием Роберта Болта. Болт известен в Америке своим участием в экранизации романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». На этот раз сценарий посвящен первому пресс-секретарю Р. Рейгана Джеймсу Брейди. Рональду Рейгану предложена роль... Рональда Рейгана. На встрече со сценаристом и продюсером он дал свое согласие на съемки в картине.

Рэмбо — вне закона

Парламент Колумбии принял решение о запрещении импорта, производства, продажи и использования на всей территории страны детских игрушек на тему войны и насилия.

В первую очередь речь идет об имитации образа героя американских боевиков, супермена Рэмбо. Несмотря на то, что закон «в штыки» приняли крупные компании по выпуску игрушечных танков, ракет, наборов «звездных войн», пулеметов и автоматов, парламент Колумбии намерен строго следить за соблюдением решения.

В этой стране слишком хорошо знают, к чему приводит привычка с детства «играть в войну». В Колумбии на протяжении нескольких последних лет царит напряженная обстановка, связанная с наркотиками и вооруженными бандами.



Глиняные... воробьи

Йон Мельбю из норвежского города Фредрикстад заметил, что из их губернии Эстфолл куда-то исчезли... воробьи. «Съели кошки?» — подумал он, но прикинул, что все кошки Норвегии не справились бы с тем количеством воробьев, которые буквально несколько лет назад заселяли набережные, крыши домов, террасы кафе и парки. Тем более, что их кошки привыкли питаться специальными кошачьими консервами...

Занявшись серьезным изучением проблемы, Йон Мельбю открыл, что за последние десять лет численность воробьев в Норвегии сократилась вдвое. И это в стране, где вопросам экологии уделяется огромное внимание на всех уровнях, начиная с правительственного. Хотя, казалось бы, что там правительству до мелкой птахи...

Так началась компания «Спарроу», что по-русски означает «Воробей». Она стала частью образовательной программы по защите окружающей среды и вовлекла несколько десятков тысяч детей и взрослых в активную защиту мелких пернатых. Финансовую поддержку проекту оказывают министерство окружающей среды Норвегии, Норвежское орнитологическое общество, газета «Адрессе-ависен», общество дружбы «Норвегия—СССР», ряд других фирм.

По инициативе молодежной комиссии общества «Норвегия — СССР» в компанию «Спарроу» включились и московские школьники. Московскими и норвежскими ребятами было слеплено 40 тысяч воробьев из керамики. Керамический воробей стал символом-предостережением экологической катастрофы, которая может разразиться на планете. Фигурки птичек были вручены участникам и гостям из 83 стран, собравшимся в этом году в Москве на глобальном форуме по проблемам окружающей среды и развития в целях выживания.

С. ЮШИН

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ПЛАНЕТЫ ДЕТЕЙ»

До востребования

В одной из самых технически развитых стран мира, Америке, где компьютеры стоят в дешевых закусочных, а из телефонной будки у шоссе можно позвонить на другой континент, очень любят писать письма. Американцы считают: «Телефон, телефакс — для бизнеса» — и сочиняют друг другу к праздникам (и даже по будням) умилительные послания.

Получили и мы в редакции письма от двух абсолютно не связанных между собой американских организаций, но на одну и ту же тему. О том, что множество американцев хотят переписываться с советскими людьми и как эту переписку наладить.

Организация «Письма мира» родилась 8 лет назад в штате Коннектикут. Ее директор Ричард Конарроу гарантирует: «Все письма от советских людей, которые получит организация, будут переданы американцам соответствующих возрастов, профессий и интересов. Написание писем по-английски желательно, но не обязательно». Письма следует отправлять по адресу:

Letters for Peace, Inc.
238 Autumn Ridge Road
Fairfield ct 06432
USA

Вторая организация, «Друзья по переписке», образовалась в 1984 году в Калифорнии, ее директор Дайан Вайт считает, что переписка — прекрасный способ завязать дружбу, которая может длиться долгие годы. Чтобы начать обмениваться письмами с американскими сверстниками, нужно сообщить «Друзьям по переписке» свои имя, фамилию, год рождения, увлечения. Не забудьте указать адрес! И существенная просьба этой организации — всю информацию присылать только на английском.

PEN PALS UNLIMITED
P. O. Box 1525
Wildomar.
Ca. 92395
USA

ДЕТСКИЙ ВОПРОС

Свободные, как остров

«Говорят, что СССР распродает свои земли, а капиталисты с удовольствием покупают нашу территорию. Вдруг и нашу область какие-нибудь иностранцы приглядели под ранчо и виллы? На каком языке мы тогда будем говорить?»

А. Т., Пензенская область.

По всей видимости, автор письма имеет в виду информацию о появлении в Советском Союзе свободных экономических зон (СЭЗ). СЭЗ впервые появились в конце 50-х — начале 60-х годов, и сейчас в мире их более 700. В Китае, например, их пять, а островное государство Маврикий, по сути, является одной большой свободной зоной.

Создаются СЭЗ для того, чтобы ускорить промышленное развитие территории (района), обеспечить быстрый рост какого-то сектора экономики. Как правило, здесь используются новейшая технология и иностранный капитал. Создаются особый таможенный режим и льготные налоговые условия для всех организаций и предприятий, находящихся на данной территории.

В Советском Союзе планируется создать пока три свободные экономические зоны — в районах Выборга, Находки и Новгорода. Новгородская СЭЗ будет специализироваться на выпуске бытовой электротехники и туризме. В Находке начнется глубокая переработка сырья и продуктов морского промысла при участии западных фирм.

Пространство, занимаемое СЭЗ, вне всякого сомнения, остается суверенной территорией СССР.

Так что за землю можно не волноваться. А языки иностранные знать всегда полезно!

Кандидат экономических наук И. ОЛЕЙНИК.

Рисунки А. БАЛДИНА.

Несовершеннолетний союз

Зашли к нам в «Пионер» добрые знакомые из Болгарии — поэт, редактор детской газеты Венко Евтимов и журналистка из популярного издания для подростков и молодежи «Клуб-15» Эмилия Янева и поделились массой любопытных новостей.

Перемены в политической жизни страны значительны. Теперь здесь действует более 60 партий самых различных направлений.

Болгарский комсомол преобразован в «Демократическую молодежь Болгарии». А Димитровская пионерская организация «Септемврийче», которая в сентябре прошлого года отметила свое 45-летие, вообще перестала существовать. Вместо нее создан Союз детей Болгарии.

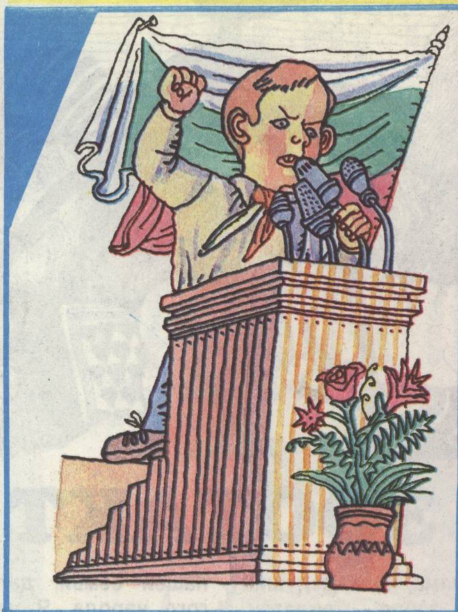
— Это явилось неожиданностью?

— Не совсем. Горячие споры о том, как жить дальше, делегаты IX республиканского пионерского сбора вели еще два года назад. Тогда ребята выступили против членства взрослых в детской организации. Высказали еще много предложений, и прежде всего построить работу пионеров через звенья по интересам. Но сбор закончился, делегаты разъехались по домам — и ничего не изменилось. Однако сомнения в правильности прежнего курса были посеяны.

10 ноября 1989 года Тодор Живков, многие десятилетия бывший первым лицом в коммунистической партии и государстве, был вынужден уйти со своих постов. А вслед за этим и начались стремительные перемены, которые не могли не затронуть также молодежь и детей.

— И что тогда предприняли ребята?

— В марте этого года в городе Смоляне был созван национальный детский форум. На нем дети самостоятельно приняли решение распустить «Септемврийче» и создать независимый Союз детей Болгарии. Ребята все организовали сами, без подсказок со стороны взрослых. Союз выбрал Координационный Совет из четырнадцати подростков.



— У Союза есть программа действий?

— Да. Главное, с чего начал Союз, осуществил идею объединения детей по интересам. Вместо традиционных пионерских отрядов в классах стали возникать разновозрастные звенья по интересам.

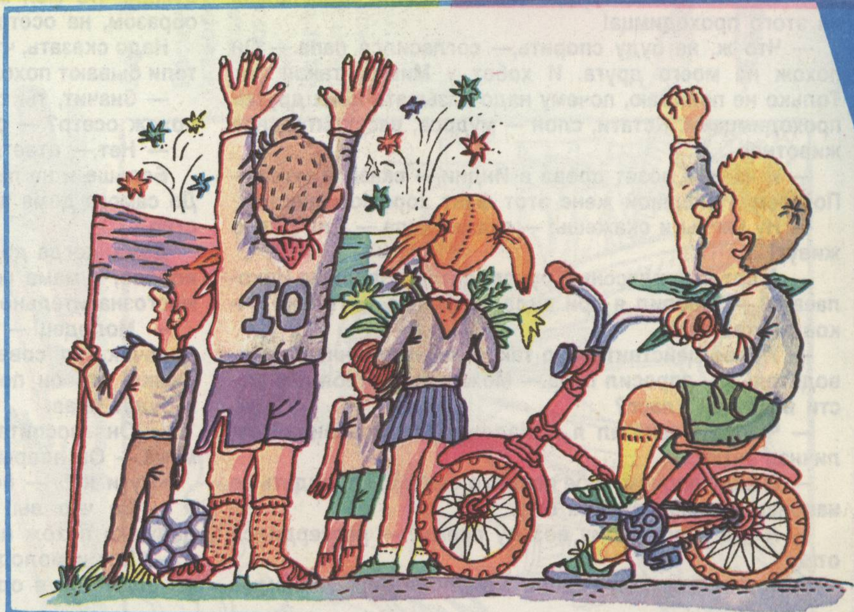
Одно из важнейших требований Союза — деполитизация детской организации. Дети с огромным удовольствием организуют звенья туристов, шахматистов, рыболовов, поэтов, гитаристов... Любопытно, что самих членов Союза не смущает столь разновозрастная компания — в звеньях ребята и 8 лет, и 15!

— Слушая вас, можно подумать, что все было просто, как в сказке. Захотели — отменили, захотели — создали...

— Конечно, никакого «крибле-крабле-бумс» не было и быть не могло. Ребятам из Координационного Совета пришлось нелегко: Союз детей не хотели регистрировать как полноценную самостоятельную организацию на том основании, что все его члены — несовершеннолетние. Однако в очередной раз был доказан принцип — нет ничего невозможного. Союз был зарегистрирован и начал действовать!

— Как взрослые отреагировали на появление такого Союза?

— Чрезвычайно интересно: они создали Союз защиты детей, куда вошли только взрослые. А защищать юных есть от чего. В частности, многие только что возникшие партии пытаются создать свои детские политические организации. И, на наш взгляд, это очень плохо. Ведь дети, наоборот, стремятся к деполитизации. Они устали от речей и лозунгов, от участия в политических играх. Мы за то, чтобы партию люди выбирали в зрелом возрасте.



ЗООТАКТ

Андрей КУЧАЕВ

Рисунок М. КАЗАКА.

Мы пошли в зоопарк вчетвером: мама, папа, дедушка и я. Когда я увидел первого зверя — ондатру, я понял, что скучно мне в зоопарке не будет. Ондатра была похожа на тетю Любу, мою тетку. «Буду вспоминать, на кого похожи звери,— решил я.— Всех своих знакомых рассажу по клеткам. И родственников тоже. Тут не соскучишься! До чего же звери похожи на людей!

Последнюю мысль я высказал вслух.

— Ты прав,— сказал дед.— Все великие баснописцы всегда пользовались этим сходством, чтобы разоблачить людские пороки и превознести добродетели.

— Я тоже воспользуюсь,— сказал я.— Но не из-за пороков и добродетелей, а для развлечения. Чтобы посмеяться.

— Надеюсь, без злого умысла? — спросил дед.

— Конечно! — ответил я и показал на ондатру.— Вот она похожа на тетю Любу!

— Верно,— обрадовался папа.— Вылитая Люба!

— Действительно, что-то есть,— охотно согласилась мама с отцом.— Жена твоего братца из породы грызунов. Кого хочешь перепилит.

Мы двинулись дальше.

— А вот он похож на дядю Мишу,— сказал я, показывая на слона.

— Точно! — сказал дед.— Как две капли воды похож на этого проходимца!

— Что ж, не буду спорить,— согласился папа.— Он похож на моего друга. И хобот у Мишки такой же. Только не понимаю, почему надо называть моих друзей проходимцами. Кстати, слон — мудрое, рассудительное животное.

— И на нем возят дрова в Индии,— сказала мама.— По-моему, Мишиной жене этот факт хорошо известен.

— Ну уж ты и скажешь! — сказал папа.— Они дивно живут!

— А вот наш классный руководитель Надежда Николаевна! — завопил я при виде верблюда.— Только очков не хватает!

— У тебя действительно такой несимпатичный руководитель? — спросил папа.— Может быть, тебя перевести в другой класс?

— Чепуха,— сказал я.— Надежда Николаевна — отличная тетка.

— Между прочим, тебе неплохо было бы повидать ее наконец,— сказала мама отцу.

— А где я, по-твоему, возьму время? — рассердился отец.

В других клетках сидели мои приятели, знакомые нашей семьи, дальние родственники и много другого народа. Я находил сходство быстро и безошибочно.

Наконец мы спустились в помещение, где по стенам, за зеленоватыми стеклами, светились всевозможные рыбы. Маленькие рыбки были похожи на бабочек, а среди больших мне в глаза бросилась одна. С длинным носом и унылыми глазами. Я подошел поближе и прочитал:«Осетр». Осетр прислонился носом к стеклу и смотрел мимо нас в бесконечность. Он тихонько шевелил своими плавниками и хвостом.

Я сразу понял, что осетр похож на кого-то, кого я знаю очень хорошо. Я стал изо всей силы напрягать память, но вспомнить никак не мог. Что-то мне мешало. И вдруг меня осенило.

— Он похож...— торжествующе завопил я и осекся. Замолчал.

Осетр был похож на моего папу.

— Ну, на кого он похож? — спросил лукаво дедушка.

— Он похож...— начал мямлить я.

— Он еще не придумал,— сказала за меня мама.

— Осетр похож на осетра. Тут и думать нечего,— добавил решительно папа.

— Пойдемте дальше,— приказала мама.

Я посмотрел в этот миг на маму и обомлел. Я обнаружил, что моя мама очень похожа на папу, и, таким образом, на осетра.

Надо сказать, что иногда, в редкие минуты, мои родители бывают похожи между собой просто на удивление.

— Значит, ты так и не можешь нам сказать, на кого похож осетр? — спросил укоризненно дед.

— Нет,— ответил я.— Я должен подумать.

Больше я не пытался угадывать, кто на кого похож. До самого дома я молчал, и мне было и скучно и грустно.

Дома, когда дед ушел к себе, отец посадил меня на колено, а мама села напротив. Оба смотрели на меня многозначительно.

— Молодец! — сказал папа.— Ты наблюдательный мальчик, но совершенно необязательно говорить дедушке, что он похож на осетра. Он может обидеться и будет прав.

— Он воспитанный мальчик,— похвалила меня мама.— Он вовремя сдержался. Умница.

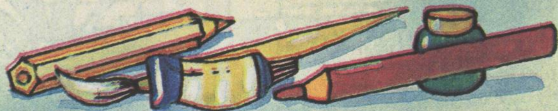
«Ну и ну!» — подумал я. А вслух сказал:

— Да что вы! Я не думал и не думаю, что наш дедушка похож на осетра!

— Вот и молодец! Вот и хороший мальчик! — сказали родители в один голос.

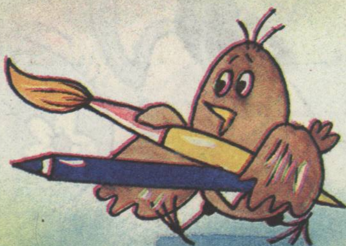
РАСКРАСКА

Вырезали в деревнях и городах русских на липовой доске изображение. Доску легонько покрывали краской. А изображение на бумагу или на ткань отпечатывали. И картинку получившуюся «лубком» называли. Простая она была, незамысловатая. О людском житье-бытье рассказывала. И мужик на ней, и красная девица, и купец, и живность всякая. Да вот вы на нашу картинку посмотрите, это и есть лубок. Ну как?



Лев ЯКОВЛЕВ

Песня
жаворонка
льется,
Тучка в небе
тает.
На пригорке
у колодца
Девица мечтает.



Рисунки Э. ДЕСЯТНИК.

Грамотная мышка

Андрей УСАЧЕВ

В одной библиотеке жила грамотная мышка по имени Нюра. Она не пропускала ни одной новой книжки, ни журнала, ни даже самой что ни на есть скучной газеты... И все из-за кошек! — уж очень она любила их есть. Увидит на картинке кошку — цап! — и тут же слопает, увидит другую — хрум! — и готово. А потом выйдет на крыльцо, и говорит:

— Тошнит меня от этих кошек! Штук пять больших съела, а уж маленьких и вовсе без счету...

Остальные мышки, как услышат это, так даже заикаться начинаю:

— Ти-ти-ти-ти-тише, Ва-ва-ва-ва-васька... — и больше ничего сказать не могут.

И вот как-то выходит Нюра на крыльцо и, как обычно, говорит:

— Ну и объелась я... Просто тошнит меня от этих кошек! — Глядь, а перед ней кот Васька сидит и ехидно так прищуривается.

— Ну-ка, ну-ка,— говорит,— погромче. А то я плохо слышу.

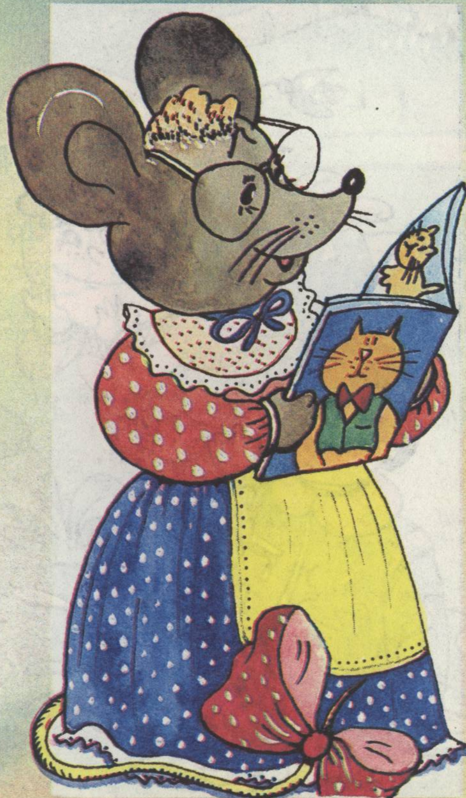
Но Нюра не растерялась и говорит:

— Да,— говорит,— так наелась кошек, что на тебя и смотреть противно! — И преспокойно к себе в норку направляется...

Васька от такой наглости даже опешил: сидит и глазами хлоп-хлоп!.. Потом опомнился, бросился следом, да опоздал — только лапой по спине чиркнул...

А на следующий день, как обычно, вышла на крыльцо Нюра и рассказывает:

— Нет, что ни говори, а книжные кошки куда лучше. Попробовала я Ваську — ничего в нем хорошего: и когти — жесткие, и зубы — твердые!



Игорь ШЕВЧУК

Честный обмен

Саня Булкин
шел в пальто
Вани Втулкина.
Ваня Втулкин
шел в пальто
Сани Булкина.
Саня Булкин
лег в песок
и валяется.
Ваня Втулкин
в лужу лег
и купается.
За пальто
на них кричат
их родители.
Но никто
не виноват —
все же видели:
Это Булкин
шел в пальто
Вани Втулкина.
Это Втулкин
шел в пальто
Сани Булкина.

ПРЫГ-СКОК

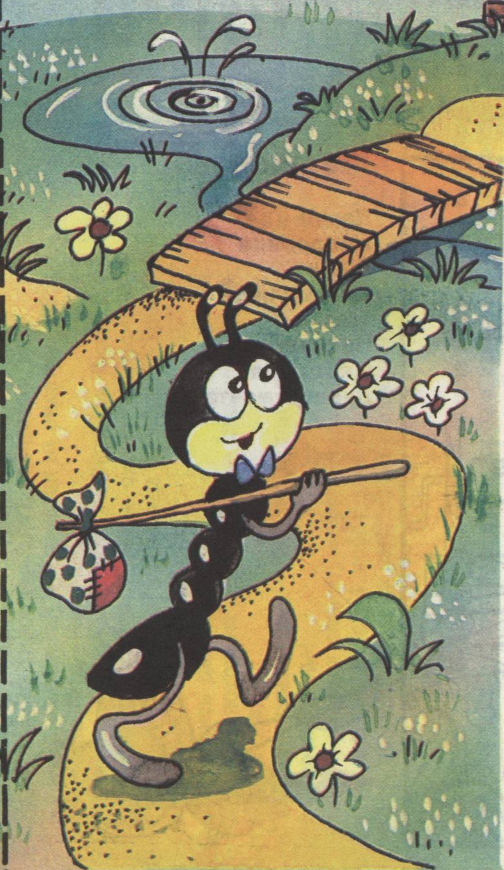
Валентина ЛАНЦЕТТИ

Он может жажду утолить
И двери дома отворить?

(Ключ)

С головы до пят в иголках,
А не ежик и не елка?

(Муравейник)



ЗООБЕСЕДКА

Светлана ПШЕНИЧНЫХ

Интересно

Интересно, это кто же
Появился из яйца?
Весь зеленый,
Не похожий
На обычного птенца?
Мы ему сказали:
— Здравствуй!
Посмотрели —
Он зубастый!
Оказалось, это был
не птенец,
а крокодил!

Эдуард УСПЕНСКИЙ

МИККО — СЫН ПАВЛОВОЙ

Продолжение удивительной истории в комиксах «Тристан и Павлова, на выход!». Начало в №№ 6—8.

Рисунки Н. ДЕМИДОВОЙ.

В открытом море произошел конфликт, в результате которого утонули два судна: яхта «Мария» и корабль бывшего диктатора страны Колумбарии Фурникуле. «Марию» сопровождала и охраняла дельфиниха Павлова, а корабль Фурникуле — вооруженные дельфины Тристан и Генри. Но оказалось, что все эти дельфины были знакомы и раньше. Вместе они спасают среди обломков «Марии» маленького мальчика.

КАК ЭТО ПРЕКРАСНО! У НАС УЖЕ ЕСТЬ РЕБЕНОК.
ПО-МОЕМУ, ОН ПОХОЖ НА МЕНЯ.
И ХИТЕР, КАК ТЫ, ГЕНРИ!
ОН БУДЕТ КРАСИВ, КАК ТРИСТАН, УМЕН, КАК ПАВЛОВА...
ЭТО СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ БУХТА.
ГОРЫ!
ГЕНРИ, НАМ ПОРА ВОЗВРАЩАТЬСЯ.
БЫСТРЕЕ ПЛЫВИТЕ, А ТО Я САМА ЗАПЛАЧУ.
МЫ НЕНАДОЛГО. В СЛУЧАЕ ЧЕГО, ТОЛЬКО ПИКНИ, МЫ МИГОМ...
ВЫЗОВ СЛУЖАЩЕГО

Фотографии П. КРИВЦОВА.

ПОД НЕБОМ С ПЕРВОЙ ЛЕГКОЙ ЗВЕЗДОЙ

На Полтавщине и только на Полтавщине, приехав в село Сорочинцы, вы сможете побывать на знаменитой ярмарке. Сорочинской. А бывает она в августе.

Бог мой! Глаза у вас разбегутся, пальцы растопырятся, уши развесятся лопушками, ноги сами собой побегут.

От прилавка — к прилавку, от одной повозки — к следующей, от глиняных горшков — к игрушкам, от игрушек — к горам яблок, от яблок — к арбузам, от арбузов — к деревянным ложкам, от ложек — к вышитым рушникам. И так до полного изнеможения.

Вы будете глядеть, будете на зуб пробовать, пальцами щупать, денежками звенеть, а покупки в сумку складывать. Азарт Сорочинской ярмарки вскружит голову.

И ничего сверхфантастического не почувствуете, повстречав в живописной толпе, например, Солоху, Вакулу, Черта. Да что там Черта — Николая Васильевича Гоголя.

Можно подойти и представиться:

— Здрасьте, Николай Васильевич! Я — Петя Манькин из 6 «Б». Дайте автограф!

И классик даст. Куда ж денется, если вот он, живой, стоит, в усы ухмыляется, утираясь от жары большим платком?

Ярмарка — это праздник. А на празднике все мы — дети. Даже взрослые, даже старые-престарые взрослые. И смеемся, и любопытствуем, и удивляемся бесконечно всякой всячине. Праздники запоминаются нам легкостью шутки, фейерверком красок и еще — добрым отношением людей, которые толкаются и радуются рядом.

А. ДУГИН. Иллюстрация к повести Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Сорочинскую ярмарку подарил нам великий Гоголь. Но ничего бы у Гоголя не вышло, если бы люди — сегодняшние, современные — не захотели бы сделать из нее ежегодный праздник.

Так что подумайте, ребята, может, и в ваших родных местах возможно сотворить нечто подобное?

...Хорошо выйти с ярмарки в сумерки. Отдышаться, расслабиться, запрокинуть голову в небо с первой легкой звездой. И вдруг увидеть то, что увидел и воссоздал московский художник Андрей Дугин,— полет Вакулы на Черте в Петербург.

Гоголь — волшебник. Дугин — тоже волшебник.

Все мы — волшебники. Надо только, чтобы душа была чиста и открыта, не напряжена, а фантазия играла свободно, будто юный конь на вольной траве. И настроение искрилось роскошным мыльным пузырем.

Как после августовской Сорочинской ярмарки.

И. АНДРИАНОВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

ДУМАЮ О МИРЕ И О СЕБЕ

Чтобы не вырасти Иваном, не помнящим родства

Московская школа эстонского языка при постпредстве Эстонии существует уже несколько лет. Здесь каждый, кто хочет, может изучать эстонский язык и литературу, познакомиться с традициями, обычаями и национальными праздниками эстонцев.

Недавно я решила поговорить с ребятами, которые учатся в этой школе. Четырнадцатилетняя Оля Тамм и семнадцатилетняя Лилия Леэси (обе эстонки) впервые пришли сюда в День Матери. Мы, эстонцы, празднуем его 13 мая.

— Какие были ваши первые впечатления?

Лилия: На родине эстонцы суровы и сдержанны, а здесь — прямо тянутся друг к другу. Нас приняли очень хорошо, ни на минуту не дали почувствовать себя неуютно.

Оля: Я живу в эстонской семье, но не знаю родного языка, не знаю эстонской культуры. Это моя беда. Всему этому я хочу здесь учиться.

Когда дети в День Матери поздравляли своих мам, я задумалась: а как я отношусь к своей маме?

— Влияют ли, на ваш взгляд, события в Эстонии на московских эстонцев? И как?

Оля: В эстонских семьях начинают усиленно учить родной язык, а раньше этому не придавали значения. Родители рассказывают детям о своих корнях, о родной истории.

Лилия: Раньше мне было безразлично, кто я, а теперь я размышляю о том, что я эстонка.

— Хотите ли вы, чтобы в Москве была школа с преподаванием всех предметов на эстонском языке?

Оля: Да. Почему в Эстонии русские школы есть, а в Москве эстонских нет?

— В Таллинн собираетесь?

Оля: Мы бываем там каждый год.

— А насовсем?

Оля: При первой возможности.

Лилия: А я еще подумаю. У меня мама русская.

— Вызывает ли эстонская национальность проблемы в общеобразовательной школе?

Лилия: Не всегда правильно выговаривают наши фамилии, имена. А так все нормально.

Оля: Когда начались события в Эстонии, учителя очень злились. Я конфликтовала с учительницей географии, и она сказала мне: «Ты эстонка, вот и убирайся в свою Эстонию. У нас своих, русских, с гонором хватает».

Да, здесь много всяких «но». Но ясно одно: культуру своего народа надо знать даже вдали от родины. И школа эстонского языка поможет нам.

Кристин Каукс, 10-й класс, г. Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ: А мы к словам Кристин можем прибавить, что во многих представительствах союзных республик в Москве открыты такие школы по изучению родного языка. И мы тоже за то, чтобы были в России школы и армянские, и эстонские, и татарские, как в Эстонии, Армении и Татарии, например, есть школы русские. Чтобы не отрывались дети от родной культуры, живя в любой нашей союзной республике.

НАБОЛЕЛО

И стоило бороться?

Это был первый классный час, на который собрались даже самые отпетые прогульщики. Решался вопрос об отмене школьной формы.

Слово взял Женя и предложил вместо школьной формы носить одежду темного цвета, его поддержала Оля и еще несколько человек. Класс распался на две половины, так как остальные ребята предлагали носить любую одежду. Завязался спор.

— Почему обязательно темную? Это будет та же школьная форма!

— А если ты наденешь свой синий свитер, малиновый берет и зеленую юбку?

— Ну и что? Малиновое хорошо сочетается с зеленым.

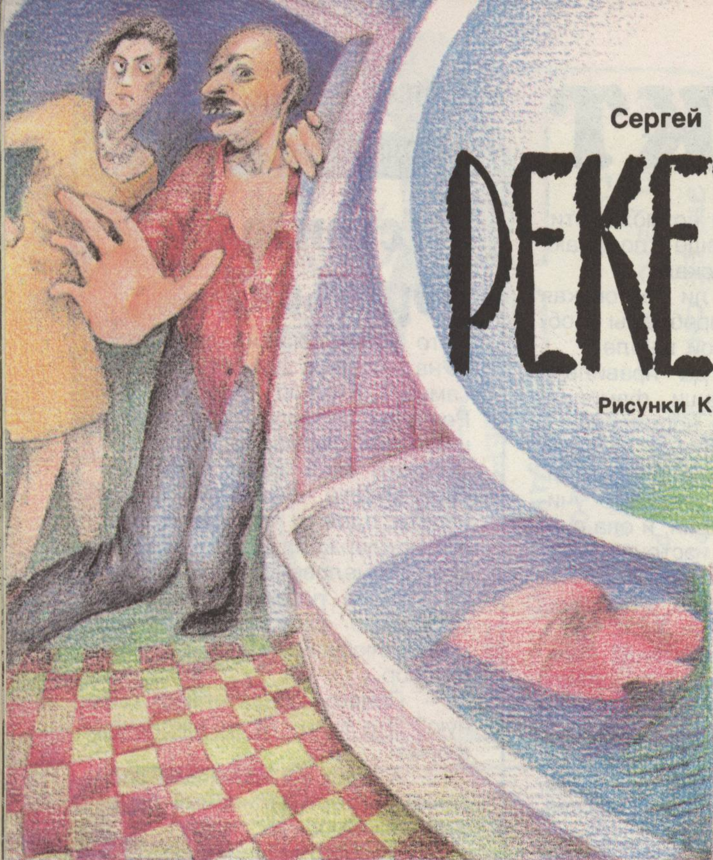
Любые доводы тонули в выкриках.

Наконец постановили: ходить в школу кто в чем хочет. И помчались по домам.

А на следующий день все, словно сговорившись, пришли... в школьной форме.

Вот я и думаю: и стоило бороться за самоуправление?

Дима Расторгуев, 10-й класс, г. Москва.



Сергей ИВАНОВ

РЕКЕТИРЫ

Рисунки К. ЯСИНСКОЙ

Надо, так я людей дурю спокойнее, чем щи хлебаю. Эти навыки, между прочим, приходят легко и просто — не алгебра! Но Бутина Наташка считает: избавиться от них тоже не проблема, когда приспичит. Говорит: повзрослеешь, замуж выскочишь...

«Елы-палы,— всегда смеюсь,— какое там «замуж»?!» Мне всего тринадцать (а Бутиной и того нету)... Лет хотя бы до шестнадцати, до семнадцати надо дотянуть или не надо?.. Иначе это будет не замужество, а сами знаете что. Так Наташка Бутина считает. Ну и я тоже...

Тут неожиданно для себя я усмехнулась: это сколько же может в голове промелькнуть за одну секунду, за коротенькое «тик-так»! Я смотрела в глаза абсолютно незнакомому мне человеку — в глаза такие, знаете, честные до ужаса и направленные прямо тебе куда-то внутрь. И причем честные они были не как у следователя какого-нибудь, а наоборот — как у тех, кто хочет тебе помочь.

Он и правда мне помогал.

— Магазин «Спорттовары»? — говорит.— Это надо выйти на Планетную улицу...

Я недоверчиво подняла брови.

— А разве не туда? — И показываю куда-то в сторону Северного полюса.

Он поворачивается. А мне и надо, чтобы он повернулся... Жестикулирую, тараторю, как на митинге... Он слушает — ничего понять не может. А я в это время вижу, как Наташка ловит за поводок его собаку и — ноги! Собака плетется за ней, будто на казнь... Пудели же послушнее, чем ягнята. А эта еще и с поводком бегала... Считается, так удобнее их ловить... Только кому!

Мы встретились с Наташкой минут через двадцать, дико довольные собой. А вернее, не столько довольные, сколько заведенные. Собака плелась за нами, поджав обрубок хвоста. Я сказала:

— Не бойся! Шапку из тебя делать не будем!

И мы засмеялись с Натальей... Хотели купить по мороженому за ради такого успеха. Но поблизости нигде мороженщиц не было. Тогда мы просто сели на лавку — отдышаться, хлопнуть друг друга по плечу.

— А не хило мы с тобой, Бутина!

— Не хило, Квартальнова!

С этой собакой мы затеялись не от хорошего. Мне лично жить негде, потому что к моей маме вернулся ее знакомый. Отсидел сколько-то там... года два, наверное... и вернулся. Оттуда якобы выходят такие все прямо убийцы и воры в законе. А этот ничего похожего — просто алкашик плюгавый. Даже никаких наколок нету. Я думала-думала, чего моя мать в него влюбилась! А Бутина и говорит:

— Да потому что ей самой под сорок!

Наташка умная до ужаса. Но зато я более решительная. И у нас в дружбе я вообще-то главней... Так бывает...

Ну ладно. Вернемся к матери. У них «отношения» в нашей однокомнатной квартире, а мне даже на кухне места нет... У них потому что любовь с гулянкой. Значит, в комнате стол, компания, а на кухню люди выходят покурить тет-на-тет. И я в этом дыму совершенно лишняя, совершенно!

Ну, думаю, хотя бы пойду в ванную, простирну свое кое-что: с порошком вообще-то были перебои, но мать достала — она же рабочая в магазине. И вот я стираю, а тут заходит один хмырь, маминого мужа друг. Он считается у них интеллигент в компании — такой вечно прилизанный. В прошлом якобы пианист... А сам на гитаре-то два аккорда умеет!

Меня первый раз увидел: «Что же ты, Мариночка, дочь свою за стол не сажаешь?» А дело в том, что я выгляжу лет на шестнадцать... Да теперь многие так.

И вот он заходит в ванную. А я в одном халатике позапрошлогоднем... Слава богу, он сильно был датый. Я его как шарахну джинсами невыжаты-

ми, он в дверь обратно вылетел; там стремянка у стены, он — затылком. И в кровь.

Мать врывается... Она крупная такая — никакой атлетической гимнастики не надо! Пощечину мне закатала, а потом еще с левой. А я и так плачу: я же испугалась. Этому уже вату прикладывают к мозгам... Да у него там на самом деле ничего страшного не было. Я слезы вытираю, а пятерня скользкая, порошковая.

— Чего ж ты делаешь, мама? Тебя из инженеров выгнали, из гостиницы «Украина», из коридорных выгнали. И из рабочих выгонят!

Она так глянула, будто знает что-то дико важное.

— Помалкивай!

Потом я все думала, что же она такое знает. И поняла: она то знает, что я ей больше не нужна — вот абсолютно!

Не скажу, как это иногда любят писать, что, мол, «с этого все и началось». Да у меня таких сценариев... Потому что мамин магазин в нашем же доме. Значит, где бутылочку раздавить? Или куда «бедных бездомных» пустить для последнего разговора тет-на-тет?.. Я за уроками, за телевизором ли — никого не трясет! Этим пришедшим она говорит:

— Да вы садитесь, ребятки!

Мне:

— Танька! Кыш отсюда!

Естественно, веселым голосом, как будто мы обе абсолютно современные, живем душа в душу и все друг о друге понимаем... Потом на лестнице рубль-два даст: «До таких-то не приходи!»

Я знаю, у людей бывает и хуже! Но ведь и это плохо — особенно, когда ты видела другое. Причем в нашей же однокомнатной квартире! Но я не буду об этом рассказывать. Сколько ни старайся, обо всем не расскажешь...

И я решила уйти. А что такого? Вон по телевизору — в четырнадцать лет детей рожают. Так я, что ли, не могу в тринадцать из дому смотаться? Причем я совершенно не хочу и не собираюсь, чтобы «назло», чтоб моя мать с рыданиями бегала по Москве... Хотя она бы не с рыданиями, она бы с милицией. А после бы меня в колонию засадила!

Моей главной целью стало найти какую-нибудь берлогу, а маме сказать, что живу у подруги. Можно, например, Бутину наслать: «Марина Вадимовна! Пожалуйста! Разрешите, Таня у нас поживет?»

Да Марина Вадимовна только радостно захрюкает... Ну и черт с ней!

Берлогу я нашла быстро и случайно — повезло. Иду в школу — объявление: «Сдам молодой студентке жилплощадь». У меня сразу сердце подпрыгнуло, как воробей. Я это объявление цоп. А оно так легко от столба отлипло — клей еще не присох. Я тырь-мырь, вижу: на той стороне улицы еще одно белеется. Туда! За вторым третье обнаружила. А на четвертом захомутала старушку с банкой клейстера, тряпочкой и школьной тетрадкой этих объявлений. Я ей сразу наобещала златые горы, только лишь бы она больше не клеила. Потом на первой же перемене говорю одной... имя которой мне здесь и употреблять-то противно, говорю ей:

— Возьмешь мой крест? За семьдесят.

А у меня единственная есть ценная вещь — дедушкин серебряный крестик. Я его берегла не знаю как — дедушка меня любил по-страшному!

И я потом ревела, как лошадь: в коробочку посмотрю, где крестик лежал, а там пусто. И реву...

А с той, которая его у меня забрала, мы базарили-базарили и сошлись на полтиннике. Но я так и рассчитывала: он семьдесят, конечно, не стоил...

Деньги я после школы снесла своей старушке — задаток. Говорю:

— Я пока жить не буду, раз все не дала, а вы тоже не сдавайте никому...

У меня якобы стипендия через неделю. И родители пришлют...

Стали мы с Бутиной думать и гадать, где же заработать. Думали-думали... а где их возьмешь! Наташка со смехом так говорит:

— Давай рэкетирками заделаемся, что ли?.. Украдем кого-нибудь! Я бы ее обрявкала, потому что мне совершенно было не до юмора. Но так получилось, что в тот момент мы шли через сквер. А там гуляют с собаками. Я Наташку как тресну по спине! Радостно! Что нам за собаку-то будет? Может, мы ее просто нашли! А денежки всякий выложит... За любимого пса — вы же представляете!

Два дня истратили, чтобы выследить железный вариант. И нашли: муж, жена и собака. Причем жена каждый день в чем-нибудь американском или английском. Детей нету. Жена — на работу, он — дома. Мы у дверей послушали — на машинке печатает. Писатель какой-нибудь или переводчик. Небось для кооперативов шарашит. Часика два посидит, пошел с собачкой... Ну, а дальше вы все знаете...

Отдышались мы от своей радости. Но куда собаку-то деть? Наташка сразу:

— К нам нельзя!

— Ну, фиг с тобой,— говорю,— повели ко мне.

И опять везение: дома никого! Мы выждали часа два — просто уроки делали. Да и собаку заодно берегли, потому что какой-нибудь материн жлоб свободно толкнет ее за бутылку, и с концами! А собака, между прочим, как легла на кухне, так и лежала. Я ей предложила хлеба с маслом. Но она даже воду не пила... Наконец я говорю:

— Ну, Бутина, иди работать!

За два с лишним часа этот переводчик все дворы обегал, полностью от горя спятил, и теперь можно его брать.

Мы так договорились. Наташка спросит: «У вас собака потерялась, пудель такой-то и такой-то?.. Мы его нашли и готовы вернуть за триста пятьдесят рублей. Но только очень просим вас: без неправильных поступков!»

Триста пятьдесят — это для нас огромная сумма. А за собаку отдашь и еще спасибо скажешь!

Наталья, конечно, трусила по-страшному. Но я же не могла идти, правда? Он же меня запомнил. И я сидела в кухне, в обычном своем месте. Никакая физика в меня уже не лезла... Вдруг собака подходит — голову на колени положила. И так мне почему-то странно стало. Сколько же, думаю, на свете всякой ерунды происходит — никакой атомной бомбы не надо, честное слово! Гладила я эту собаку и ревела, пока Бутина не пришла... Кричит:

— Все! Через полтора часа! У него потому что дома денег не оказалось. Говорит: в сберкассу пойду — якобы... И сразу подозрительно стало: на полтора часа в сберкассу... Чего там делать-то?

— А он как себя вел, Наташ?

— Он?! Только первое слово услыхал, сразу окаменел. И шепчет: «Сколько платить?»

А я подумала: до чего же у нас все дрессированные стали. К тебе приходит простая семиклассница и спрашивает: «У вас собака пропала?» А ты с ходу про деньги... Ну и плати!

Мы все сидели у меня на кухне, и никто из маминого народа не являлся. Наверное, выпал тот редкий день, когда мать поехала туда, где жил ее деятель. В принципе это случалось: сами уедут, а дружков-подружек своих сюда запустить забудут. Или просто те не смогут (например, жена подследила). Тогда я целый день, целый вечер и целую ночь кайфую одна!

— Ладно, Бутина, понеслась дальше уроки конопатить!

Но уроки мы больше делать не смогли — сами понимаете: предстартовое волнение. И тогда я придумала:

— Давай меня собирать.

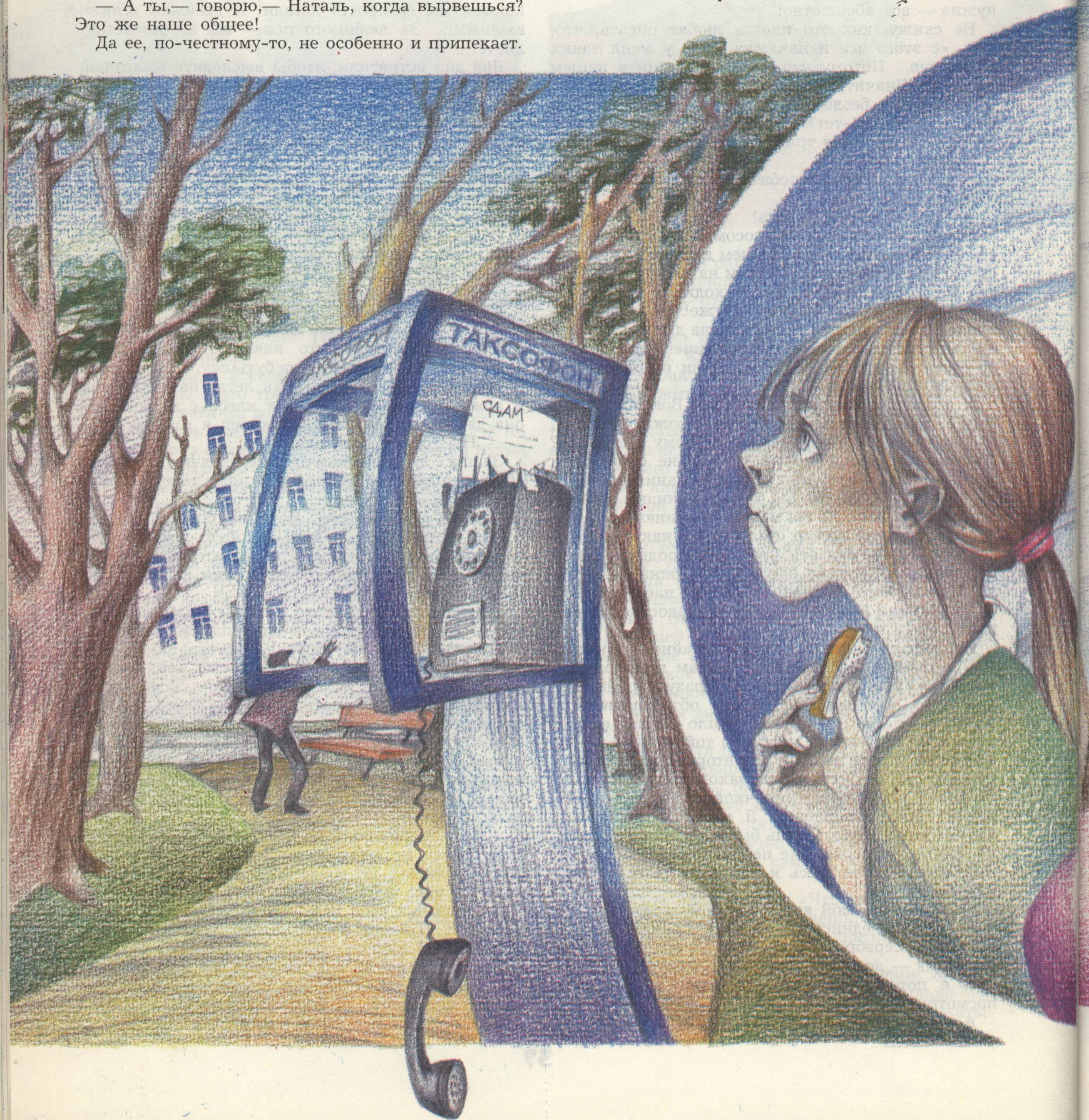
Чтобы сразу, как деньги получим, сваливать на новую квартиру.

— А ты,— говорю,— Наталь, когда вырвешься? Это же наше общее!

Да ее, по-честному-то, не особенно и припекает. Подумаешь, мать с отцом друг на друга орут. Тем более у них двухкомнатная: включила телевизор — тебя не касается!

И вот собрали мои пожитки. Но были обе, как в подводном царстве, от волнения. Чтобы это дело скрыть, я пошла на кухню — будто бы дать собаке воды. Она отглотнула раза три и — как кость ей в горло воткнулась. Посмотрела на меня с обидой. А я подумала: «Иди ты!.. Дал бы мне твой хозяин эти триста пятьдесят просто так, я бы ни ему нервы не дергала, ни себе, ни тебе. Даст он? Жди-ожидай... Ну и тогда помалкивай...»

Наконец и эти полтора часа проползли... Надо было узнать, готов он или нет. Только из дому мне звонить не хотелось. Потому что на телефонной



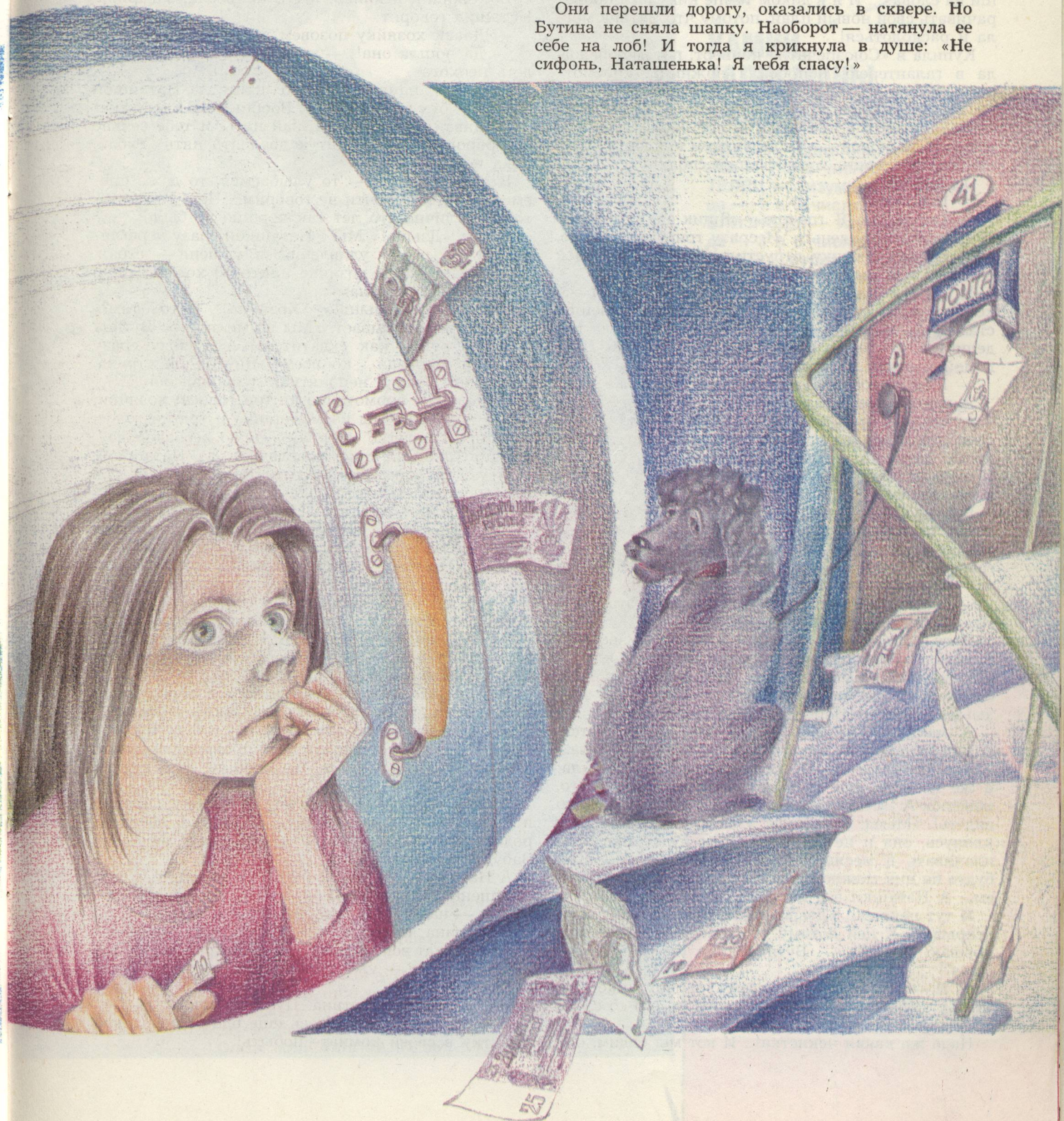
станции можно якобы узнать, откуда звонок. Это не раз показывали в детективах. Но я не хотела и чтоб Наташка боялась. И когда она мне говорит: «А позвонить?», я ответила: «Зачем? Время прошло — хорош. Идем качать деньгу!» А потом на улице вдруг говорю: «Ну, хочешь, давай отбрякаем...» Наташка этот мой финт просекла и стала дергаться. И я стала дергаться, потому что мне в голову пришла очень простая мысль: чего случится — она меня заложит!

Мы договорились так. Наталья ведет этого мужика в сквер. И если снимает шапку, то все о'кей. Тогда я привязываю собаку к дереву и спокойно отхожу в сторону: там кинотеатр, народу навалом. Пока он мчит к своей любимой пуделице, Бутина тоже линяет... Но я ведь уже мандражировала, что она заложит! И поэтому не пошла на сквер, а вместе с собакой спряталась в подъезде напротив дома этого мужика.

И вот минут через пять появляются Наталья и «собаковод». А сзади гражданин, как говорится, «в штатском». Он Наташке чего-то проскрипел одними губами и отстал, будто их не знает. А Наталья... ну буквально сейчас обделается от страха! Они-то думали: я в сквере и ничего про них не вижу...

Надо было рвать отсюда, но меня очень интересовал один вопрос. Мы с собакой даже вышли из подъезда и теперь стояли на улице. Я рисковала, конечно. А что поделаешь!

Они перешли дорогу, оказались в сквере. Но Бутина не сняла шапку. Наоборот — натянула ее себе на лоб! И тогда я крикнула в душе: «Не сифонь, Наташенька! Я тебя спасу!»



Когда они поняли, что меня нет и не будет, этот «в штатском», больше не скрываясь, взял Наташку за локоть и потащил к милицейскому мотоциклу. А там уже сидел один — в форме... Надо же — подготовились! Борцы с организованной преступностью!

«Собаковод» еще постоял в скверу минут пять... Чего теперь стоять-то? Надо было сюда с деньгами приходить, а не с ментами! И это он сам понял. Дернулся вперед, назад. Потом поплелся домой.

У Натальи в принципе была версия про запас: что якобы ее наняли незнакомые ребята. Пятерка — что она договорится с «собаководом», и еще червонец, когда дело выгорит. Но версии эти хороши на словах... И я в диком темпе кинулась проворачивать свой новый план, потому что Бутина могла и расколоться!

Купила в «Союзпечати» конверт, потом забежала в галантерею, попросила ножницы «посмотреть», а сама отстригла собаке пару куделек с башки. Потом позвонила этому мужику:

— Загляните в почтовый ящик! — И через минут пять по новой: — В следующем конверте будет лежать не шерсть, а ухо вашей собаки!

Он кричит:

— Извините!

— Гад ты! — Я говорю.— Ящик не закрывай. Туда положишь деньги. И сразу гони в милицию, чтобы нашу девочку отпустили. Иначе мы твоей собаке глаза выжгем!

И вот смотрю — несется. А в ящике мой же конверт и триста пятьдесят! До того мне смешно стало... Да мы этих собак... Взяла, привязала пуделицу к ручке его двери: прощай, подруга! Иду домой — такси навстречу.

— Шеф,— говорю,— подкинь студентку!

А настроение отчаянное такое, отличное. И почему-то уверена, что Наташку отпустят! Взяла свои два чемодана и к старушке. Таксист мне их прямо до места — спасибо, получи треху сверху... И опять я жила, как в подводном царстве, только в счастливом.

Все разобрала, все тетрадки-книжечки разложила, свеженькое белье застелила... Я даже и не знала, что так люблю чистоту! Только одно меня грызло: Наташки долго нет! Наконец не выдержала, позвонила ей. Мать подходит.

— Здравствуйте, Стелла Васильевна, это Таня Квартальнова. И позовите Наташу.

Нету... Плохо это, хорошо? А пока неизвестно! Если бы менты Наташеньку раскрутили, они бы и до матушки доскрипались... Но все же зря я поспешила собаку отдавать! Надо было, чтобы этот хмырь... Ладно! Наперед умней будем!

А мандраж во мне между тем разрастается. Я для успокоения деньги заработанные вынула... Хорошая пачечка! Хотя и немного похудала: я же хозяйке еще тридцатник метнула... Дорого, конечно. А зато никакой мне рожи поганой не надо видеть! «Мама, я поживу у подруги. Таня». Вот клянусь, она и не чухнется. Еще будет мне приплачивать в месяц рублей двадцать пять... Как будто на них можно прожить! Да ладно, заработаем... А Наташки все нету!

И тут наконец: «Дзыыынь!» Хозяйка: иди, мол, открывай. К ней потому что никто не ходит. Открываю и точно — Бутина! Где ж ты, зараза, была?!

— Я,— говорит,— по всему району шастала, чтобы, значит, если за мной хвост, то его со следа сбить.

Надо же какая чекистка!.. И вот мы сидим, она мне рассказывает, как ее сперва заловили, а потом отпустили. Я спрашиваю:

— Ну и чего этот мент?

— Да поверил мне... Лох!

А там небось дрожала, как последний цуцик! Ладно, такое великое дело сделали, не буду над ней острить... Тут Наташка говорит:

— Тань, я жрать хочу, просто умираю — на нервной почве.

А у меня только хлеб да варенье — ну, что из дома прихватила.

— Слушай, Бутина, неохота никуда гонять. И все равно же ни фига не купишь. Давай этого полопаем!

Вот чайник вскипел, я его принесла, заварила. Наташка говорит:

— Давай хозяйку позовем для первого раза.

— Да пошла она!..— говорю.— Никого мне видеть неохота.

И дверь нашу — личную нашу с Наташкой дверь! — бух на задвижку. Вообще как в бункере!

— Давай, Наташенька, чай пить. Я тебе сейчас бутербродов намажу штук двадцать пять! Рубай, пока не лопнешь!

В общем, сидим — то улыбаемся, то даже смеемся. И ничего почти не говорим... Чего говорить-то? Мне лично сто лет так хорошо не было!

Вдруг: «Дзынь!» Мы с Наташкой сразу переглянулись. У нее — удивление, а у меня — страх. Я же знаю, что к хозяйке никто не ходит. Тогда, получается, это к нам...

Опять: «Дзыыынь!» Хозяйка: «Кто там?» А сама уже открывает. «Мы из милиции». Бутина за меня рукой как схватится... А я сижу сразу какая-то вареная... ко всему. Внутри ни страха, ни злобы. Только непонятная дурацкая обида.

В коридоре бормотание на три голоса: хозяйки, этого, который «мы из милиции», и третий голос, в котором я легко и просто узнаю «собаковода». Значит, они все-таки подследили за Наташкой. Или узнали каким-то другим способом. Но я совершенно ни на что не реагирую. Бутина мне:

— Деньги!

Я даю ей наши вольные денежки, Наташка их в форточку — полетели птицы! А на самом деле только хуже: все равно у хозяйки остались мои три червонца — «собаковод» их запросто опознает. Но я молчу — по своей варености. А в душе все разгорается обида. И я последние силы трачу, чтобы только не разреветься. И одновременно понимаю: мне теперь долго пореветь не дадут, все будут мурыжить и мурыжить.

И что интересно — буквально все обрадуются. Школа: ведь я была для них далеко не подарок. И мать: можно спокойно жить, раз я буду в колонии. И менты обрадуются — провернули такое клевое дельце: полчаса не прошло, преступник в каталажке!

Бутина мне что-то шепчет, а я сижу вареная и ничего как бы не слышу... Бутину-то все-таки родители отобьют — когда узнают, сразу забегают. Забудут, как лаялись.

А Наташка уже не шепчет, уже верещит что-то задушенным голосом. И она права: ведь минута все решит — надо же договориться. А я ей:

— Бутина, помолчи ты! Я все скажу на себя.

А те стучат вовсю: откройте да откройте... И старушка с ними — уже совсем другим голосом.

А я говорю:

— Да сиди ты, Бутина. Пусть ломают!

Потому что мне хотелось еще одну, последнюю минутку в своей комнате побыть!

КАМНИ, ТАЛИСМАНЫ, УДАЧНЫЕ ДНИ

ОВЕН — бриллиант — вторник — 7 и 8 числа.
ТЕЛЕЦ — изумруд — пятница — 1 и 3 числа.
БЛИЗНЕЦЫ — изумруд — среда — 3 и 6 числа.
РАК — рубин — понедельник — 3 и 8 числа.
ЛЕВ — сердолик, рубин — воскресенье — 1 и 3 числа.
ДЕВА — сапфир — среда — 5 и 8 числа.
ВЕСЫ — опал — пятница — 6 и 4 числа.
СКОРПИОН — топаз — вторник — 4 и 5 числа.
СТРЕЛЕЦ — бирюза — четверг — 5 число.
КОЗЕРОГ — гранат — суббота — 7 и 8 числа.
ВОДОЛЕЙ — аметист — суббота — 1 и 8 числа.
РЫБЫ — аквамарин — пятница — 1 и 8 числа.

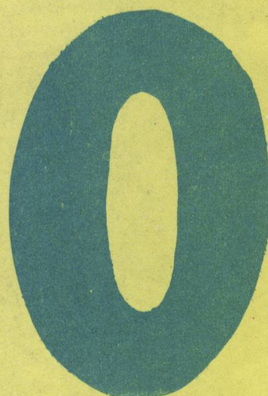
КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

СЕРИЯ «КОЛЛЕКЦИЯ»

Рисую вечер

Вновь гулкий вечер путается в дебрях,
Застав врасплох зверей, еще не спящих,
Но звери не торопятся по норам
И не спешат укрыться в темной чаще.
Лосиха угощает липой деток,
Посматривая в сторону запруды,
Где мишка медвежат неугомонных
Малиной свежей лечит от простуды.
Олень пугливый, хруст услышав сзади,
Выходит тенью из кустов рогатых,
А совы-вундеркинды в пестрых майках
Настойчиво зовут его куда-то.
И суслики скульптурками у норок
Встречают вечер, в гости приглашая,
А следом ночь крадется незаметно,
Боится, что кому-то помешает.

Олеся МИЛОВАНОВА, 12 лет, г. Кемерово.



О СИЛЕ ВОЛИ И СЛАДОСТИ ЕЖЕМИНУТНЫХ ЖЕЛАНЬИЦ

Прусский король Фридрих, сумевший завоевать пол-Европы, говорят, использовал весьма оригинальный способ, позволявший ему каждое утро просыпаться очень рано бодрым и свежим, сразу же вскакивать с кровати и бурно приниматься за дела. Секрет в том, что по приказу короля один из его слуг каждое утро выливал ему в постель ведро холодной воды.

О ТОМ, КАК ХОЧЕТСЯ ДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ХОЧЕТСЯ

Эти самые желаньица, действительно, целая проблема. Они съедают так много времени. С друзьями поболтать надо? Надо. От «телека» тоже не так-то просто сразу оторваться. Да и поесть, да и в окно поглядеть. За стол сядешь уроки делать — начнешь на нем бумажки всякие перебирать, вещички разные передвигать. А тут и родители с работы появляются. И вопросы противные начинают задавать: «Ну, как уроки? Ну, что там у тебя в школе?» Ты тут же бурную сосредоточенность демонстрируешь, углубленность в алгебру, а сам нет-нет, да и задумаешься: «Ну что мне, собственно, мешало сесть за эти треклятые уроки часа в четыре? Сейчас бы уже дело к концу шло».

Можно попытаться нащупать, что же тебе мешало сесть за уроки до прихода родителей. А заодно подумать об особенностях твоего характера.

Вот список незаконченных предложений. Допиши недостающие части так, чтобы эти предложения имели отношение к тебе. При этом совершенно не нужно связывать их в единый рассказ. Пусть они будут разрозненными. Если вдруг затруднишься продолжить какое-то предложение, брось его и переходи к следующему. Порядок выполнения работы не важен.

Мне нравится, когда есть возможность...

СЕНТЯБРЬ

Пн		3	10	17	24
Вт		4	11	18	25
Ср		5	12	19	26
Чт		6	13	20	27
Пт		7	14	21	28
Сб	1	8	15	22	29
Вс	2	9	16	23	30

Перед вами самая редкая марка в мире — существует в одном-единственном экземпляре — марка Британской Гвианы в 1 цент выпуска 1856 года. По некоторым сведениям марку продали в 1940 году неизвестному лицу за 100 000 долларов. Конечно же, сегодня ее цена гораздо выше.

Иногда мне приходит в голову, что...

Я все же хочу, чтобы...

Я думаю, что мы с моими друзьями будем...

Мне особенно противно, если...

Если у меня что-то не ладится, мне довольно приятно думать про то, как...

Со своими родителями я не прочь иногда...

Если я делаю то, что мне нравится больше всего на свете, я знаю, что...

Я в общем-то уверен (уверена), что скрытность...

Когда я испытываю страх, меня нередко волнует мысль о...

Я твердо убежден (убеждена), что если в школе...

Мои способности постоять за себя...

Теперь посмотри, сколько предложений остались у тебя незаконченными. Если больше пяти, то, по всей вероятности, тебе неохота думать о будущем. Ты живешь сегодняшним днем. «Работа не волк, в лес не убежит». Такое отношение к жизни и подводит тебя. А еще, может быть, тебе не удалось по-настоящему разобраться, зачем нужно делать то, от чего ты сейчас отлыниваешь.

А теперь подсчитай, сколько предложений у тебя получилось с одинаковыми по смыслу окончаниями, то есть предложений про что-то одно. Если таких набралось больше пяти, то твое безделье может быть вызвано тем, что тебе ужасно противно прикладывать усилия, заставлять себя что-то делать, даже если ты и знаешь, что это дело даст приятный результат. Тебя отпугивает необходимость себя заставлять. И ты не заставляешь. Либо ты идешь на поводу у обстоятельств. Весь день, например, проторчал с друзьями во дворе. В результате дело не сделано.

Если же более чем пять предложений у тебя получились про то, как ты собираешься жить в далеком-далеком будущем, то причину твоей лени следует искать в нежелании подчиняться, делать, что тебе велено. В тебе восстал «дух противоречия». Либо глубоко прячется страх, ты боишься неудачного результата.

И, наконец, попробуй посчитать, сколько у тебя получилось предложений про умение защитить себя, свою личность от обид, наскоков, нападок. Если таких больше пяти, то, кроме упомянутого опасения, страха потерпеть неудачу, опозориться в предстоящем деле, появляется еще одна причина. Очевидно, ты никогда раньше не чувствовал радости от победы над собой, «кайфа» от преодоления трудностей. А если удовольствие не маячит, зачем трудиться? Ведь верно?

Как только ты сумеешь найти конкретную причину своего безволия, своей лени, ты сможешь совершенно осознанно и безо всякой помощи, самостоятельно решить для себя, заслуживает эта причина внимания или ей можно пренебречь.

ЭКСПЕРИМЕНТ С КРЫСОЙ

Ученые обнаружили, что, если очень слабыми электрическими разрядами раздражать определенные участки крысиного мозга, крыса испытывает огромное удовольствие. И вот в крысиной вольере — кнопка. Нажмешь ее — в мозг крысы направляется сигнал, и она «обалдевает от кайфа». А еще в клетке избыток всего необходимого для жизни: еда, питье, удобное гнездо, приятная компания сородичей... Но безоблачная крысиная жизнь дала трещину, как только крыса случайно задела эту кнопку. Она замерла как завороженная. Попробовала еще раз... Через несколько дней можно было наблюдать, как крыса, исхудавшая, с сумасшедшими глазами, исступленно долбила и долбила по кнопке. Ей больше ничего уже не было нужно. И вскоре она умерла от истощения.

В отличие от животных человек стремится испытывать радость и даже счастье не просто от нажимания на собственную «кнопку удовольствия» (еда, развлечения, сон и прочее), но и сознательно преодолевая трудности (разгадывает кроссворды, ставит спортивные рекорды, в одиночку путешествует к Северному полюсу, выполняет домашние задания). Это уже особое, высшее наслаждение, доступное только человеку. Как же научиться отказываться от сиюминутных желаньиц во имя более заманчивой, но несколько отдаленной перспективы?

ДОБРАЯ ПОЛОВИНА ДЕЛА

Заставить себя засесть за уроки можно двумя способами. Можно, стиснув зубы, с тоской поглядывая в окно и ярко представляя, как там вольготно было бы с ребятами, сесть за стол и открыть учебник. Это способ не для нормального человека. Легче съесть собственную кроссовку, чем усидеть в таких условиях за алгеброй. Этого не выдержал бы, наверное, даже небезызвестный король Фридрих. Но есть способ менее «кровавый». Фокус в том, чтобы научиться управлять своим воображением. Можно распалить свое воображение до такой степени, что уроки делать захочется просто неудержимо. С этой целью, садясь за уроки, постарайся представить себе, как ты будешь сейчас писать упражнение по русскому. Как ты его уже напишешь. И сколько времени примерно это займет. Представь, как ты безо всяких промедлений и перерывов примешься за алгебру, начнешь разбираться в условиях задачи, выискивать похожие, которые решали в классе. Представишь себе и ситуацию, когда задача не получается, и ты, переписав ее в тетрадь, подготовив место для решения, самостоятельно выберешь, что тебе делать — звонить приятелю, дожидаться родителей, оставлять задачу на завтра, чтобы списать ее перед уроком, или справляться самому... Ты ярко представишь, как свободно и уверенно будешь чувствовать себя вечером, когда придут родители, а у тебя все уроки уже «в ажуре», и завтра в школе. ...Умение сосредоточиваться на неотложном деле — это полпути к действительно тренированной силе воли. И даже больше.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

Перед тем как рекомендовать ребенку сделать что-либо, постарайтесь по косвенным признакам догадаться, не собирается ли он сделать это и без вашего указания. Если это так, то ваша искренняя радость в связи с его самостоятельным решением сделать что-то, станет не только лучшей наградой, не только поможет ему почувствовать себя взрослее, но и подтолкнет его к быстрейшему претворению благого намерения в конкретное дело. Даже если вы и ошибетесь в своих догадках, ваш ребенок постарается оправдать такое хорошее мнение о нем.

Герман МАРАСАНОВ,
психолог.

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Учитель: Как называют человека, который пишет оперы?
Ученик: Оператором!

***

Учитель: Как называется столица Уругвая?
Ученик: Монтевидео!
Учитель: Молодец, правильно! А какая промышленность там особенно развита?
Ученик: Монтаж видео!

***

Учитель: Скажи, что такое параллелограмм?
Ученик: Это растянутый квадрат!

В школьном коридоре ожесточенно дерутся два старшеклассника. Все с опаской смотрят на драку издалека.

Появляется пионер Федькин с большой книгой под мышкой. Он окидывает взглядом поле боя. Все ясно!

Федькин подходит к одному из драчунов сзади, трогает за плечо. Тот поворачивает искаженное злобой лицо:

— НУ ЧЕ-Е-Е-Е?!

Федькина за собственной спиной он обнаруживает не сразу: тот такой маленький, щупленький! Но вот старшеклассник, наконец, видит, кто его отвлекает от драки: Федькин! Федькин манит его пальцем, показывает картинки и текст в раскрытой медицинской книге. На картинке искаженное гримасой лицо с вытаращенными глазами: симптомы психической болезни! Федькин показывает старшекласснику на лицо его врага,

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ

— Мой пес — самый умный в мире. Он знает свое имя и может его вслух произнести!

— Да-а-а? И как же его зовут?

— Тяв-тяв!

***

— Папа, объясни, пожалуйста, что такое проигрыватель?

— Проигрыватель? Это тренер нашей сборной по футболу!

Рисунок И. ПАНКОВА.

а тот как будто специально корчит именно такие рожи — весь дрожит, таращит глаза, скрипит зубами...

— Понимаешь,— объясняет Федькин,— он не виноват, это болезнь, болезнь, его надо пожалеть...

— А чего он?! Ты лучше ему скажи!

— Конечно, скажу!

Пионер Федькин подходит к другому драчуну и говорит ему то же самое, на этот раз уже про ЕГО противника. А тот, как по заказу, демонстрирует точно такие же симптомы...

Федькин с книгой под мышкой важно удаляется, сопровождаемый уважительным шепотом. Два бывших врага гладят друг друга по головкам, обнимаются, глаза их полны слез от сочувствия друг к другу. Бережно поддерживая друг друга под руку, они удаляются...

КОНЕЦ ФИЛЬМА.

УЗЕЛ СВЯЗИ

ПОЧЕМУ НЕ ОБИДЕЛАСЬ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГАРТУНГ?

В редакцию позвонили. Снимаю трубку. На том конце — звенящий женский голос. Он негодует, требует, угрожает. На фоне звенящего голоса — девчоночий плач... Кошмарное дело!

Что же выяснилось в ходе отрывистого, напряженного разговора? Что это был за звонок?

Те, кто читал мою статью «Адамам и Евам 1990 года» (№ 5 за этот год), наверное, обратили внимание на фамилию «Степанова», которая промелькнула в одном из эпизодов. Так вот мама по телефону — это ее голос звенел, требовал, угрожал, негодовал — сообщила мне, что я специально обидела ее дочку, что теперь в классе девочке не дают проходу, смеются, тычут пальцами. Фамилия же дочки как раз Степанова...

Давайте проведем небольшое расследование. Ответьте мне, ребята, на вопросы:

1. Как зовут Степанову из «Адамам и Евам 1990 года»?
2. Из какого она города, поселка, деревни, села?
3. В какой школе и каком классе она учится?
4. Сколько ей, наконец, лет?

И, поразмыслив, перечитав для верности раз девять десять «обидных» строчек из «Адамам и Евам 1990 года», вы... не ответите мне ни на один из вопросов. Почему? Да потому что я намеренно скрыла НАСТОЯЩИЕ имя и фамилию девочки, место, где она живет. И на самом деле Степанова вовсе не Степанова. (Ау! Хохочущие над бедными Степановыми от Бреста до Магадана, не дающие им проходу! Ваш «юмор» — впустую. Ваша примитивная догадливость — это отсутствие интеллигентности и добросердечия. Стыдно!) Степанова вовсе не Степанова. Другая это девочка.

Дорогие читатели! Вы никогда не задумывались над тем, почему в журнале мы печатаем ваши острые письма и подписываем их: «Оля К.», «Сергей В.», «Вася Д.». Или, если рассказываем о том или ином неприятном событии, обозначаем героя Иванов(а), Петров(а), Сидоров(а), Сергеев(а), Степанов(а), то есть фамилией распространенной, встречающейся миллионы раз? Или ставим только имя — Катя, Боря, Маша, Вадим?..

Все это мы делаем для того, чтобы не было вот таких слез в трубке и маминых обвинений. Чтобы человек, прочитав тот или иной эпизод, задумался о себе и своей жизни, захотел измениться в хорошую сторону. И еще — печатая даже неприятные вещи, мы верим в добро. Иначе зачем о плохом рассказывать? Ради того, чтобы наш журнал превратился из вашего друга в злопыхательский ежемесячник?

А теперь — небольшой пример из жизни: прошлой и литературной.

Мария Александровна Гартунг (урожденная Пушкина, дочь великого поэта) никогда не обижалась на Льва Николаевича Толстого и никогда не думала подавать на него в суд за оскорбление. Хотя — по меркам позвонивших мне мамы и дочки Степановых — имела все основания. Именно она, ее прекрасная, женственная внешность послужили Льву Толстому прообразом Анны Карениной из одноименного романа. А ведь Анна Каренина женщина неоднозначной судьбы, неоднозначных поступков. И Мария Александровна Гартунг могла воскликнуть: «Ах! Зачем Вы, Лев Николаевич, увековечили меня в образе этой... фи!»

Мария Александровна так не сделала. Да и не могла сделать. Во-первых, Лев Толстой изменил ее инициалы, а также фамилию (что и я сделала в случае со Степановой). А во-вторых, она ПОНИМАЛА, что Толстой описал в романе не ее, а того, кого хотел описать,— Анну Каренину. И кстати сказать, российские многочисленные Каренины не бросились обвинять Толстого в оскорблении личности.

...От своего имени и от имени хохочущих одноклассников (которые, как мне кажется, вряд ли смогут отыскать в себе силы извиниться) я прошу прощения у всех девочек Степановых Советского Союза. Произошло совпадение. Бывает.

И. АНДРИАНОВА

Рисунок М. КАЗАКА.

ВНИМАНИЕ! ИТОГИ «ЛОТЕРЕИ «УЗЛА СВЯЗИ»!

Удивительное дело, но в этой лотерее есть счастливый победитель — ЭВЕЛИНА ШЕИНКИНА из города Уфы. Она угадала, что в марте этого года мы получили 7973 письма! Поздравляем! Эвелине выслана интересная книга.

НОВАЯ «ЛОТЕРЕЯ «УЗЛА СВЯЗИ»!

Сколько писем мы получим в августе, если в августе прошлого года мы получили 3230 писем?

Ответы присылать ТОЛЬКО на почтовых карточках, сделав пометку «ЛОТЕРЕЯ «УЗЛА СВЯЗИ» и до 15 сентября по штемпелю. Ждем!

Рисуем групповой портрет

Что интересует тебя, читатель?
Во что ты веришь?
О чем мечтаешь?
Чего боишься?
Какой ты?

Помоги нам это узнать. Ответь, пожалуйста, честно и откровенно на вопросы нашей анкеты. Но свою фамилию, если не хочешь, можешь не писать.

Все ответы наших читателей обработает компьютер и выдаст СРЕДНИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ современного школьника.

Тогда мы будем знать, какой ты, наш читатель, и как сделать «Пионер» для тебя еще интереснее.

Всем, кто согласен, мы заранее говорим «спасибо».

Как отвечать?

Сначала прочти внимательно все пояснения к вопросам. Потом обведи число-КОД того варианта ответа, который кажется тебе верным. На числа в начале вопроса не обращай внимания. Они нужны для обработки ответов на компьютере.

Если готового ответа ты не выбрал, то напиши свой.

АНКЕТА

ЧИТАТЕЛЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

1. Сегодня «____» ____________ 1990 года. 01 02 03 04
(число) (месяц)

2. Ты получил (а) этот номер журнала:
«____» ____________ 1990 года. 05 06 07 08 09

3. Что тебе больше всего нравится в журнале?
____
Почему?________________

4. Что не следует печатать в журнале?
____
Почему?________________

5. Тебе нравится учиться в школе? (обведи код правильного, на твой взгляд, ответа)
10— очень нравится 11— нравится 12— и да и нет
13— не нравится 14— совсем не нравится 15— не знаю
Уточни, пожалуйста, свой ответ:________________
____

6. Дополни эти предложения.
Больше всего я хочу...
Мои одноклассники...
Без помощи взрослых...
Я хочу жить...
Больше всего я боюсь...
Когда я стану взрослым...

7. Во что ты ВЕРИШЬ? НЕ ВЕРИШЬ?
____________ ____________
____________ ____________
____________ ____________
____________ ____________

8. Твоя жизнь через год будет (обведи код)...
16— значительно лучше
17— лучше ПОЧЕМУ?
18— такая же, как сейчас ____________
19— хуже
20— гораздо хуже ____________
21— не знаю, трудно сказать

9. У тебя случилась неприятность. С кем ты посоветуешься?
22— с одноклассником
23— с пионерским вожатым
24— с учителем
25— с товарищем по пионерскому отряду
26— с ребятами по двору или дому
27— с незнакомым человеком
28— с руководителем кружка, секции, клуба и т.п.
29— с мамой
30— с папой
31— с сестрой, братом
32— с бабушкой, дедушкой
33— со знакомым взрослым
34— ни с кем не буду советоваться
35— не знаю, трудно ответить
С кем еще? (дополни)________________

10. Ты едешь путешествовать. Кого ты возьмешь с собой?
1. ____________ 2. ____________
3. ____________ 36— поеду один 37— не знаю

11. Скажи, пожалуйста, сколько у тебя вчера было личных карманных денег, когда ты вышел из дома? ______ руб.

12. Хватает ли тебе этой суммы? 38— да 39— и да и нет 40— нет.

13. Какая сумма тебя бы устроила? Ежедневно: ______ руб.

14. Ты выиграл 1000 рублей.
Напиши, пожалуйста, что ты с этими деньгами сделаешь?
____
____

15. Представь себе. ИЗ ДРЕВНЕГО СОСУДА ПЕРЕД ТОБОЙ ПОЯВИЛСЯ ДЖИНН-ВОЛШЕБНИК. ОН ИСПОЛНИТ ЛЮБЫЕ ТВОИ ТРИ ЖЕЛАНИЯ.
Давай помечтаем!
Первое:
Второе:
Третье:
41 42 43 44 45 46 47 48 49 50

16. Твои друзья поспорили о том, что значит хорошо жить?
Мнение друзей: «Хорошо жить — это...»
51— Возможность путешествовать, ездить без ограничения.

52— Здоровье, физическая сила.
53— Семья, дети, заботливые близкие.
54— Уважение, благодарность других людей.
55— Интересная работа, занятие.
56— Свобода и самостоятельность в жизни.
57— Материальное благополучие, достаточное количество денег.
58— Спокойная, безопасная жизнь.
59— Верные и надежные друзья.
60— Высокая должность, положение в обществе, карьера.
61— Веселая, полная удовольствий и приключений жизнь.

С кем ты согласен? Обведи код правильного для тебя ответа.

Твое мнение: ____________________

62— не знаю, трудно ответить

А ТЕПЕРЬ ПОПРОБУЕМ «РЕШИТЬ» НЕСКОЛЬКО СИТУАЦИЙ.

17. ДЕВОЧКА ПЛАЧЕТ, ее не приняли в пионеры. Что ты ей скажешь?

____

____

18. Твой знакомый боится, что его не примут в комсомол. Он расстроен и пришел к тебе. Что ты посоветуешь ему?

____

____

19. Посмотри внимательно на эту картинку. По телевизору «идет» прямая трансляция заседания сессии Верховного Совета СССР. Отметь звездочкой (*) себя. Где ты находишься в этот момент?

20. У тебя ШЕСТЬ ЧАСОВ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ. Что ты будешь делать? Куда пойдешь? ____________________

____

____

63 64 65 66 67 68 69 70

21. Ты: 71— девочка, девушка 72— мальчик, юноша (обведи нужный код)

22. Ты учишься в 73— первом 74— втором 75— третьем 76— четвертом 77— пятом 78— шестом 79— седьмом 80— восьмом 81— девятом 82— десятом классе 83— в ПТУ в (дополни) ____________________ 84 85 86

23. Ты живешь (область, город, поселок, село, деревня) Республика: ____________________

87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101

24. Кто ты? 102— октябренок 103— пионер 104— комсомолец

Кто еще? (дополни) ____________________

25. Входишь ли ты в другие объединения или организации, кроме пионерской, комсомольской, октябрятской? Если да, то напиши, пожалуйста, в какие:

____

26. Твой родной язык: ____________________

27. Ты живешь (обведи код)...

105— только с мамой, 106— только с папой, 107— с мамой и папой с (дополни) ____________________ 108, 109, 110

Сестры и братья:

111— у меня нет 112— один, одна 113— двое 114— трое и больше

Здесь ты можешь дополнить любой свой ответ и написать на любую интересующую тебя тему:

____

____

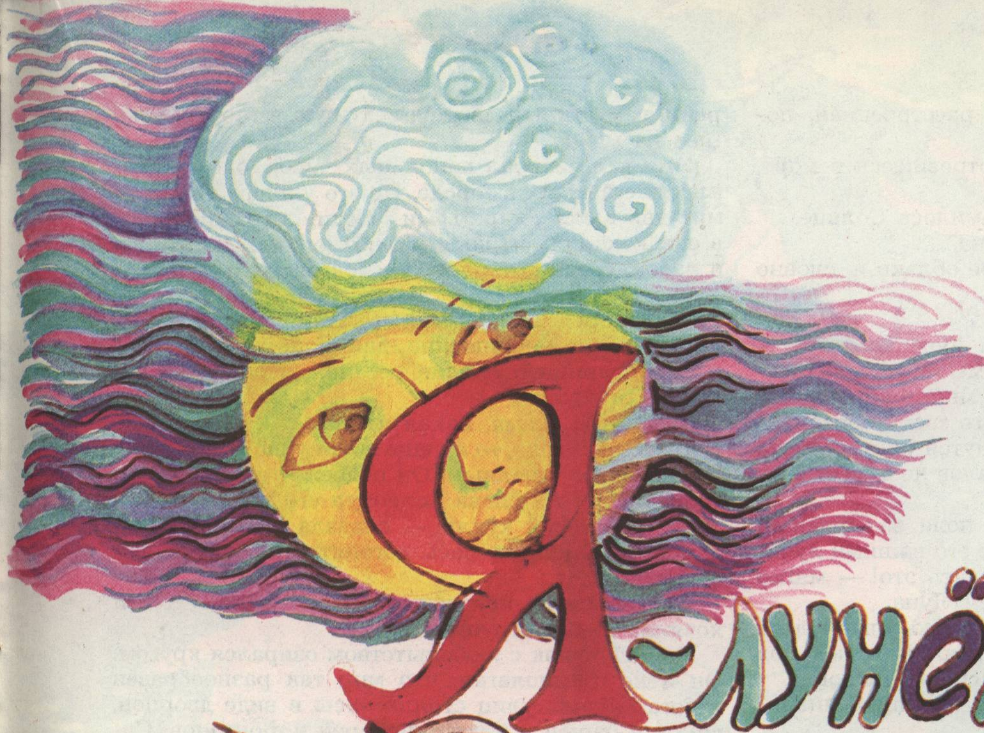
ВНИМАНИЕ! Для тех, кто читает журнал в библиотеке или у знакомых: вы тоже можете ответить на нашу анкету. Возьмите лист бумаги и напишите ТОЛЬКО номера заданий, текст вопросов можно не писать, а затем коды выбранных ответов.

Желательно отправить анкету до 1 ноября 1990 года.

На конверте крупно пометьте: «АНКЕТА».

А в первых номерах следующего года ждите СРЕДНИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА.

До встречи!



Джан Луиджи ПИЧЧОЛИ

Рисунки Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Я — лунёнок

Окончание. Начало в № 8.

Канониру Спараванту до чертиков надоела война. Он набил пушку разными трофеями, которые можно найти на поле брани, и выстрелил. Этот своеобразный снаряд превратился в воздухе в маленького смешного человечка. Он получил имя Луненок. С ним происходит множество всяких приключений. В конце концов Луненок отправляется искать свою маму. Кто она, знает только старая-престарая Черепаха.

И вновь наши герои в пути. Они уже поднялись на вершину очередного холма, чтобы посмотреть, не видать ли Черепахи, как вдруг неожиданно повалил сильный снег. Он падал белыми хлопьями, застилая окрестности.

— У-ух, как холодно! — застучал зубами Луненок. — Так и замерзнуть недолго.

— Есть выход! — шлепнул себя по лбу Молоток.

Он разгреб слой снега и поднял уголек, оставшийся от разведенного здесь когда-то огнища. Этим угольком он нарисовал Луненку теплую шубку, теплую шапку, теплые сапожки и варежки. И, конечно же, внутренние карманы, куда тотчас забрались все инструменты.

— Тепло,— заметил Луненок. — Только ничего не видно. Придется переждать.

И сел прямо в снег. А снег продолжал валить и скоро чуть не с головой засыпал путешественников.

Видя, что друзья совсем пали духом, да и чтобы приободрить самого себя, Луненок начал рассказывать одну историю:

— Жила-была на свете глупая и вредная принцесса. Звали ее Эльза. Она любила совать палец в нос и не любила умываться. Однажды к ней в гости пришел замечательный мальчик по имени Луненок. С товарищами-инструментами. А она — она приказала построить ей дом к восходу солнца. «Если не успеете,— сказала она,— я прикажу вас сварить в самой огромной кастрюле, какая найдется в королевстве моего папочки». «Я не боюсь тебя! — гордо ответил ей Луненок.— Но дом построю. Из принципа». За одну ночь инструменты и Луненок выстроили красивый дом, с окнами, дверьми и крылечком. Но Эльзе дом не понравился. То есть он понравился, только она была больно капризная. И сказала: «Фи, какой маленький домик! Если к завтрашнему утру не построишь большой, я распоряжусь, чтобы тебя поджарили на самой огромной сковородке, которую найдут в королевстве». Луненок повесил нос, но тут приползла Черепаха и сказала: «Не вешай нос, Луненок. То, что не сможешь сделать ты, сделают звери и птицы». И приползли из лесу змеи и встали на хвосты, как палки. И вынырнули из реки угри и привязались к этим палкам, и получились решетчатые стены. И прилетели разноцветные птицы, и уселись на этих решетках. И получился такой красивый дом, что, когда взошло солнце и Эльза проснулась, она так и ахнула. И все равно продолжала капризничать. «Теперь,— сказала она,— ты построишь мне дворец, а если не сделаешь этого к утру, то я... я... на тебе женюсь!» «Еще не хватало»,— ответил гордый Луненок и покинул город вместе с друзьями. И только они тронулись в путь, взлетели все птицы, угри нырнули в реку, а змеи уползли в лес, и дома не стало, и Эльза осталась с носом. Конец истории.

Этот душераздирающий конец душераздирающей истории услышала Луна, проплывавшая над заснеженным полем. С трудом сквозь белую пеле-

ну она разглядела Луненка и, расстроенная, поспешила навстречу Солнцу.

Она обнаружила Солнце, смотревшееся в море, как в зеркало.

— Как я выгляжу? — осведомилось Солнце.

— Блестяще! — ответила Луна.

Солнце взяло маленькое белое облако и, словно пуховкой, прошлось по лицу.

— У вас ко мне дело?

— Почему вы так жестоки к Луненку?

— Не произносите при мне имени этого хулигана, прошу вас! Тем более что мне некогда даже подумать о нем. У меня так много своих обязанностей. Если я не взойду, не проснутся рощи, города муравьев и людей, десять генералов не смогут дать сигнал к началу битвы!

— Но Луненок спит в чистом поле, засыпанный снегом. Будьте добры, разбудите его вашими лучами. Только в вашей власти сделать это! — мягко продолжала настаивать на своем Луна.

— Конечно, в моей,— неожиданно улыбнулось Солнце и протянуло лучи к снежной кочке, под которой, сжавшись в комочек, спал Луненок.

Пойди пойми, что скрывается в сердце великого светила!

Снег растаял, дневной свет разбудил Луненка. Он сел, протер глаза и с удивлением увидел, что прямо перед ним возвышается город, откуда доносятся странные металлические звуки. То был Город Часов.

* * *

Все дома здесь были — часы: от крепостных башен до дворца, представлявшего собой часы с золотыми колоннами и статуями. У каждых часов был свой голос, печальный или торжественный, веселый или деловой, хоть они отбивали один и тот же час. Самое забавное состояло в том, что жители города передвигались исключительно прыжками и исключительно по прямой. Чтобы повернуть, они должны были сперва остановиться, а уж затем прыгнуть в новую сторону. Богачи носили завитые парики и цветные шарфы, а дамы, надутые, как воздушные шары,— юбки до полу.

Казалось, Луненка ничего не удивляло. Единственное, чего он хотел, это достать молока.

— Вперед, железяки! — позвал он и, ринувшись к ближайшей крепостной башне — маятниковым часам, дверца которых была приоткрыта, очутился среди множества шестеренок разных размеров, но двигавшихся с одинаковой скоростью. Самая малая была с копейку, а самая большая походила на колесо пушки его отца.

Инструменты забрались в карманы Луненка, а сам он, вцепившись в нижнее колесико, как на лифте, поднялся к колесику побольше, ухватился за него и, следуя так дальше и дальше, поднялся до верха, откуда свисала большая цепь.

— Теперь вниз! — Он ухватился за цепь, которая поехала, набирая скорость, отчего шестеренки, а с ними и стрелки часов закрутились все быстрее и быстрее, как будто внезапно сошли с ума.

— Сейчас мы разобьемся! — высказали свой прогноз Щипцы, стуча зубами.

Тем не менее они опустились на землю без особых неприятностей, насмерть перепугав стражника.

— Не найдется ли у вас молотка? — первое, что спросил у него Луненок.

Но, видя, что тот от удивления потерял дар речи, сам открыл дверцу, ведущую в город, и вышел на улицу.

Это был квартал напольных часов, один из самых элегантных в городе. По его улицам прыжками двигались кареты и люди, отражавшиеся в сверкающих витринах всевозможных магазинов и лавок, среди которых Луненок начал искать молочную.

Весь город замер, все стали с любопытством смотреть на непривычно двигающихся Луненка и его товарищей. А один ребенок, дернув мать за руку, крикнул:

— Смотри, мама, какая кукла!

То ли от голода, то ли еще почему, но это показалось Луненку обидным. Он подбежал к мальчонке и, не говоря ни слова, шлепнул его по попке.

— Ты плохая кукла! — сказала Луненку мама и прыжками принялась догонять плачущего ребенка.

Все смеялись, показывали на Луненка и звали хозяина лавки игрушек.

Но и Луненок с любопытством озирался кругом. Он и не предполагал, что мир так разнообразен и богат. Вдоль улиц стояли часы в виде дворцов, домов и башен, а также фонарей и фонтанов. Самыми выразительными были квадратные часы с цветами, животными или буквами вместо цифр. Если кто-нибудь спрашивал: который час? — ответы были такие:

— Гортензия и полрозы,— отвечал цветочник.

— И и Ч,— отвечал учитель по языку и литературе.

— Одна индюшка без половины овцы,— отвечал мясник.

У часов были также различные стрелки, отвечавшие профессии хозяина дома: шпаги, кисти, ружья и так далее.

Внезапно все часы одновременно принялись звонить, наполнив улицы и площади невообразимыми трелями, звонками, щелчками. И будто этого было мало, на балконе деревянной казармы-часов появился солдат и стал стрелять из ружья, а из старинных напольных часов вышел старичок и пять раз выстрелил из старинного пистолета.

В эту минуту Луненок увидел двух приближающихся стражников. Узнав на горьком опыте, что встречи со стражниками ни к чему хорошему не приводят, он бросился за угол и вбежал в первый попавшийся дом. Удачно, что дом оказался без хозяев.

— Что нам делать? — стали совещаться инструменты.

— А давайте изобразим Луненка будильником,— предложила Пила.— Никто ведь не обращает внимания на идущие часы!

Так и сделали. Расписали Луненка, и он превратился в скромный, не бросающийся в глаза будильник.

Он снова шел по городу, когда все часы города вдруг опять зазвонили всяк на свой манер.

— Трин-н-н-нь! — подхватил Луненок, подняв одну руку над головой, а другую устремив в землю, поскольку было шесть часов.

Но так как идти в этом положении очень трудно, Луненок вскоре упер обе руки в бока и... столкнулся нос к носу с теми же стражниками.

— Почему он показывает девять с четвертью? — спросил тот, что повыше.

— И что делает этот бедный двухгрошовый будильник в дорогом квартале? — спросил тот, что пониже.

— Да, сегодня в городе творятся непонятные вещи,— сказал тот, что повыше.

— Я бы сказал, очень непонятные,— сказал тот, что пониже.

Во время этого диалога инструменты в карманах Луненка-будильника громко стукались друг о друга: тик-так-тик-так.

Еще раз подозрительно посмотрев на Луненка и что-то записав в блокнотах, стражники продолжили свой путь. А Луненок, сделав шесть с четвертью, продолжил свой.

— Если это жизнь, она действительно непонятная,— пробормотал он, выходя на площадь, окруженную двенадцатью башенными часами.

В самом центре стояла высоченная, сужающаяся кверху башня, от которой на чистую брусчатку площади падала единственная тень.

— Ого! — воскликнул Луненок. — Интересно, что делает в этом городе часов башня, совсем на часы непохожая?

— Ошибаешься,— неожиданно ответила Башня. — Я как раз часы. Только солнечные. И отбрасываю тень на башни-часы, стоящие по кругу. Тем и зарабатываю на жизнь. Я обозначаю солнечное время, и все обязаны подчиняться мне. Хочешь посмотреть, как это выглядит? Забирайся ко мне на верхнюю галерею! И поспеши.

— Не надо! — закричали инструменты.

Но Луненка было уже не остановить. В один миг он взлетел на самый шпиль и по внутренней лестнице выскочил на галерею. И хотя для этого не было никакого повода — ни часа, ни получаса, ни даже четверти часа,— он сделал руками девять часов и заорал изо всех сил:

— Ку-ку!!

Услышав звук, донесшийся с башни солнечных часов, все часы города зазвонили. Это был конец света! Кто стоял — упал, кто сидел — вскочил как ошпаренный. Начали стрелять пушки, все забегали туда-сюда, как безумные.

— Вот шельмец! — воскликнуло Солнце, поспешившее за горизонт от этого шума.

— А хочешь, я открою тебе свой секрет? — спросила Луненка Башня, забавлявшаяся всем этим переполохом.— Знаешь, кто я на самом деле? Я подзорная труба. Моя главная профессия — увеличивать вещи.

— У нее мания величия,— просипела Пила Молотку.

— И вовсе нет! — ответила Башня.— Просто эти дурачки двести лет использовали меня для солнечных часов. И никому не пришло в голову посмотреть через меня на мир.

— А мы сможем увидеть через тебя Круглый Холм? — тут же скумекала Пила.

— Конечно!

— А корову, с которой разговаривает Черепаха? — спросил Луненок.

— Какой вопрос! Положите меня набок.

Инструменты охотно исполнили просьбу трубы, и Луненок, заглянув в объектив и медленно проведя трубой по горизонту, увидел толстую корову, жующую сено.

— За мною, железяки! Нас ждет свежее молоко! — вскричал он, устремляясь к цели.

* * *

Они быстро обнаружили искомую Корову. Не спрашивая разрешения, Луненок подлез под нее, и в одну секунду ее вымя опустело.

Вот это да! Корова была ошеломлена. Никто прежде не выдаивал ее с такой скоростью.

— Извините, Корова,— перевел дух Луненок.

— Ах, «извините»? — вскипела Корова.— Ну-ка встань на четвереньки.

Ничего не подозревая, Луненок встал. Корова же, опустив к земле рога, разбежалась и боднула его в зад с такой силой, что он взлетел в небо. Довольная, она пошла напиться воды, а Луненок и его товарищи полетели над рекой, над лесом, пасущимися овцами, игравшими детьми, котами, облизывающимися в окнах домишек, всадниками, Городом Резиновых Жителей и Городом Глиняных Жителей. Сытый Луненок с интересом оглядывал землю.

— Как здорово лететь!

— Смотрите, Черепаха! — вдруг углядел кто-то из инструментов.

— Где?.. Где?..

В самом деле, внизу, по дороге ковыляла Черепаха, то ли отошедшая от этой коровы, то ли беседовавшая с другой.

— Здравствуй, Черепаха! — крикнул Луненок.— Подожди, я сейчас спущусь!

Черепаха подняла голову и сразу узнала мальчишку, которого ей поручила Луна.

Но, увы, несмотря на все усилия, приземлиться никак не удавалось. И, лишь пролетев еще некоторое расстояние, Луненок и инструменты упали на моток веревки, возле которой стоял очень худой господин в красном цилиндре и красном фраке.

Господин вынул из кармана часы, сверил их с показаниями свалившегося с неба будильника и снял цилиндр, приветствуя вновь прибывших.

* * *

Человека с веревкой звали Мастранголе, что означало Мастер Душитель.

Луненок наперед почувствовал в нем друга. Он не советовал умываться, вытащить палец из носа и вообще быть хорошим мальчиком. Как только Мастранголе услышал, что Луненок идет на Круглый Холм к своей маме, то сразу предложил составить компанию. Тем более что у него имелась черная крытая повозка, запряженная четверкой черных лошадей.

— Мой дом — твой дом,— сказал Мастранголе, кивая на повозку.

— И вы из-за меня меняете маршрут?

— Пусть тебя это не смущает. Я езжу из одного уголка Земли в другой, моя дорога повсюду.

— Хотите, я буду помогать вам, пока мы не доберемся до Круглого Холма?

— Не говори так, Луненок! Не надо! Он нам не нравится! — запричитали инструменты.— Не придумывай ничего больше, умоляем тебя!

— Я согласен,— сказал Мастранголе и пожал Луненку руку, как взрослому.

На горизонте показался какой-то город. Мастранголе слез с возка, замотал ноги лошадей тряпками и заставил их идти тихо-тихо, чтобы не поднимать пыли.

— Для чего вы это сделали? — спросил Луненок.

— Моя профессия — появляться внезапно. Все знают, что я приду рано или поздно, но в действительности меня никто не ждет.

— А что я должен буду делать?

— Собирать и разбирать помост и веселить невеселых, их будет предостаточно.

— Значит, это будет театр? А где станем устраивать спектакли?

— Прямо на площади.

— А где брать актеров?

— В каждом местечке всегда найдется тот, кому судьба принять участие в моем представлении.

— А у меня тоже будет ролька?

— Почему бы нет! Разумеется. А если будешь хорошим учеником, то однажды займешь мое место.

— А что это за представление, комедия или трагедия?

— Как сказать. И то, и другое.

И повозка въехала в спящий город.

* * *

Когда рассвело, стало ясно, что это Мебельный Город. Дома представляли собой шкафы и комоды с окошками в ящиках. Дороги в городе были выложены деревянными дощечками и вели на центральную площадь, похожую на перевернутый стол, с башнями по четырем углам. Как и говорил Мастранголе, его никто не ждал, но, как только увидели, весь город взволновался. Из дома в дом полетела новость, жители высыпали на улицу. Особенно Луненку понравились нарядно одетые дамы и господа, рассевшиеся на балкончиках большого, инкрустированного разноцветным деревом и металлом дома-комода.

С помощью инструментов Луненок, не теряя времени, принялся за сооружение помоста с длинной перекладиной над ним, за чем наблюдала всё растущая толпа зевак.

— Прекрасная работа,— похвалил Мастранголе, когда Луненок закончил.— Начинаем. Давай с этого.— И показал на грустного пожилого мужчину.

Луненок повел того к помосту.

— Ух, как ты здорово дрожишь! — сказал он с восхищеньем.— Совсем, как на самом деле!

— Теперь давай второго! — приказал Мастранголе, указывая на плачущего юношу.

И его Луненок одобрил:

— Здорово ты играешь! У тебя такое лицо, что самому плакать хочется.

— Теперь третьего! — распорядился Мастранголе, ткнув пальцем в старика.

— Который час, мальчик? — прошамкал старик.

— До конца спектакля еще далеко,— успокоил его Луненок.

— Уважаемые граждане Мебельного Города! — провозгласил с помоста Мастранголе, как только все названные поднялись на возвышение.— Сегодня перед вами разыгрывается очередной спектакль жизни и смерти!

Он дернул за веревку, которую раньше уже накинул на шею всем троим, и они, взлетев под самую перекладину, замерли.

— Все свободны! — объявил Мастранголе, и жители города разошлись по своим домам перекусить.

На площади остались лишь Мастранголе, принявшийся разводить огонь, чтобы приготовить себе обед, и его помощник.

— Эй, вы! А вы чего не спускаетесь? Спектакль окончен, идите по домам! — крикнул Луненок повешенным.

Но те не двигались.

— А, я знаю эту игру. «Замри» называется,— обернулся Луненок к инструментам.— Отомрите! — приказал он висящим.

Но и после этого они не шевельнулись.

— Уймись, мальчик. Это совсем другая игра,— сказал Мастранголе, раздувая огонь.— Они не отомрут. Никогда. Я работаю профессионально.

— Так они умерли?! Это нечестно! Это плохой спектакль!.. Они умерли! Умерли! Я тоже хочу умереть! — зарыдал Луненок, поняв, что его обманули.

— Раньше тебе надо еще родиться,— попытались утешить его инструменты.— А ему мы отомстим!

Они налетели на Мастранголе, и он упал, разбросав угли. Сухая повозка мгновенно вспыхнула. Огонь быстро распространялся по Мебельному Городу.

— Горим! На помощь! — стонали кругом.

Прибывшие стражники схватили Мастранголе.

Он был осужден за шутки с огнем в городе, где полно дерева, и приговорен к пожизненному заключению.

Но Луненок и инструменты этого уже не узнали, они были далеко за городом.

* * *

Первая живая душа, попавшаяся им, принадлежала Муравью. Он постучал по пальцу ноги Луненка и сказал, что встретил Черепаху и та просила передать, что будет ждать его...

— Где? — закричал от нетерпения Луненок.

— Не скачи,— сказал Муравей,— а то еще раздавишь меня. Черепаха будет ждать вон за тем полем у Города Сластей. А теперь мне пора. Привет! — И он поспешил по своим важным делам.

Поспешил и Луненок и скоро увидел Город Сластей, хотя жизнь в нем была далеко не сладкой. Уже давно его осаждала армия Обжор, которые раскинули свои шатры у самых стен города и поклялись не снимать осады до тех пор, пока не сожрут самую высокую башню в центре города, сделанную из шоколада, и самого последнего жителя.

— Как же нам быть? — спросил Луненок.— Куда идти?

— С нами, вот куда! — услыхали друзья и нос к носу столкнулись с толстым-претолстым длинноусым военным с нашивками капрала, рядом с которым стоял еще более толстый солдат.— Ты чего здесь высматриваешь?

— Ищу дорогу к моей маме.

— С этим оружием? — усмехнулся капрал, имея в виду инструменты.— Ты арестован! За мной! — И приказал толстому солдату тащить Луненка за шкирку.

Перед входом в лагерь Обжор протекал ручей. В нем капрал приказал искупать Луненка.

— Отпустите меня, я чистый! — вопил, отбиваясь, Луненок.

— Шпионы никогда не бывают чистыми,— назидательно провозглашал капрал, стирая Луненка.

После стирки Луненок оказался перед лицом Верховного Обжоры, восседавшего за огромным, полным яств столом в окружении генералов. Луненок сглотнул слюну и осмелел:

— Я есть хочу.

— Счастливец! — выдохнул Верховный Обжора.— А я вот уже почти есть не могу, боюсь лопнуть. Так ты, значит, шпиончик? Славненько-славненько! Я думаю, ты будешь очень вкусен в рулете. Как вы думаете, генералы?

— Да! Конечно! Еще бы! — заколготились генералы, облизываясь в предвкушении славного блюда.

— Никакой я не шпиончик...

— Ваше Сладчайшество...— шепотом подсказа-

ли Щипцы, которые были еще и психологом.

— Ваше Сладчайшество,— повторил Луненок.— Мы просто шли к вам, чтобы попросить об услуге...

— Оказать вам услугу...— подсказали Щипцы.

— Оказать вам услугу, Ваше Сиропчество! — подхватил Луненок.

— Какую же? — удивился Верховный Обжора, и его заплывшие жиром глазки даже приоткрылись на секунду.

— Все знают, Ваше Варенчество, что ваши ноги слишком нежны для обычной обуви. И, если Ваша Сахарность позволит, мы с друзьями сделаем вам такие легкие и мягкие сапожки, что вы почувствуете себя птицей! — сказал Луненок и нагнулся, чтобы снять размер обуви Обжоры.

Соскучившиеся по своему делу инструменты с жаром взялись за работу, и через несколько минут сапоги были готовы. Важно прогулявшись по столу, они спрыгнули к ногам Верховного Обжоры.

— Примерьте, Ваше Обжорчество,— обратился к нему Луненок.

Генералы натянули сапоги на ноги изумленному Обжоре, и тот впервые за долгие годы смог самостоятельно сделать несколько шагов.

— Что ты хочешь за это? — обрадовался он.

— Оказать вам еще одну услугу, Ваша Тучность. Я могу сходить в Город Сластей, собрать нужную информацию и вернуться с ней к вам.

— Ага! Я же говорил, что ты шпиончик! Я согласен. Отправляйся.

Инструменты были на седьмом небе от гордости за проделанную работу.

* * *

На следующее утро, с восходом Солнца Обжоры собрались перед стенами Города Сластей смотреть, как Луненок пойдет в город. Детям по этому случаю отменили занятия в школе. Царила атмосфера праздника.

От жителей города тоже не ускользнуло, что что-то затевается. К пушкам на городских стенах подвезли кремовые ядра и заряды карамели.

— Надо бежать.— Растерянный Луненок засунул палец в нос, обдумывая создавшееся положение.

— Единственное направление бегства — вперед,— отвечал Молоток, оглядываясь на плотную стену Обжор за их спинами.— Но только сумасшедший может решиться на это,— добавил он, оглядывая готовые к встрече врага пушки на стенах.

Поэтому когда на нейтральной полосе появился человечек, направившийся в сторону города, каждый из осажденных подумал, что это мираж. Поэтому ни один из жителей, ни один из солдат не подавал сигнала тревоги, боясь прослыть сумасшедшим. Чем ближе подходил Луненок, тем пристальнее жители города и солдаты вглядывались вдаль, чтобы не замечать того, что творилось у них под носом. И никто не остановил Луненка.

Скорее мертвый, чем живой, он вошел в город. В этот момент выстрелила самая большая пушка, как она всегда делала в полдень. Все с облегчением пошли обедать.

* * *

Здания в Городе Сластей были тортами, пирогами, бисквитами и пирожными. Тротуары и улицы выложены из плиток шоколада. Посредине города возвышалась сахарная голова. Когда шел дождь, с нее вниз стекал сироп. Кусты и деревья были из сладких кукурузных палочек и из сахарной ваты. Под горой стоял сделанный из шоколада дворец, у его окна стоял Король Сластей и смотрел на идущего Луненка.

— Пошлите двух стражников следить за каждым его шагом,— приказал Король Сластей генералу, затянутому в шоколадный мундир.— Если это враг, рано или поздно он съест что-нибудь, дом или дерево, и тогда мы его арестуем и посадим в подземелье замка.

— А если нет?

— Дорогой генерал, вы когда-нибудь видели иностранца не обжору?

А Луненок, не ведая ни о чем, продолжал свой путь по городу. За его спиной неслышно шагали два стражника.

Им надоело это бесцельное хождение за пришельцем.

— Скушай кусочек маленького марципанового деревца. Это очень вкусно! — вполголоса посоветовал один из них Луненку.

Луненок, думая, что это кто-то из инструментов, ответил:

— Я не ем такую пищу.

— А попробуй кусочек этого шоколадного тротуара,— не оставлял своих усилий стражник.

— Да не ем я ничего этого! — потерял терпение Луненок.— Я молока хочу!

— Ах, молока! — переглянулись стражники.— Будет тебе молоко! Иди с нами!

Увидев стражников, Луненок хотел бежать. Но посмотрел в их кофейные глаза и, неизвестно почему, поверил им.

Через короткое время он стоял перед Королем Сластей, приветливо протягивавшим ему руку. Еще бы! Впервые за много лет в городе очутился кто-то, кому было плевать на сласти!

Король повелел принести большую кружку молока, что и было исполнено. Обняв ее двумя руками, Луненок поспешно выпил ее до дна и обтер губы.

— Я пришел, чтоб спасти ваш город от Обжор,— заявил он.

— Как ты это сделаешь?

— Сейчас увидите.

Король подозвал генерала и приказал ему выполнять все приказания мальчишки. А Луненок попросил построить солдат и, пройдя перед строем в сопровождении инструментов, выбрал одного из них: ни высокого, ни низкого, ни толстого, ни худого, ни блондина, ни брюнета.

— Теперь тащите сюда всю имеющуюся у вас серебряную шоколадную обертку!

Сняв мерку с солдата, Луненок велел инструментам делать по этой мерке манекены из серебряной фольги.

Скоро в городе не осталось ни единой крыши, ни единой щели, где бы не стоял солдат, блистающий серебряными доспехами.

Вернувшийся в лагерь Обжор Луненок докладывал Верховному Обжоре о том, какое немыслимое количество солдат готовится в Городе Сластей к решающей атаке.

— Откуда у них столько солдат?! — опешил Верховный Обжора и буквально вылетел из палатки в своих новых сапогах, с которыми не расставался теперь, даже ложась спать.

— Взгляните сами,— взмахнул рукой Луненок.

И после многолетней осады Обжоры вернулись по домам.

Путь на Круглый Холм был свободен. Засунув

руки в карманы и насвистывая веселую песенку, Луненок заторопился вперед.

* * *

Друзья двигались целый день, но так и не встретили Черепаху. Им попалась одиноко стоящая Сосна. Она сказала, что Черепаха недавно проходила и была в отчаянии, что потерялся какой-то Луненок.

— Послушай, Сосна, не могла бы ты поднять меня повыше, может быть, я увижу ее? Я ведь и есть Луненок. Без нее я не смогу представиться моей маме. Я даже не знаю, как она выглядит.

Сосна нагнулась и подняла Луненка верхними ветвями к небу.

— Видишь что-нибудь?

— Ничего.

— Она, наверное, скрылась за поворотом дороги,— успокоила Луненка Сосна.— Послушай, а ты не можешь мне помочь? У меня скоро день рождения, неплохо бы привести себя в порядок.

Пила отпилила Сосне засохшие ветки, Щипцы пооткусывали старые иголки. После чего все спустились вниз.

— Ты довольна, Сосна? — спросил Луненок.— Тогда до свидания.

И Луненок побежал к повороту дороги. Добежал и — опять никого не увидел. Огорченный, он сел на большой серый камень у дороги и заплакал.

— Вот плакать не надо,— раздался знакомый голос.

— Черепаха! — вскочил Луненок.— Ты где?

— Вот она я! — Из камня, оказавшегося панцирем, высунулась голова Черепахи.

— Я глазам своим не верю! — воскликнул Луненок, обнимая Черепаху под радостные крики инструментов.

— Боже, какая радость! — ехидно заметило Солнце, появляясь.— Луна, где вы?

Из-за вершины горы вынырнула Луна и послала улыбку Солнцу.

— Могу я быть чем-то полезной вам?

— Когда это вы могли быть мне чем-то полезной? — пожало плечами Солнце.— Это я могу доставить вам удовольствие, сообщив, что ваш протеже у цели. Но я хочу предупредить вас. Такой чертенок может однажды добраться до вас, а потом и до меня.

— Да что вы! Он же ребенок.

— Дети вырастают. И если они настолько настойчивы и любознательны...

Солнце не окончило фразы, но в целом мысль была понятна.

* * *

А внизу стоял гвалт. Усевшись на Черепаху, друзья-путешественники распевали во весь голос веселую песенку и, стукаясь друг о друга, создавали как бы аккомпанемент ей.

С трудом Черепаха вскарабкалась на вершину Круглого Холма и остановилась.

— Ну вот мы и прибыли, Луненок! Видишь внизу дом и мельницу рядом с ним? Это твой дом. Там тебя ждет Солидея, самая лучшая мама на свете. Я свое дело сделала. Я ухожу.

— Куда ты уходишь?

— Умирать. Прошло столько лет. Даже для Черепахи это слишком долгий срок. Прощай! Люби своих друзей.

— Но я не хочу! — Луненок с трудом удерживался от слез.— Останься с нами, Черепаха! Прошу тебя!

— Я бы с удовольствием, но мое время кончилось.

— Скажи мне тогда одно: почему ты сопровождала меня все это время? Неужели только для того, чтобы умереть здесь?

— Что за вопрос! Для того, чтоб ты не чувствовал себя одиноким.

И Черепаха скрылась в кустах. Луненок смотрел ей вслед. Казалось, он должен был чувствовать себя счастливым — ведь после стольких приключений он был близок к тому, чтобы обнять свою маму. А он, напротив, был печален. Но его можно понять. Столько встреч на пути! Случайных и важных, радостных и неожиданных. А теперь еще смерть друга. Это в самом деле было тяжелое испытание.

Но все-таки предстояла самая главная встреча. С мамой.

Только Луненок успел об этом подумать, как...

* * *

Прошло семь месяцев. Полагалось бы девять. Но ведь Луненок всюду и всегда спешил.

Чьи-то сильные руки схватили его, опустили вниз головой и дали сильного шлепка.

— Отпустите меня! — закричал Луненок, сбитый с толку таким приемом.

— Смотри-ка, какой голосистый! — сказала женщина, державшая его за ноги, показывая лежавшей в кровати своей дочери Солидее Луненка с такой гордостью, словно сама родила его.

А Солидея с нежной улыбкой смотрела на ребенка. Она была именно такая, какой видел ее в мечтах Луненок, загорелая, как Солнце, и красивая, как Луна. И у нее было много молока, которое он так любил.

Но Луненок был слишком занят мыслью о том, как ему освободиться,— поразмыслить о чем-либо другом у него просто не было времени.

— Я сказал, отпусти меня! — требовал он, отмахиваясь от поцелуев женщины.— Кто ты такая? Отпусти же!

А бабушка, казалось, получала удовольствие от его крика:

— Как он кричит! Вот это легкие!

— Мне кажется, он хочет что-то сказать.

— А вот мы сейчас его помоем.— Бабушка перевернула его и положила в купель.

И вновь в очередной раз бедного Луненка помыли вопреки его желанию. Он колотил руками по воде и орал во все горло:

— Не хочу мыться!

Но чем он больше брыкался, тем большую радость доставлял бабушке. Тогда он нарочно закрыл рот и замолчал, ужасно ее перепугав. Выхватив из воды, она стала больно шлепать его по голому задику, пока он опять не закричал.

— Наконец-то! — вздохнула с облегчением бабушка.

С этого момента Луненок отказался понимать женщин.

Сказать правду, он вообще перестал что-либо понимать. У него было такое впечатление, что теперь придется узнавать все заново.

Так появился на свет наш герой.

И принялся расти, как все нормальные дети!

Он переболел теми же детскими хворями, что и другие: от коклюша до скарлатины. Каждый вечер ему выпадало купаться. И всегда рядом оказывался кто-нибудь из взрослых, чтобы поругать его, если он совал палец в нос. Солнце не спускало с него глаз, то ли по-прежнему опасаясь, что однажды он доставит-таки ему неприятности, то ли... полюбив его. А Луна по ночам никогда не забывала погладить его по голове и прошептать ласковое словечко на ухо. С папой Спаравантом он часто проводил время среди механизмов, но, к счастью, теперь это были не пушки, а мирные помощники человека.

Как-то в углу он увидел Щипцы, Молоток и прочие инструменты, с которыми проделал полный приключений путь на Круглый Холм. Что-то смутно забрезжило в его памяти. А точнее прапамяти.

— Пила! Молоток! Гвозди! — позвал он.

Но никто из них не ответил и не двинулся с места. Только лучик Солнца отскочил от Пилы, или ему это показалось?

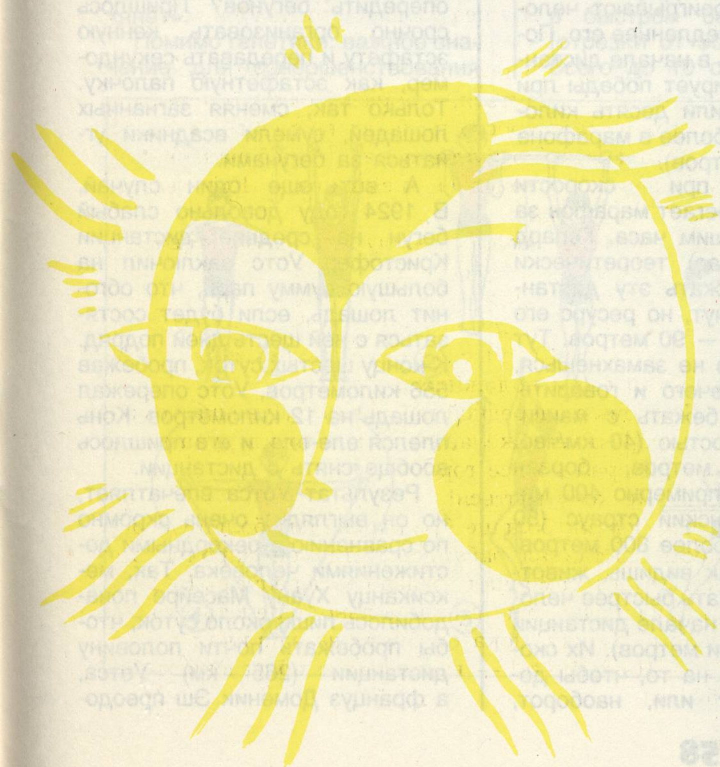
Так Луненок понял, что больше ему не говорить ни с инструментами, ни с грушей, ни с камнями, ни с ветром, ни с рекой.

Но он не стал жалеть об этом. Он нашел другой способ дружить с вещами, когда, войдя однажды с отцом в мастерскую, взял инструменты и стал помогать отцу в работе. А с природой — когда начал помогать в огороде матери.

И это очень понравилось Солнцу.

Впрочем, Луне тоже.

Пересказали с итальянского
Ольга КУЧКИНА и Валерий НИКОЛАЕВ.



Елена ЛИПАТОВА

Беседа

— Тик-так? — спросили Ходики.
— Так-так,— сказали Часики.
Кастрюля булькнула:
— Буль-буль...
Метла спросила:
— Шкря-у?
А Кот ответил:
— Мяу.
Ножи сказали:
— Вжик-тук-тук!..

Молчал в углу один Паук.

Он с детства не любил болтать
И важно думал:
«Изучать
Не стоит ради пустяков
Пять иностранных языков».

Сторож Пров

— Что стоишь ты на углу?
— Охраняю я метлу!
— А зачем метла-то, Пров?
— Чтобы отгонять воров...

Из дневника боровика

Восемь тридцать. Понедельник.
В лес пришел один бездельник.
Покрутился, повертелся
И ушел в соседний ельник.

Вторник. Пятое июля.
Никого — одна бабуля.
Тащит старую тележку.
Раздавила сыроежку.

После дождичка в четверг
Глянул я случайно вверх...
Ох!
Грибник за грибником!
Я прикрылся дневником.

После завтрака в субботу
Сразу взялся за работу.
Поработал я всерьез —
Целый день толстел и рос.

Воскресенье — трудный день.
Едут в лес, кому не лень —
Дяди вани, тети вали...
Как бы вправду не сорвали!

Чует сердце — быть беде.
Ой!
Постойте!!
Что вы де...

Чемпионы против лошадей

В любом справочнике по биологии написано, что лошадь бегает в два раза быстрее человека, и все же... В 1937 году знаменитый, полный сил, но без гроша в кармане Джесси Оуэнс подрядился для заработка соревноваться с рысаками, скакунами и шотландскими пони. Обычно, стартуя с лошадьми, на дистанции 100 метров Оуэнс побеждал. Объяснялось это тем, что лошади пугались выстрела и Джесси при скорости всего 36 км/час финишировал раньше, чем «соперники» оправлялись от испуга и развивали полную скорость (до 75 км/час). Правда, однажды, «чтобы не терять клиентов», Оуэнс пошел на хитрость — нарочно уступил лошади одного миллионера, надеясь взять потом реванш. Но миллионер был так доволен, что от повтора отказался. Это поражение так и осталось единственным.

То ли лавры Оуэнса не давали покоя его соотечественникам, то ли они хотели поддержать традицию, но в 1965 году чемпион Токийской Олимпиады в беге на 200 метров Генри Карр тоже пустился наперегонки с лошадью на своей коронной дистанции и финишировал на грудь впереди. А в 1969 году чемпион следующей, Мексиканской Олимпиады Джим Хайнс выиграл у лошади на той же дистанции уже 30 метров. О победах Карра и Хайнса с восторгом писали газеты, и неизвестно, какого размаха достигли бы подобные состязания и сколько метров выигрывали бы чемпионы в будущем, если бы все дело не испортили... Кто бы ты думал? Ученые!

Поскольку лошадей трудно заподозрить в сговоре с организаторами состязаний, да и чемпионы были вне подозрений, ученые просто заявили, что считают победы Карра и Хайнса случайными, так как на дистанциях 200, 400 и даже 800 метров лошадь обгоняет человека.

— Но к чему такая точность? — можешь ты спросить.— Разве не проще было сказать «на дистанциях свыше 200 метров»?

Представь себе, нет. Потому что, как ты скоро узнаешь, именно от длины дистанции зависит, кто побеждает в беге: человек или его меньшие братья.

ФОРМУЛА БЕГА

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

Дистанция называет победителя

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла...

Такими строчками начинается замечательная поэма М. Ю. Лермонтова «Беглец». Пользуясь явным преувеличением, поэт стремился передать невероятную для человека скорость бега, и именно так мы воспринимаем смысл этих строк. Но с научной точки зрения они справедливы лишь в том случае, если речь идет... о первых метрах дистанции.

— Опять метры. Ну при чем тут метры?! — начинает терять терпение читатель.

А при том, что животные не обладают скоростной выносливостью, то есть они не могут долго бежать с высокой скоростью, и на длинных дистанциях безнадежно проигрывают человеку — бегут медленнее его. Поэтому резвость в начале дистанции не гарантирует победы при беге на пять или десять километров, а тем более в марафоне (42 км 195 метров).

Человек при скорости 20 км/час пробегает марафон за два с небольшим часа. Гепард же (120 км/час) теоретически мог бы пробежать эту дистанцию за 20 минут, но ресурс его быстрого бега — 90 метров. Тут и на километр не замахнешься, а о сорока нечего и говорить. Слон может бежать с максимальной скоростью (40 км/час) около 110 метров, борзая (58 км/час) — примерно 400 метров, африканский страус (80 км/час) — не более 800 метров.

Так что, как видишь, животные могут бежать быстрее человека только в начале дистанции (десятки, сотни метров). Их скорости хватает на то, чтобы догнать жертву или, наоборот, оторваться от преследования, скрыться с глаз, спрятаться. Проигрывая в начале дистанции в скорости большинству животных, человек наделен исключительной выносливостью: способностью бежать, не снижая скорости, очень долго. Это и позволило бы ему, коли состоялись соревнования по бегу с животными на много километров по прямой, догнать и перегнать лань, зайца, волка и всех других зверей. Поэтому в споре «кто кого?» вопрос упирается в метры дистанции.

А как же лошадь?

В самом деле, а как же лошадь? Ведь известно, что она может проходить в день десятки километров?! В том-то и дело, что проходить, в лучшем случае бежать трусцой. Но этого оказывается слишком мало, чтобы составить конкуренцию человеку...

На Олимпиаде 1898 года во время марафона произошел такой курьезный случай. Вместе с бегунами стартовали кавалеристы, которые должны были сопровождать спортсменов и нести секундомеры. Лошади мчались бойким галопом. Но вот кони начинают сдавать — переходят на рысь. Вот они почти останавливаются в изнеможении. Вот марафонцы нагнали кавалеристов, вот перегнали... А как же с секундомерами? Как доставить их до финиша? Как опередить бегунов? Пришлось срочно организовать конную эстафету и передавать секундомер, как эстафетную палочку. Только так, сменяя загнанных лошадей, сумели всадники угнаться за бегунами.

А вот еще один случай. В 1924 году довольно слабый бегун на средние дистанции Кристофер Уотс заключил на большую сумму пари, что обгонит лошадь, если будет состязаться с ней шесть дней подряд. К концу шестых суток, пробежав 556 километров, Уотс опережал лошадь на 12 километров. Конь плелся еле-еле, и его пришлось вообще снять с дистанции.

Результат Уотса впечатляет, но он выглядит очень скромно по сравнению с рекордными достижениями человека. Так, мексиканцу Хуану Масейре понадобилось лишь около суток, чтобы пробежать почти половину дистанции (265 км) Уотса, а француз Доменик Эш преодо-

лел за шесть дней 1009 километров 40 метров! Если бы самая лучшая лошадь попыталась не отставать от французского бегуна, то в первые же сутки соревнований, увы, околела.

Секреты выносливости

Чем же объясняется преимущество человека в выносливости, позволяющее ему побеждать в беге всех животных? Прежде всего генетическими, то есть врожденными, особенностями строения мускулов, легких, сердца, способных долго и эффективно работать.

Например, у людей, занимающихся бегом, вес сердца составляет примерно 1,5% от веса тела, обеспечивая отличное снабжение кислородом и питательными веществами всех органов и тканей и удаление из них шлаков. У волка величина этого показателя значительно хуже — только 1%. Соответственно он быстрее устает в беге. А вот у грозы лесов тигра при весе тела 250—270 кг на сердце приходится лишь 0,4%. Поэтому немудрено, что тигр никогда не преследует ускользающую добычу. Обычно он нападает из засады. Гораздо реже он решается сделать бросок с дистанции 10—15 метров, а с расстояния 35 метров даже очень голодный тигр никогда не пытается напасть на косулю или оленя. На такую пробежку его «маленькое» сердце просто «не потянет».

Помимо генетики, важное значение для совершенствования выносливости имеют систематические тренировки, развивающие врожденное качество. Именно тренировкой человек добивается того, что может пробежать за сутки 200—250 километров, а житель французского города Ля-Рошели Жан-Жиль Бруссике нашел в себе силы непрерывно бежать без сна и отдыха в течение 48 часов, покрыв за это время расстояние 381 км 600 метров. Вдумайся — это свыше девяти марафонов! А как ты, конечно, знаешь, легендарный Фидиппид умер, пробежав без тренировки лишь один марафон.

Совершенствование выносливости может проявляться не только в продолжительности бега, но и в повышении его скорости на той же дистанции, как это происходит в спорте. Достаточно сказать, что за последние десятилетия мужчины стали пробегать марафон на час быстрее, а женщины — на целых полтора часа! Именно врожденные особенности, свойственные человеку, позволяют и тебе при регулярных тренировках бегать все дольше и быстрее.

Физкульт-практикум

(Только для тех, кто хочет бегать ХОРОШО.)

I. Продолжаем тренировки в медленном беге (Программа № 3), соблюдая правила, изложенные в предыдущих выпусках «Формулы бега».

II. Продолжаем тренировки в быстром беге на стадионе (отрезки от 50 до 200 метров). Всего до 10 стартов за тренировку с интервалами отдыха 3—5 минут.

III. Бег хорошо развивает силу мышц ног, бедер, пресса, но недостаточно — верхнего плечевого пояса. Чтобы восполнить этот пробел, рекомендуем не меньше одного раза в неделю включать в тренировки (вместо очередного бегового занятия) комплекс силовых упражнений, приведенный ниже. Занятие с таким комплексом проводится следующим образом: разминка 5—7 минут, легкий бег трусцой 5—10 минут, комплекс силовых упражнений 12—15 минут, легкий бег трусцой — «заминка» — 5 минут, дыхательные упражнения, ходьба, водные процедуры.

КОМПЛЕКС силовых упражнений (Рекомендуется выполнять на школьной или дворовой спортивных площадках.)

См. рис.

1. Подъем вверх рук, преодолевая сопротивление закрепленного резинового амортизатора (бинта) или эспандера. До 15—20 раз.

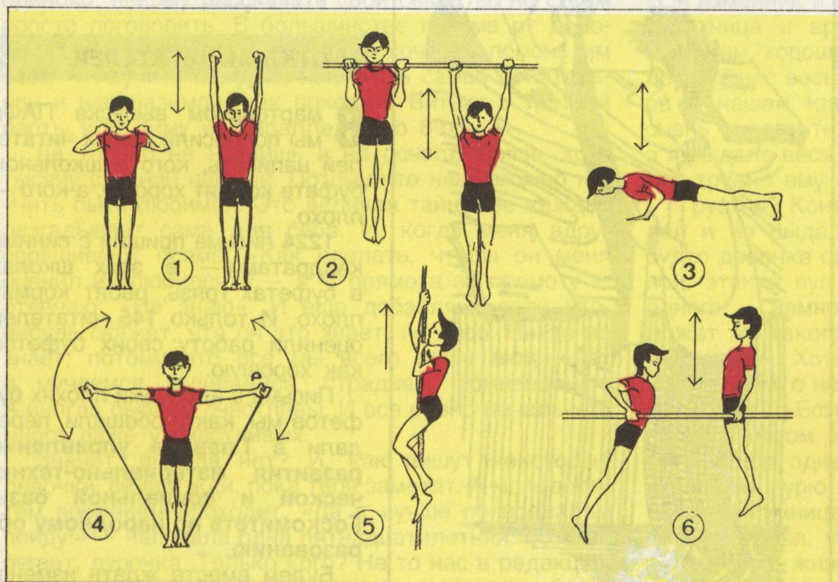
2. Подтягивание на перекладине. До 5—8 раз. Можно с интервалами.

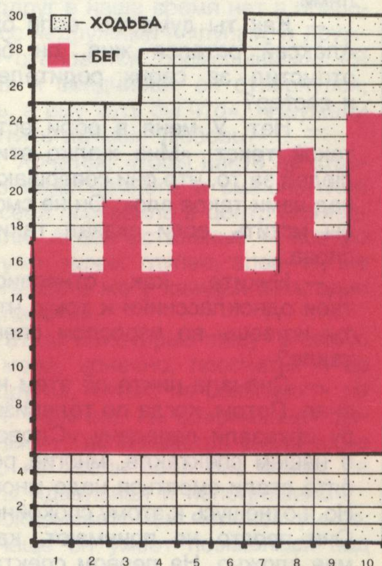
3. Отжимание от земли (пола). До 12—15 раз. Можно с интервалами.

4. Медленный подъем и опускание через стороны прямых рук с закрепленным резиновым амортизатором (бинтом). До 8—10 раз.

5. Залезание вверх по канату или шесту. До 3—4 раз.

6. Отжимание на равновысоких параллельных брусьях. До 5 раз.





ПРЕМЬЕРЫ

Интервью у цесаревича

В марте этого года в Малом театре прошла премьера спектакля «...И аз воздам». О казни Николая II. А так ли необходимо было уничтожать царя, царицу, их четырех дочерей, одиннадцатилетнего сына и прислугу? Вот какой вопрос ставят перед зрителями авторы спектакля.

Больше всего меня поразила игра девятилетнего Никиты Тихонова. Я видела на его глазах слезы, слышала дрожь в голосе и верила, что наследник Алексей был именно таким. Мне очень захотелось встретиться с Никитой и поговорить. И вот наша встреча состоялась.

— Как тебе удалось так вжиться в роль царевича Алексея?

— Я смотрел в зрительный зал и внушал себе, что эти люди меня убивают. Вроде бы они не хотят мне зла, но на самом деле убьют меня. И каждый раз я плачу по-настоящему.

— А если бы тебе предложили сыграть или Тома Сойера, или царевича Алексея, кого бы ты выбрал?

— Тома Сойера.

— Не помогла ли работа над ролью тебе лучше понять своих родителей?

— Понимаешь, спектакль — это такая нагрузка, что я получил в четверти тройку по русскому языку. Оттого я стал часто ссориться со своими родителями.

— Как ты думаешь, если бы Алексей остался жив, он бы отомстил за своих родителей и сестер?

— Нет. У меня в роли есть такой текст: «Мне жалко этих людей за то, что они совершают над нами такое зло». Он не смог бы мстить, если сказал такие слова.

— Никита, как отнеслись твои одноклассники к тому, что ты играешь во взрослом спектакле?

— Сначала никто об этом не знал. Потом, когда по телевизору показали передачу «Слово» о нашем спектакле, многие ребята стали смеяться надо мной. Но я отношусь к этому спокойно. Они просто не понимают, как мне сложно. На первом спектакле я до того разнервничался, что, когда зашел за кулисы, стал рыдать. У меня подкосились ноги, и я не мог идти. Юрий Мефодьевич Соломин нес меня на руках. Но когда я вышел на сцену, зрительный зал помог мне ожить. И после спектакля я вышел из театра счастливым.

— Спасибо, Никита, за интересную беседу.

Беседу вела Екатерина Рыбас, десятиклассница.

ДЕЛОВАЯ СПРАВКА

Начался новый учебный год. И в наше «Агентство» посыпались тысячи писем со старыми, нерешенными проблемами. «А у нас в школе...» — и дальше обиды, недоумение, вопросы.

Вот, например: «Наш класс решили разделить на три класса (отличников, хорошистов и двоечников). Мы столько лет учимся вместе, и вдруг нас делят! Мы не хотим». Это письмо из Молдавии.

И похожее, из Киева. «Нас хотят расформировать: класс сильных, класс слабых. Учителя говорят, что это пойдет нам на пользу».

Как помочь ребятам?

Права ли здесь администрация школы?

С этими вопросами мы обратились к **заместителю начальника Главного учебно-методического управления общего и среднего образования Госкомитета СССР по народному образованию Маргарите Романовне ЛЕОНТЬЕВОЙ.**

— Я думаю, деление учеников на класс отличников и класс двоечников не лучший вариант. Такое разделение удобно только учителям — меньше надо к урокам готовиться, а для ребят это тяжелое потрясение.

Другое дело — разделение классов по наклонностям учеников. Класс гуманитариев, класс естественников, класс математиков... Вот такое деление действительно пойдет ребятам на пользу.

АДМИНИСТРАЦИЯ ШКОЛЫ МОЖЕТ РАСФОРМИРОВЫВАТЬ КЛАССЫ ТОЛЬКО С СОГЛАСИЯ РОДИТЕЛЕЙ ШКОЛЬНИКОВ. Если вы не согласны с новым разделением, ребята, поднимайте на ноги школьный совет, родительский комитет, ищите сторонников среди своих мам и пап.

ОТКЛИК ЧИТАТЕЛЕЙ

В мартовском выпуске ПАФа мы попросили наших читателей написать, кого в школьном буфете кормят хорошо, а кого — плохо.

1224 письма пришли с синими квадратами — в этих школах в буфетах грязь, ребят кормят плохо. И только **145** читателей оценили работу своих буфетов как хорошую.

Письма с адресами плохих буфетов мы, как и обещали, передали в **Главное управление развития материально-технической и социальной базы Госкомитета по народному образованию.**

Будем вместе ждать изменений к лучшему.

Выпуск подготовил А. МУХАНОВ.

Людмила МАТВЕЕВА

Улыбнись перед зеркалом,

или Блондинка продолжает искать друга

«Блондинка ищет друга». Так называлась беседа, которую я вела с читателями «Пионера» в двенадцатом номере за прошлый год. Вышел номер — и пришло много писем. В каждом своя история, а все вместе опять о том же: человеку одиноко, некому рассказать свои секреты, не с кем просто поговорить. В большинстве письма от девочек, они просят помощи. Так и хочется помочь им всем — научить каждую, как стать самой обаятельной и неотразимой, как покорить Витьку с третьей парты или Диму из параллельного 8-го «А».

Да только не научишь и не осчастливишь, хоть тысячу страниц напиши. Потому что невозможно научить быть любимой. Это великая тайна, ее каждая разгадывает сама для себя. И, когда меня вдруг спрашивают прямо: «Как сделать, чтобы он меня оценил и влюбился?»,— я — прямота за прямоту — отвечаю: «Не знаю». И еще добавляю: если кто-нибудь скажет, что он это знает, не верь. Никто не знает, потому что все мы всего лишь люди, вот и мучаемся, ошибаемся, страдаем, сомневаемся. А иногда бываем счастливы. И все равно печального много даже у счастливых.

Значит, выхода нет? И, как пишут некоторые девочки, сиди и жди, пока тебя заметят. А молодость тем временем проходит. «Да я лучше по подвалам пойду!» — написала одна пятнадцатилетняя. Вот как пугает, дурочка. Только кого? Не то нас в редакции, не то саму себя.

Не надо — по подвалам, плохое место — подвалы, и жизнь там плохая.

А что же надо?

Один совет могу дать. Только договоримся — не обижаться и не спешить его отвергать, не считать, что он к делу не относится.

Надо очень внимательно, очень спокойно поглядеть на одного человека. На того, кого мы считаем очень хорошим и справедливым, к кому относимся очень серьезно. Догадались? Правильно — на саму себя, вот на кого полезно взглянуть справедливым взглядом. И ответить: не слишком ли всерьез мы к себе относимся? «Я прекрасная, исключительная, изумительная. А другие — они дураки, раз меня смеют не принимать».

Вы только посмотрите: ни одна из написавших нам девочек не говорит, что она сама в чем-то виновата. Ни одна. А все до единой винят других. Вот цитаты из писем.

«Все пацаны подлецы», «Я модная и красивая, а он ходит мимо, потому что ничего не соображает», «Он изменник и предатель», «Моя лучшая подруга — сплетница и врунья», «Не доверяйте свои тайны подругам, хороших подруг в наше время нет в природе», «У нас весь класс недружный и глупый, а дружба в нашем классе становится посмешищем», «Я очень чувствительная и обидчивая, он отвернулся, а я рыдала весь день, а ему хоть бы что», «Неужели так трудно ему ответить на мою любовь?»...

Грустно? Конечно. Хочется, чтобы никто не страдал и не рыдал. Но ведь немного и смешно. Как будто девочка сама себя поставила в центр Вселенной, этакий пуп земли. А все остальные — все до одного! — намного хуже, ниже, глупее, злее. Ну не может же такого быть! Есть же у каждой хоть один недостаток. Хоть маленький.

Впрочем, о недостатках некоторые пишут о своих. Но каких? «Есть у меня, конечно, просчеты: я не ругаюсь матом, как другие, никого не обзываю — не могу». Еще одна: «Я, конечно, не современная девушка: не курю, не пью». Так и хочется сказать: не пьешь, и умница. Но не хвали себя без конца, не убеждай себя, что ты идеальная и непогрешимая.

Все-таки жизнь показывает: чем человек умнее, чем он выше, тем чаще он умеет посмеяться над

собой, критикует себя, бывает собой искренне недоволен. В первую очередь собой, а потом уж кем-то еще. Вот и хочется посоветовать: начни с себя. Даю тебе честное слово — это единственный путь к людям, к их пониманию.

И еще совет: улыбнись, глядя на себя. Не только восхитись своей красотой, а пошути над своими веснушками или слишком громким голосом, или грубостью. Девочка хвалится: «Вот я ему врезала, будет помнить теперь». А насколько она была бы симпатичнее, если бы сказала или хоть подумала: «Что ж я на него так накинулась? Сама же первая была виновата». Чувствуете разницу? Я вовсе не хочу никого обвинять ни в грубости, ни в чем-то еще. Я прошу: обвини себя, повоюй с собой, а не только с другими. И, если уж на то пошло, «врежь» себе, одерни себя. За что? Да найдется, я думаю.

Шарит девчонка глазами все время — ищет друга. Может быть, этот? Или вон тот? Или тот? Ах, подлецы, бегут мимо, дураки, ослепли, что ли? Такая красота неземная перед ними. А если повеселее взглянуть? Да какие же они подлецы? Самые обыкновенные мальчишки. И нечего трагедию нагнетать. Не слишком ли мы носимся со своим пресловутым одиночеством? И не сами ли нагоняем на себя тоску? И на других, значит, тоже. Ведь тоска — чувство заразительное.

Один мальчишка написал о своей однокласснице: «Уперлась, как рогом в лужу — подавай ей друга. А я не хочу с ней дружить, она нудная».

Может, он слишком резкий парень. Но доля истины, наверное, есть в его словах.

Недавно я видела в кино перед сеансом двух девочек. Они ели мороженое, весело щебетали. Вдруг появилась группа парней. Что стало с девчонками! Напряглись, мороженое у одной по куртке потекло, она о нем, видно, забыла. Другая широко раскрыла рот и заорала: «Саша! Сашок! Иди к нам! И ты, Валера!» Парни пренебрегли, отошли в другой конец фойе. Кто здесь плохой? Кто хороший? Не берусь судить. Не о правилах приличия речь. А о том, что девочки в тот момент не видели себя со стороны. И совсем потеряли чувство юмора. И никогда не признали бы, что сами виноваты в том, что парни не захотели к ним подойти, хотя были с ними знакомы. Презрительно скривили рты парни, а тогда и девочки сказали: «Не больно-то вы нам нужны». Обиделись.

Мне кажется, есть такая лесенка из трех ступенек. Самокритика, юмор по отношению к себе и, наконец, самоирония. Это уже высшая ступенька, до нее надо суметь добраться.

Смотрите, как интересно. Чувство юмора есть у большинства нормальных людей. Все любят шутки, веселые песни, охотно смеются над анекдотами. Но куда девается чувство юмора у многих, когда посмеются, даже безобидно, над ними самими?

Я всегда восхищалась людьми, которые, попав в глупое положение, первыми начинают смеяться над собой. И сразу глупое положение перестает быть таким уж глупым.

Зима, гололед. Идет по улице девушка. Поскользнулась и упала. Рядом оказался молодой человек. Он был современный и вовсе не бросился поднимать ее. Она поднялась сама, отряхнула снег и вдруг сказала легко и весело: «Вот опять приземлилась». И улыбнулась. А он? Он ответил: «Ну что вы! Просто улицы не посыпают». И тоже улыбнулся.

Можно дворника ругать, а можно себя.

Напоследок скажу. Если сегодня тебе плохо, одиноко — верь, что это временно. И завтра будет лучше. Давай научимся с юмором относиться не только к анекдотам, но и к самим себе.

Станислав РОМАНОВСКИЙ

Седмица

«Помни день субботний,
чтобы святить его:
шесть дней работай
и делай в них всякие дела твои,
а день седьмой, суббота,
Господу Богу твоему».

Чтобы понять эту заповедь, необходимо знать, как, по Библии, сотворен мир.

Как именно?

В начале был хаос, тьма; глубокие воды покрывали Землю.

Бог принялся за строительство мира.

В первый день Он выткал свет, отделил его от тьмы и назвал свет — днем, а тьму — ночью.

Во второй день Бог изваял небо.

В третий день Он извел из воды сушу и назвал ее Землею, а собрание вод назвал морями. На суше Бог вырастил травы и деревья.

В четвертый день Бог зажег Солнце, Луну и звезды — для освещения Земли и для счета дней и годов.

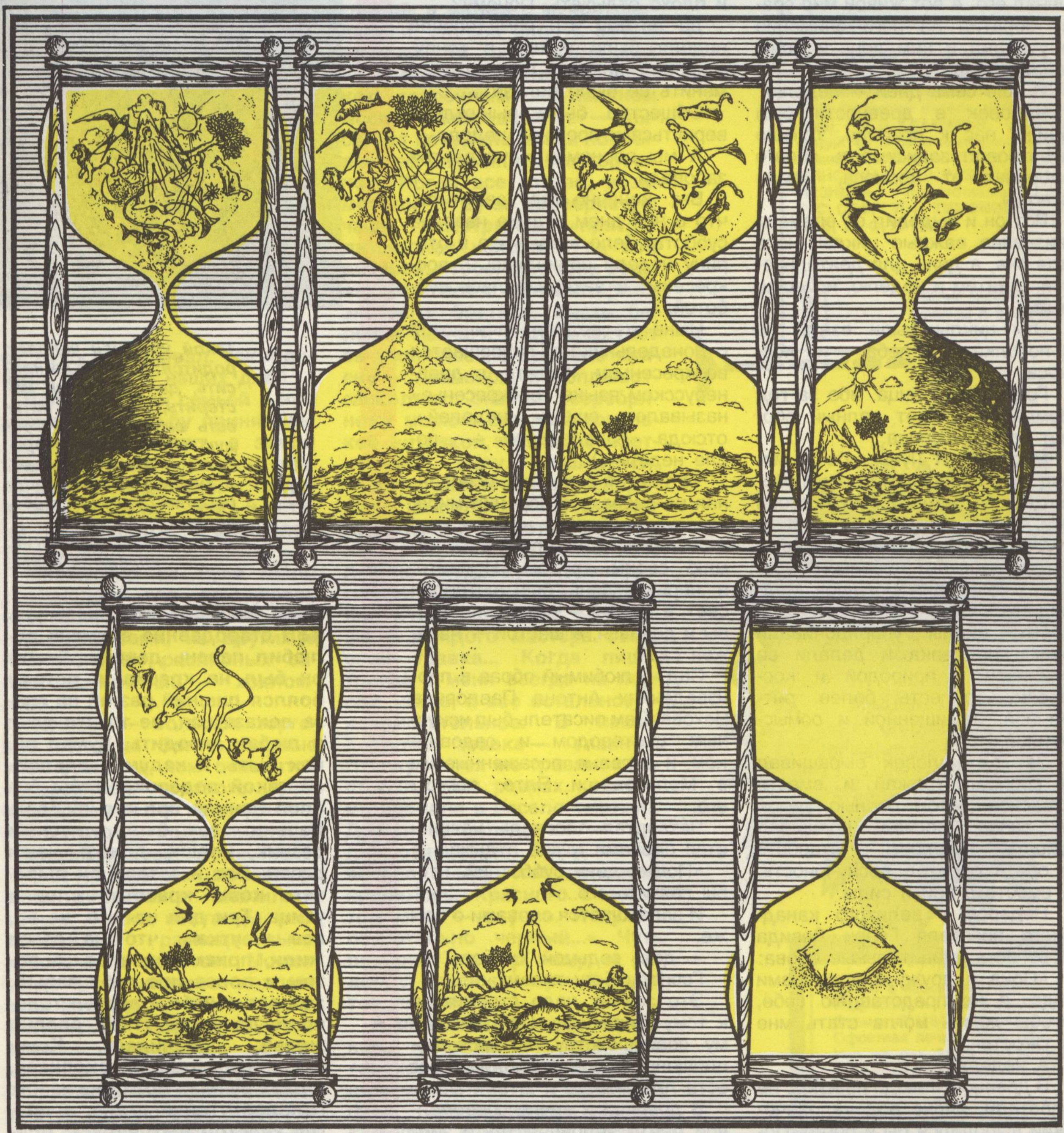
В пятый день Бог создал рыб и вывел из морей пресмыкающихся и птиц.

В шестой день Бог сотворил животных и — по образу своему — человека и насадил для него сад.

В седьмой день Бог отдыхал. Он освятил этот день, то есть выделил его из других дней, как праздник, и возвысил.

...Сотворение мира — это вроде бы поэтическая сказка, а вот ученых удивляет ее научная достоверность. Сегодня благодаря новейшим исследованиям мы, например, доподлинно знаем, что вся жизнь вышла из океана, даже птицы. Но откуда об этом было известно авторам Библии несколько тысяч лет назад?

Однако вернемся к четвертой заповеди. Внимательно перечи-



тайте ее, а я задам вам нетрудный вопрос:

— Какая связь между картиной сотворения мира и четвертой заповедью? Почему заповедь рекомендует работать шесть дней, а в седьмой отдыхать?

Уверен, что самые сообразительные ответят сразу и приблизительно так:

— Связь тут прямая. Бог трудился шесть дней, а в седьмой день отдыхал. Так же обязан поступать человек, поскольку он создан по образу и подобию божьему.

А теперь вопрос потруднее, как говорится, «на засыпку»:

— Почему работа и отдых занимают семь дней? Не больше и не меньше?

Проще всего отделаться шуткой:

— «Почему? Почему?» А ни-почему! Так захотелось сочинителям Библии.

Но шутка тут не проходит. В древних книгах нет ничего скоропалительного. Каждое слово в них шлифовалось веками.

Так все-таки почему же неделя?

...Давайте начнем с самого начала — с рассказа о сотворении мира. Пройдемся по нему по фразе, по слову и обнаружим, что Бог сотворил не только небо, Землю, светила, растения, животных и человека, но и кое-что другое:

светила — «для освещения земли и **для счета дней и годов**».

Бог сотворил еще и время!

Естественно, время текло всегда, но мертвый хаос не за-

мечал его. А вот живой мир сразу обратил на него внимание и учредил в нем день и ночь, месяц и год.

И еще семь дней — неделю.

Человек в древности был ближе нас к природе, тоньше чувствовал зависимость своего здоровья от космоса, Земли и воды.

Вот он и выделил во времени жизненно важные циклы: ночь для сна, а день для деятельности, а затем и неделю, и месяц, и год.

Эти циклы были взяты не с потолка, а с неба — из космоса.

Год — от Солнца, ибо за год Земля совершает полный оборот вокруг Солнца.

Месяц — от Луны, ибо за месяц Луна совершает полный оборот вокруг Земли и вокруг своей оси.

Семь дней недели — от семи звезд Золотого небесного ковша — созвездия Большой Медведицы.

Эти циклы упорядочивали жизнь человека и делали ее слиянной с природой и космосом, то есть более ритмичной, защищенной и осмысленной.

За год человек выращивал и собирал урожай и вместе с весной, летом, осенью, зимой и снова весной проживал юность, зрелость, старость и опять обретал весну-юность, а вместе с ней и силы.

Недаром у великого канадского писателя Генри Девида Торо есть удивительные слова:

«Пока я дружу с временами года, я не представляю себе, чтобы жизнь могла стать мне в тягость».

А неделя?

В древности люди на износ не работали, иначе род человеческий выродился бы и погиб. Погиб бы он и при сплошном бездействии.

Люди искали и нашли разумную череду дней для работы и отдыха — неделю: цельный цикл из семи дней.

Цикл этот, выработанный тысячелетиями, самый оптимальный для организма человека и такой же естественный, как пульс, как удары человеческого сердца.

В 30-е годы у нас в стране была попытка отменить неделю и заменить ее шестидневкой. На поверхностный взгляд — ничего страшного, даже выходных прибавилось.

А люди стали хуже работать и плохо отдыхать. Почему?

Да потому что семидневная неделя была у них в генах, в крови и никаким приказом отменить ее было нельзя.

Общество было вынуждено вернуться к прежней неделе.

А мы вернемся к четвертой заповеди.

Вы, конечно же, заметили, что в ней днем отдыха названа суббота. Дело в том, что в старину неделя начиналась с воскресенья и заканчивалась субботой.

Ныне же неделя начинается с понедельника и завершается воскресеньем. (Кстати, в древнерусском языке «воскресенье» называлось еще и «неделей», отсюда «понедельник» — «после недели».)

Четвертая заповедь, основанная на сценах сотворения мира, советует работать не абы как, а созидать, облагораживать Землю своим трудом. Помните, в первый день был сотворен свет, в третий — выращены травы и деревья, в шестой — насажен сад?

Сад — любимый образ в произведениях Антона Павловича Чехова. Сам писатель был искусным цветоводом и садовником, и деревья, посаженные им в Мелихове и Ялте, помнят его.

Четвертая заповедь начинается словами о дне отдыха:

«Помни день субботний, чтобы святить его...»

И завершается словами о нем же:

«...день седьмой, суббота,
Господу Богу твоему».

Это значит надо стремиться к тому духовному и физическому совершенству, которое воплощено в словах Библии: «Бог есть любовь».

В древней и вечно современной мечте человечества о земном идеале.

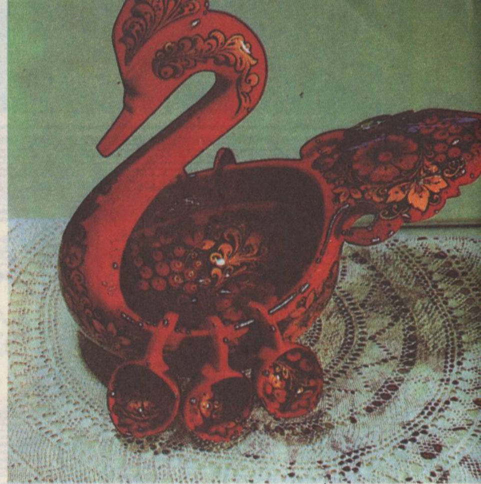
Седьмой день на особицу выделен в заповеди, как в старинных книгах золотом или киноварью выделяют заглавные буквы.

Этот день — праздник души!..

Пусть душа ваша радуется общению с природой, с людьми, близкими вам; с миром высокой поэзии и музыки. Пусть она испытает счастье, оттого что вы посадили дерево или помогли слабому.

...На этом кончается первая скрижаль, где запечатлены четыре заповеди о Боге.

Вторая скрижаль — о Человеке.



Такой уж иной человек родится: чертить да красить, да что-нибудь мастерить, вроде как пить-есть ему надобно. Сундук, скажем, и без прикрас в обиход пойдет. А художнику охота, чтобы этим сундуком любовались.

Б. Шергин.
«Лебяжья река».

Дед мой вот что сказывал. В стародавние времена полюбил парень девицу. Лицом он был не красив, и потому боялся лишний раз ей на глаза показаться, не то что речи о любви заводить. Думал он, как быть, и надумал сделать ей такой подарок, чтобы без слов поняла про его любовь. Парень этот был искусный резчик, ковши, ложки, чаши резал. Вот и затеял он вырезать ковш красотой словно утица. Три дня не пил, не ел, все к уткам, что на озере жили, присматривался. А потом и вовсе про себя забыл, заперся в избе и вышел только тогда, когда утица, словно живая, получилась. Ковш этот, что зовется скопкарь, о двух ручках. Вот одна из них головой утиной стала, а другая хвостом вытянулась. Пришелся подарок девице по́ сердцу. Ай да мастер, экую красоту сотворил — как не полюбить такого. Вскоре свадьбу сыграли, и родился у них первым сын — весь в батюшку. И у него к резьбе дар был. Отцовскую утицу он повторил, да еще узорами украсил. А внук, когда подрос, тоже к резному делу всей душой прикипел. К тому ко́вшу изобрел-приладил маленькие ковшики — «утят для малых ребят». Так и повелось: от отца к сыну передавалось мастерство, и, сохраняя отцово и дедово, добавлял каждый резчик свое умение и выдум-

Лад

Владимир АНИЩЕНКОВ

Золотая хохлома

ку, душу вкладывал. Так и дожила утица до наших дней.

Вслед за этой семьей и вся деревня за резьбу принялась. Летом хлеб ро́стят, а зимой разные поделки режут. Сначала для себя делали, а потом и на продажу. Тем и стали промышлять — сложился промысел.

Множество на Руси было промыслов, где по дереву работали. На одних с резными украсами, на других с росписью. Из расписных самый знаменитый — хохломской.

Хохлома — большое торговое село на Волге. Первые упоминания о нем относятся к временам грозного царя Ивана. Земли эти принадлежали богатому подмосковному Троице-Сергиеву монастырю. В обстоятельных монастырских описаниях значились ковши, ложки, поставцы, раскрашенные разноцветными красками и золотом. Может, тогда и зачиналась хохломская роспись. В XVII веке потянулись в Заволжье «утеклецы» — староверы, не согласные с новыми церковными правилами и крепко стоявшие за старую веру и дедовские обычаи. Среди них были и иконописцы. «Травники», так называли художников, которые писали природу на иконах, взялись за роспись домашней утвари — от деревянных ложек до бездонных сундуков, Применяли они в росписи секретный способ золочения. В чем же он состоит? А вот в чем.

Когда готово «белье», так называют белую, не раскрашенную еще посуду, начинается подготовка к росписи. Спервоначала натирает художник посудину жиденьким слоем глины, это для того, чтобы все поры в дереве сгладить (в старину изделие не глиной, а мелом с мукой левкасили, словно икону), потом олифой, то есть белилами и красно-коричневым суриком, сваренными на льняном масле, а как «встанет» — высохнет посудина, тогда покрывает ее алюминиевым порошком. Когда все готово, возьмет он в руки серебристую чашу, всмотрится, «приглядится, как изложить на ней рисунок, чтобы согласна вещь вышла». Вот и пришло время за кисть браться. Кисть беличья легка и упруга. Окунет ее живописец в красную краску — киноварь, и поплывет-заскользит она по «серебряному морю». Сначала тоненькой ниточкой, потом наберет-наберет силу, наширится, и тогда выгнется крутой дугой и на полном ходу взлетит над чашей и замрет. И зовется эта роспись кудриной. «Я люблю кудрявую травку,— говорит хохломской художник Степан Веселов. — Раньше у каждого мастера была своя травка... Когда пишу, травка у меня всегда на первом месте, а все остальное — вспомогательное. В нашей Хохломе травка — главное. Птичку из тех же травинок сострои... Эта размах крыльями сделала и весело смотрит. Другая встрепенулась — глядит, озирается... Пишу, чтобы весело было, чтоб человеку нравилось. Красного с золотом мало — скучно. И нужен обязательно черный...» Чуть повернет мастер чашу, и рядом с красным черный завиток ляжет.

А еще есть роспись «ягодка», «листок» — это все «верховная» роспись, свободным махом кисти, а еще «под фон» — когда рисунок черным контуром наносят, а промеж линий заполняют краской.

На иной вещи Степан Павлович и надпись напишет: «Маша кушай кашу», а на блюдце: «Хлеб на стол, и стол — престол. Хлеба ни куска, и престол — доска».

Когда роспись закончена, покроет ее художник лаком, да не единожды, раз пять-шесть, и тогда уже в печь калить посудину поставит. Вот тут-то волшебство и происходит. От жары лак пожелтеет, и блеск металлический из-под него зазолотится. Из печи чашу уже золотой вынет.

Вот она какая, Золотая Хохлома.

ЧИТАЙ В ОКТЯБРЕ: окончание повести Н. Федорова «Тучков мост»; повесть Мадлен Лэнгл «Знакомьтесь: семейство Остин»; статью о чуме XX века — СПИДе.

Сдано в набор 04.07.90.
Подписано к печати 19.07.90. А 06928.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 2574.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Золотая хохлома

Рассказ о ней — на 64-й странице.

Фотографии А. КРУПНИКОВА.

ISSN 0130—8009. Пионер. 1990. № 9. 1—64.